

ФБГУН Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В. И. Абаева
ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания

ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск VII

Владикавказ 2015

ББК 63.214(531)

*Печатается по решению
Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А*

Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск VII: сборник статей. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 280 с.

ISBN 978-5-91480-226-1

Редакционная коллегия:

***И.Т. Марзоев**, доктор исторических наук;
М.И. Барзбиев, кандидат исторических наук;
Р.М. Абрамян, кандидат педагогических наук;
К.Р. Дзалаева, кандидат исторических наук*

*В оформлении обложки использован герб
Терской области, утвержденный Императором Всероссийским
Александром II в 1873 г.*

ISBN 978-5-91480-226-1

ББК 63.214(531)

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015

© Коллектив авторов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

О КУМЫКСКО-КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ
ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В ИСТОРИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДАГЕСТАНСКОГО
ШАМХАЛЬСТВА И КРЫМСКОГО ХАНСТВА XV-XVII ВВ.6

Джавахишвили Н. Г.

ИЗ ИСТОРИИ ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКОВ МЕЖДУ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГРУЗИНСКИХ И ЧЕРКЕССКИХ
ЗНАТЫХ РОДОВ (XVI-XVIII ВВ.) 11

Кармов Р. К.

ИСТОЧНИКИ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ
РОДА КАРМОВЫХ 24

Киреев Ф. С.

ИЗ ИСТОРИИ ОФИЦЕРСКОГО РОДА ТЕРСКИХ
КАЗАКОВ ФЕДЮШКИНЫХ СТАНИЦЫ ЧЕРВЛЕННОЙ 45

Кулиев М. Р.

ДИНАСТИЯ НАХИЧЕВАНСКИХ ХАНОВ 55

Магалаян А. В.

АРМЯНСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ РОД АСАН-ДЖАЛАЛЯНОВ
В XVII-XIX ВЕКАХ 61

Малкарова Н. О.

ИСТОРИЯ РОДА МАЛКАРОВЫХ 86

Марзоев И. Т.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦАРГАСАТСКИХ
ФАМИЛИЙ ПОТОМКОВ ДЗАНКАЛИЦА 97

Тезиева М. Х.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ПО ЛИНИИ ТАГАУРСКИХ АЛДАР
ДУДАРОВЫХ 105

Шумков А. А.

АСТРАХАНСКИЕ АРМЯНЕ КОТЕЛЬНИКОВЫ 108

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Абрамян Р. М.**

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
ПРОВЕДЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАРОДОВ КАВКАЗА 140

Атабекян В.

АРХЕТИПЫ ПЕРВОПРЕДКА-ПАТРИАРХА У АРМЯН
И ИРАНЦЕВ: ХАЙК И ХАОШЬАНГА 162

Гарсаев Л. М., Гарасаев А. М., Шаипова Т. С., Гарсаева М. М.

ЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ГОРДАЛОЙ (Г'ОРДАЛОЙ).
(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ) 167

Гарсаев Л. М.

ЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО БЕНОЙ.
(ИСТОРИЯ, ТОПОНИМИЯ, ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ) 181

Дасания Д. М.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
И ЭТНОЛОГИИ АБХАЗСКИХ ФАМИЛИЙ 192

Мусаева С. И.

- СЕМЬЯ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УРАХИНСКОМ
СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ (XIX – НАЧАЛО XX В.)207

Хасбулатова З. И.

- К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ
СЕЛЕНИЯ ХАРАЧОЙ И ТАЙПА ХАРАЧОЙ
(ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)217

Хатламаджиян А. С.

- АРМЯНСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ДОНА
ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ227

БИОГРАФИИ**Арсанукаева М. С., Батаева Р. Б.**

- ГЕНЕРАЛ ЭРИСХАН СУЛТАН-ГИРЕЙ АЛИЕВ – ГЕНЕРАЛ
РОССИЙСКОЙ АРМИИ238

Брацун Е. В.

- ОФИЦЕРЫ КАВКАЗЦЫ НА СЛУЖБЕ В КАВКАЗСКИХ
КАЗАЧЬИХ ВОЙСКАХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.248

Далгат Э. М.

- ОНА БЫЛА ПЕРВОЙ. К 130-ЛЕТИЮ ПИАНИСТКИ,
КОМПОЗИТОРА ДЖЕННЕТ МАГОМЕДОВНЫ ДАЛГАТ
(1885-1938)259

БИБЛИОГРАФИЯ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ**Абрамян Р. М.**

- БИБЛИОГРАФИЯ АБХАЗСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ
(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)268

- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....278

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

Г.-Р. А.-К. Гусейнов
(г. Махачкала, Россия)

О КУМЫКСКО-КРЫМСКО-ТАТАРСКИХ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДАГЕСТАНСКОГО ШАМХАЛЬСТВА И КРЫМСКОГО ХАНСТВА XV-XVII ВВ

Рассматриваемые связи восходят ко времени образования Крымского ханства. Собственно исторический аспект рассматриваемой проблемы, не входящий непосредственно в число задач настоящего исследования, лишь сравнительно недавно стал объектом научного рассмотрения в плане постановки вопроса [см.1].

Так, еще в 1443 г., когда упоминается «Кумук хакимие», который с XVI века именуется «Вилайет Дагестан» [2, с.123], практически одновременно с захватом Перекопа в Крыму Хаджи-Гиреем, происходившего от Тука-Тимурида Джанак-оглана, младшего брата Туй Хаджи-оглана, отца Токтамыша, кумыки обретают свою независимость и избирают Шаухал-хана из того же рода Тукатимуридов. Это происходит после прекращения здесь в 1396 г.

первой чингизидской династии, восходившей к Менгу-Тимуру [3, с.62].

К числу первых фактов установления рассматриваемых связей следует отнести данные арабоязычного сочинения – рассказа середины XV в. «Гирейхана ал-Чаркаси по имени Гиримхан», деятельность которого в Дагестане совпадает по времени с правлением Хаджжи-Гирея (ум. в 1466 г.), родоначальника правящей династии Крымского ханства – Гиреев, и Менгли-Гирея (1468-1515). Сам Гирейхан ал-Чаркаси по имени Гиримхан, согласно тексту, записанному в своем первоначальном варианте в 866/1481-82 г., был эмиром и раисом Черкесии, Чечни, Крыма, а затем – ряда владений Закавказья, включая Шемаху и Гянджу. Как полагают комментаторы, «по другим источникам нам неизвестны подробности о деятельности Хаджжи-Гирея или Менгли-Гирея ни на Северном Кавказе в целом, ни конкретно в Дагестане» [4, с. 170, 171].

Однако можно предполагать, что это была историческая личность, если принять во внимание надгробную эпитафию в предгорном кумыкском с. Верхний Дженгутай Буйнакского района РД, в которой упоминается живший примерно в XV в. «Гирай-хан правитель Чечни и черкесской Горной области» [5, с.86,116]. Герей-Хан (не исключено, что это совпадение) правил и в высокогорном селении Сагада на крайнем северо-западе Дагестана [6, с. 140] (Цунтинский район). Кроме того, Герей-Хан, сын Бахадур-Хана был обозначен в надписи на сабле, которая датируется примерно 1473 годом, из коллекции османских султанов, как «Сахиб и Сейф Вали Дагистан Герей-Хан Бин Бахадур-Хан» (в переводе «владелец меча и вали Дагестана Герей-Хан, сын Бахадур-Хана») [см.1, с.2].

Указанные пределы в известной степени соответствуют территории, которая обозначается генетически азербайджанско-турецким хоронимом Дагестан (досл. «горная страна»). Он впервые упоминается в ширванской (Азербайджан) хронике «Тарих Дагестан» (XIV-XVI вв.), обозначая территорию «от вилайата Чаркас (Черкесия) до города Шамах» (Азербайджан), т. е. практически весь Северный Кавказ и северную часть Восточного Закавказья [7, с.52-53].

Не исключено, что именно Герей-Хан Бин Бахадур-Хан мог быть избран правителем (шамхалом) кумыков, так как известные на сегодняшний день в качестве первых и правившие в XV веке безымянны – это Шаухал-хан, Шаухал («падишах») (1485 г.) и Шаухал «вали Дагестанский» (1494-95). И лишь впоследствии упоминаются Уллу-Ахай I (1-я пол. XVI века) и Уллу-Ахай II (сер. XVI века) [см. 8].

Тем более что после падения Астраханского ханства в 1556 г. турецкие источники XVI века знают на Северном Кавказе только татарские страны Дешт-и-Кипчак, отождествлявшийся с Крымским ханством, включавшим также степную зону Северо-Западного Кавказа, и Дагестан. И соответственно в Османском реестре мусульманским владельцам Северо-Восточного Кавказа 1578-1586 гг. правитель Кумыкского государства шамхал (шавхал) Чопан титулуется аналогично статусу крымских ханов. Он именуется при этом «Dagistan Hakimi Ulu-Sauhal» («Дагестана владетель Великий Шавхал»), «Komuk Hakimi Ulu-Sauhal» («Кумыков владетель Великий Шавхал») и даже «Dagistan Komuk-Kajtag Hakimi Ulu-Sauhal» («Дагестана кумыкско-кайтагский владетель Великий Шавхал»), и для него, как и владельцев Кабарды (Кабартай-Мирза), кумыкского Кайтака (Усуми) и Табасарана (Максуд), фирманы султана заверялись золотой печатью с его тугрой [см. 9, с.141-147].

Тогда же непосредственные кумыкско-крымско-татарские, в т.ч. династические, связи приобретают сравнительно интенсивный характер. Не случайно именно в Кумыкии скрывался в 1536 году Ислам-Герей, соперник Сахиб-Герей в борьбе за престол [см.1, с.2]. Затем в 1584-1585 гг. сын хана Мухаммад-Гирей II Саадет-Гирей вместе с другими братьями два раза неудачно пытался взять власть в Крыму при помощи большого ногайского войска и кумыков, причем в начале 1585 г. вместе с Сафа-Гиреем «пошли в Шевкалы», т.е. к кумыкам. И после второго поражения Чопан-шамхал предоставил ему убежище в своих владениях, где осенью 1586 г. к нему присоединился Сафа-Гирей. По приглашению третьего брата Мурат-Гирей, принятого в том же году в Москве и отправленного в 1586 г. в качестве хана в Астрахань,

Саадет-Гирей прибыл туда же. В конце 1586 – начале 1587 года Мурад-Гирей предпринял безуспешную поездку в Кумыкию, куда он отправился, чтобы жениться на дочери шамхала Тарковского и убедить его перейти в русское подданство. После внезапной смерти Саадет-Гирея осенью того же года Мурад-Гирей женится на его вдове Ертуган с пасынком-племянником Кумык-Гиреем. Однако весной 1591 года оба они (Саадет-Гирей и Кумык-Гирей) внезапно скончались в Астрахани [10].

Известно, что уже в следующем веке знаменитый кумыкский полководец и правитель Эндирейского княжества Султан-Мут (Султан-Махмуд) отправляет в 1630 г. к турецкому султану и в Крым своих узденей за помощью для нападения на Терскую крепость (Терки), построенную в 1567 г. царскими войсками в устье р. Терек на землях шамхальства. С той же целью, а также последующего нападения на Астрахань он сам приезжает в Крым в 1638 г. [11, с.31].

Затем после своего вторичного смещения с престола крымский хан Мухаммед-Гирей IV в течение 8 лет являлся удельным владельцем Дагестанского (Тарковского) падишахства (шамхальства), куда он прибыл в 1666 г. вместе с Эвлия Челеби. Причем западная (с Крымским ханством) граница Кумыкского государства проходила, по его сведениям, между рр. Кубань и Зеленчук на Северо-Западном Кавказе [12, с. 84, 101-102]. Вышеупомянутой территориальной смежностью и, возможно, близостью правящих династий обоих государств объясняется и то, что, помимо отмеченных исследователями фактов соответствующего порядка [см. 1, с.3], в 1651 и 1697 г. кумыкские крым (вице) – шамхалы участвовали в войнах против России на стороне турок и крымцев под Азовом [13].

Использованные источники и литература

1. Гусейнов Ю.М. Крымско-дагестанские взаимоотношения XV-XVIII вв.// [http:// online-science.ru/userfiles/file/....](http://online-science.ru/userfiles/file/....) (дата обращения: 19.04. 2015).

2. Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М. Проблема образования средневекового кумыкского государства Шаухальства в контексте политического наследия улуса Джучи на Северном Кавказе//Золотоордынская цивилизация. Казань: Фэн, 2008. С.122-136.

3. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К генеалогии династии Джучидов на Северном Кавказе и Дагестане по историческим, лингвистическим и фольклорным данным (вторая половина XIII – конец XIV вв.)// Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2009. Вып. I. С. 60-64.

4. История Гирейхана // Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С.168-174.

5. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М.: Наука, 1980. Ч. III. – 168 с.

6. Магомедов Д.М. К вопросу изучения средневековых поселений и их социального строя (горный Дагестан) // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала: Издательство ДФАН СССР, 1983. С.129-142.

7. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О территориальных пределах средневекового Кумыкского государства и его этносоциальном и общественном развитии в позднем средневековье (до XVIII в.) // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. Вып. 4. С.52-58.

8. Шамхальство Тарковское // [http:// дагестан. орг/index. php?title =...](http://дагестан.орг/index.php?title=...) (дата обращения: 19. 04. 2015).

9. Алиев К.М. Шамхалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала, 2008. 278 с.

10. [http:// ru.wikipedia.org/Гирей](http://ru.wikipedia.org/Гирей) (дата обращения: 19.04.2015).

11. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К этно- и политогенезу крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений // Крымское историческое обозрение. Казань-Бахисарай, 2014. № 2. С.23-38.

12. Челеби Эвлия. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). М.: Наука, 1979. Вып. 2. 288 с.

13. Алиев К.М. Крым-шаухалы в событиях XVI-XVIII вв.// <http://kumukia.ru/cat-27.html> (дата обращения: 19.04.2015).

Н. Г. Джавахишвили
(г. Тбилиси, Грузия)

ИЗ ИСТОРИИ ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКОВ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГРУЗИНСКИХ И ЧЕРКЕССКИХ ЗНАТНЫХ РОДОВ (XVI–XVIII ВВ)

Грузино-северокавказские отношения восходят корнями к глубокой древности. На протяжении многих веков отношения между этими народами развивались с различной интенсивностью. Грузинские цари и владетельные князья всегда придавали большое военно-политическое значение тесным связям с горцами, проживающими по ту сторону Кавказского хребта. Поэтому они старались поддерживать с северокавказскими народами (в том числе и черкесами) добрососедские, дружественные отношения. За углублением связей грузинских царств и княжеств с черкесами последовали политические браки между представителями правящих династий. Княжны из знатных черкесских родов не раз становились супругами грузинских царей и владетельных князей.

Несмотря на то, что отдельным вопросам грузино-северокавказских отношений было посвящено немало исследований, еще многое предстоит выявить и изучить.

По теме грузино-черкесских отношений нами опубликованы немало статей и монография, которые вышли как на грузинском языке [7], так и на русском [21, 22, 23, 24, 25] и английском [33] языках.

В предлагаемом очерке представлена история династических браков между представителями грузинских и черкесских знатных родов. Хронологические рамки очерка охватывают период с XVI века до конца XVIII века.

По сведениям, дошедшим до наших дней, впервые княжна из знатного черкесского рода вступила в брак с представителем династии Багратионов (по грузинский – Багратиони) в XVI веке. Добавим здесь же, тысячелетняя царская династия Багратионов правила Грузией с IX века до начала XIX века [4].

В 1563 году дочь одного из кабардинских князей – Русудан, вступила в брак с наследником престола Имеретии, впоследствии царем Георгием II (царствовал в 1565-1583 гг.).

Об указанном историческом событии известный грузинский ученый, царевич Вахушти Вахтангович Багратиони (1696-1756) писал: «Взял в жены царь Георгий дочь черкесского князя – Русудан и вступил с ней в брак» [3, с. 815].

Имеретинская царица Русудан (скончалась в 1578 году) родила двух сыновей – царевичей Баграта (1565-1578) и Левана (1573-1590). Леван вступил на престол после смерти отца (1583) и правил Имеретией до 1590 года.

Известно, что при межфеодальном противостоянии отношения отдельных грузинских царств и княжеств с Кабардой имели определенное значение.

В конце 70-х годов XVI века враждовавшие между собой царь Имеретии и владетельные князья Западной Грузии – Мегрелии (на грузинском языке – Самегрело или Одиши) – Дадияни и Гурии – Гуриели заключили мир именно благодаря черкесским княжнам. В этот период сестра супруги вышеупомянутого царя Георгия II – «дочери кабардинского князя», имеретинской царицы Русудан, была замужем за владетельным князем Гурии – Георгием II Гуриели, который правил в 1564-1583 годах. В 1573 году Георгий II Гуриели сверг с престола владетельного князя Мегрелии Георгия III Дадияни (годы правления: 1572-1582) и посадил на трон его младшего брата – Мамия. Георгий III Дадияни обратился за помощью к имеретинскому царю Георгию II, который попытался примирить князей.

О вышеприведенном факте В. Багратиони рассказывает, что Георгий Дадияни «попросил у Георгия руки сестры его жены, которую тот воспитывал у себя при дворе, чтобы отдать ему её в жены и быть в нем уверенным. И для того, чтобы быть уверенным в князе царь отдал Дадияни в жены сестру своей супруги... Благодаря этому между княжествами воцарился мир» [3, с. 818].

Те же сведения подтверждает грузинский историк XVIII века Бери Эгнаташвили, который пишет: «Георгий Дадияни прибыл просителем ко двору Имеретинского царя Георгия. Он обратился к царю Георгию за помощью, а также просил отдать ему в жены «незамужнюю дочь черкесского князя», которая была младшей сестрой жены царя, а также жены Георгия II Гуриели, и воспитывалась при дворе. Так Георгий Дадияни просил у царя Георгия руки младшей дочери черкесского князя... И отдали ему в жену дочь черкесского князя, и так, посредством жен, эти три владельца объединились» [17, с. 503].

Так, царь Имеретии Георгий II принял верное решение и отдал сестру своей супруги-черкешенки, воспитывавшейся в Кутаисском дворце, замуж за Георгия III Дадияни, тем самым установив мир в Западной Грузии.

По мнению специалистов, кабардинская княжна, даже в условиях самой кровавой борьбы, представляла собой своеобразную гарантию мира, так как грузинские цари и владельцы князья были больше заинтересованы в союзе с черкесами. По материалам можно судить о том, что после брака царя имеров Георгия на дочери кабардинского князя за ней в Имеретию последовали и её сестры, которые, возможно, были младше неё по возрасту и воспитывались при царском дворе, откуда они и вышли замуж. Не исключено, что дети кабардинских великих князей воспитывались и при дворах Картлийско-Кахетинского царства и других княжеств. Такое сближение между сторонами и установление родственных связей было основой тех добрососедских отношений и связей, которые, со своей стороны, способствовали свободному экономическому сотрудничеству [5, с. 73-74].

Установить связи с кабардинцами пытался и владетельный князь Мегрелии Леван II Дадияни (1591-1657), который правил

на протяжении почти полувека (1611-1657 гг.). В истории этого княжества как с военно-политической, так и с экономической точки зрения это был один из самых сильных правителей, и он стремился распространить свою власть на всю территорию Западной Грузии [1, с. 133]. В связи с этим, установление связей с владетельным князем Мегрелии входило и в интересы великого князя Кабарды. И породнились они именно с этой целью.

1 марта 1640 года к великому князю Кабарды Алегуко Шогенукову прибыл посол из Мегрелии, просил руки его дочери для старшего сына Левана II – Александра. Алегуко дал на это свое согласие [31, с. 210-222]. Об этом браке рассказывает итальянский миссионер Арканджелло Ламберти, проживавший в Мегрелии в 1633-1649 годах [9, с. 82].

В 1657 году Леван II объявил малолетнего сына вышеупомянутого Александра наследником престола, однако взойти на трон тому не удалось [15, с. 98].

Установлению военно-политического союза с черкесами служил и брак внука Картлийского царя Вахтанга V (царствовал в 1658-1676 гг.) – царевича Вахтанга Левановича (1675-1737) на дочери великого князя Кабарды (по историческим источникам – черкесов).

Этот факт был важным историческим событием из-за того, что грузинский зять кабардинцев царевич Вахтанг был видным государственным деятелем. Он на протяжении девяти лет (в 1703-1712 годах) правил Картлийским царством как регент («Джанишин»), вместо находившегося в Персии царя Георгия XI (в 1703-1709 годах), потом – Кайхосро I (в 1709-1711 годах), а в 1719-1724 годах он уже занимал престол под именем Вахтанга VI. Добавим здесь же, что с 1712 года, по приглашению Шахиншаха Персии Хуссейна I Сефевиды, Вахтанг служил у него. До возвращения Вахтанга Картлийским царством правили: в 1712-1714 годах – его младший брат Свимон Леванович, в 1714-1716 годах – его младший брат Иессе Леванович, а в 1717-1719 годах – его сын и наследник Бакар Вахтангович.

Интересно, кем была эта благословленная, как картлийская

царица, дочь черкесского народа, и почему её избрали для такой почетной миссии?

Примечательно, что дочь кабардинского князя – Русудан, была привезена в Грузию как невеста сына царя Картли Георгия XI – царевича Баграта. Этим политическим браком царь Георгий планировал породниться с правителями Кабарды [6, с. 11].

Несмотря на кончину Баграта (1694), находившегося в Персии, Георгий XI свою невестку назад не вернул, а в том же году выдал её замуж за своего племянника – Вахтанга [11, с. 11].

История этого бракосочетания рассказана в сочинении В. Багратиони, в котором читаем: «Дочь черкесского князя – Русудан, привезенную для сына Баграта, он тотчас отдал за Вахтанга, который после Кайхосро забрал её, свою мачеху и своих братьев и прибыл в Харагаули, где по царской милости была свадьба» [3, с. 474].

О происхождении царицы Русудан все известные нам исторические источники однозначно сообщают, что она была дочерью черкесского феодала, а в частности черкеса (кабардинца), однако сведения о её фамилии разнятся.

Известно, что с древнейших времен Кабарда делилась на две части: Большую и Малую. И эти части, со своей стороны, делились на отдельные феодальные владения.

Среди знатных родов в указанный период в Большой Кабарде были: Мисостовы, Джамбулатовы (позже от этого рода произошли Бекмурзины и Кайтукины), Атажукины, а в Малой Кабарде – Гелехстановы (Мударовы) и Таусултановы [2, с. 215].

Общим предком кабардинских феодалов считался легендарный князь – Инал. Поэтому они считались друг другу родственниками. Несмотря на это, каждый феодальный род избирал своего «старшего князя», а порой не стеснялись и воевать друг с другом. Родство кабардинских феодалов проявлялось в том, что они избирали «великого князя» Кабарды. Это происходило на собраниях князей и знатных дворян, где достойную личность для этой почетной должности избирали из каждого рода поочередно [27, с. 256].

Порой власть «великого князя» Кабарды носила номиналь-

ный характер. Это было обусловлено тем, что «старшие князья» отдельных владений не всегда ему подчинялись.

По сведениям историка Петра Буткова, царица Картлийского царства была дочерью князя Большой Кабарды Мисостова, которая после прибытия в Грузию и принятия христианства получила имя – Русудан [19, с. 505].

Род крупных кабардинских землевладельцев, князей Мисостовых всегда был известен на Северном Кавказе. В середине XVIII века из-за трех сел, расположенных в Карагачском районе, у князя Касая Мисостова возник конфликт с Жанболатом Кайтукиным. «Указанные деревни принадлежали мелким уоркам Атухову и двум братьям Кучмазоковым – вассалам князя К. Мисостова» [28, с. 24].

По другим сведениям, предоставленным тем же П. Бутковым, возможно, что Русудан была родом из семьи князя Малой Кабарды Таусултанова [19, с. 505].

Правильность обеих версий русского исследователя о фамилии царицы Русудан, содержащихся в его труде, признана «равнодопустимой» [30, с. 404].

Есть также сведения, что Русудан была дочерью черкесского владетельного князя Келчика Бакишвили [26, с. 44-47].

По предположению исследователя Н. Тарсаидзе, версия П. Буткова о том, что царица Русудан была дочерью князя Малой Кабарды Таусултанова, может быть объяснена тем, что данная территория была ближе расположена к Картлийскому царству, чем Большая Кабарда. По его же мнению, необходимо учитывать и тот факт, что во владения родного брата царицы Русудан – Адиль-Гирея, входили Дигори и другие осетинские села, граничащие с Малой Кабардой [32, с. 99].

Внешне Русудан была прекрасной, и в то же время она была добродетельным и умным человеком. Она была верной и надежной спутницей своего венценосного супруга, деля с ним горе и радости [6, с. 11].

Из-за этого царица Русудан добилась большого авторитета среди грузин. Именно это обусловило то, что в грузинских исторических источниках её имя упоминается с особым благоговением.

Например, в сочинении грузинского историка первой половины XVIII века Сехниа Чхеидзе указано, что когда Вахтанг VI «сел на царский трон, он посадил рядом с собой солнцеподобно сияющую царицу Русудан» [16, с. 31-32].

В сочинении О. Опрышко указано, что супругой царя Вахтанга VI была дочь князя Малой Кабарды Гиляхстанова. Её братьями были: Адиль-Гирей, чьи владения находились в Татартупе, и Канчоко. Их двоюродным братом был князь Кази Минболатов. О. Опрышко пишет: «Княжна Гиляхстанова стала женой наследника картлийского престола, а потом и царицей Картли. Грузинские современники называли её «солнцеподобно сияющей царицей Русудан». Она была верной и надежной спутницей в нелегкой жизни Вахтанга VI, деля с ним горести и тревоги того беспокойного времени» [29, с. 128].

Прозорливость и гуманизм царицы Русудан проявились после её непосредственного вмешательства в дело освобождения от тяжелого наказания братьев Вахтанга VI – сначала католикос-патриарх Доментий (умер в 1742 году), а затем Иессэ (1680-1727), занимавшему картлийский трон в 1714-1716 годах. Поэтому имя Русуданы с большим уважением упоминается в грузинских исторических источниках.

Русудан вырастила для своей второй родины – Грузии, достойное потомство. Среди них были: Ростом (1695-1698), Тамара (1696-1746), Анна (1698-1746), Мария (Тута) (1699-1746), Бакар (1700-1750) и Георгий (1712-1786). Особо выдающимися из них были: Бакар, который, как уже отметили выше, во время пребывания своего отца в Персии (1717-1719) был царем Картли, и Георгий, который в Российской империи добился больших военных успехов и был удостоен военного звания – генерал-аншефа [20, с. 49].

С 1724 года царица Русудан находилась со своим супругом в России. Скончалась она 30 декабря 1740 года в Москве [26, с. 44-47].

Примечательно, что при помощи старшей дочери царя Вахтанга VI и царицы Русудан – Тамары (1696-1746) представителям кахетинской ветви династии Багратиони удалось значительно

облегчить объединение Картлийского и Кахетинского царств. В 1712 году в 16-летнем возрасте Тамара стала супругой кахетинского царевича Теймураза (1695-1762), который в 1709-1715 годах был правителем Кахетии, а с 1733 – воцарился.

Внешняя красота, благодетель и дипломатическая мудрость перешли царевне Тамаре, воспитанной при картлийском царском дворе, по наследству от её родителей. Благодаря этому она оказала супругу – Теймуразу II неоценимую помощь в восшествии на картлийский престол, как зятя скончавшегося в Москве царя Вахтанга VI. С 1744 года Теймураз II стал царем Картли, уступив кахетинский трон своему сыну – Ираклию II (1720-1798).

Способности и дипломатический талант царицы Тамары признавал и самый ярый противник этого объединения и лично царя Ираклия II, политический деятель и писатель последней четверти XVIII века Александр Дмитриевич Амилахвари (1750-1802). За участие в заговоре против царя 1765 года он был строго наказан, но ввиду того, что на тот момент ему было всего 15 лет, оставлен в живых. После этого ему удалось бежать в Россию (1772 г.), где главной задачей жизни для него стала бескомпромиссная борьба с Ираклием II.

В 1779 году в Санкт-Петербурге А. Амилахвари издал сочинение автобиографического характера, где раскритикована деятельность Ираклия II как узурпатора картлийского царского трона. Автор отмечает, как ловко царица Тамара передала картлийский престол своему супругу. Он пишет, что «перед смертью Тамара попросила князей, оставьте на троне моего мужа, лучше его господство, чем персов» [18, с. 35].

Специалисты единогласно отмечают, что царица Тамара сыграла очень позитивную роль в восшествии своего супруга и сына на картлийский и кахетинский трон. Она смогла добиться доверия Надир-шаха и присмирить легитимистический настрой картлийских князей. Примечательно еще одно обстоятельство. В 1740 году, когда персидский шах окончательно убедился в том, что в качестве правителя Картли с возложенными на них обязанностями не справляется ни один из назначенных им чиновников, ни перс, ни грузин, он отправил в Картли Тамару, а Теймуразу по-

ручил лишь оказывать ей всяческую поддержку. Тамара сказала картлийским князьям, что править государством она будет лишь до возвращения на родину её братьев. Теймураз II умело использовал этот маневр супруги и окончательно завладел картлийским тронном [14, с. 19].

Среди потомков царицы Тамары жениться на черкешенках стало своеобразной традицией. Инициатором внедрения этой традиции стал её сын, царь Ираклий II. Его старший сын, будущий царь Георгий XII (царствовал в 1798-1800 годах), еще в детстве был помолвлен с дочерью знатного черкесского феодала – друга и соратника Ираклия II.

П. Иоселиани писал: «Георгий, когда ему было 8 лет от роду, был помолвлен с дочерью черкесского князя Гирея, который был другом царя Ираклия. Для обучения к девочке был приставлен князь Саридан Шаликашвили, а также 6 служанок и вдова дворянина Квливидзе – Нина из села Кавтисхеви, ученая женщина, с сильным словом и мудрым умом. Она была великой наездницей, говорил порой сам царь Георгий, и за её удаль её очень уважали во дворце» [8, с. 7].

К сожалению, женитьба царевича на дочери черкесского феодала сорвалась из-за внезапной кончины последней. «Черкешенка, помолвленная с Георгием, после четырех лет подготовки, еще некрещеная, померла от оспы, а безутешная Нина постриглась в монахини и умерла в церкви села Руиси» [8, с. 7].

С дочерью черкесского князя был помолвлен и младший брат царевича Георгия, также сын Ираклия XII – царевич Александр (1770-1844). Сам Ираклий II выбрал для своего сына 14-летнюю дочь «владельца Кирмана из Кабарды». В 1790 году привезли дочь кабардинского князя в престольный город – Тбилиси. «Девушку доставили в Тбилиси с 12 слугами, красиво опоясанную полосками из мягкой красной кожи, редкой красоты. Спустя две недели крестили её в церкви, где нарекли её Ниной» [8, с. 192].

По грузинским обычаям она была отдана на воспитание невестке Ираклия II, княжне Саломеи Амилахвари. Кабардинская невестка наряду с принятием христианства успешно освоила грузинские обычаи, богословские и светские предметы, рукоделие.

Известная представительница грузинской эмиграции Тамара Папава (1888-1976) отмечала: «Александр еще в детстве был обручен с дочерью кабардинского князя Мисостова. Багратиони и раньше приводили из этого замечательного рода прекрасных невест, из которых самой замечательной должна была быть супруга Вахтанга VI, после принятия христианства нареченная Русудан, и была она матерью замечательной царицы Тамары... Александр, наверное, своеобразным знаком спасения уже «пошатнувшейся Грузии» женитьбу на девушке, родной по крови бабушке Ираклию II» [12].

Кабардинская невеста Нина (по-грузински – Нино) прожила в Тбилиси всего полгода. «В большой роскоши и любви содержали новую невесту, однако эта прекраснейшая и замечательно сложенная девушка заболела и скончалась от туберкулеза» [13, с. 35].

Нина, подготовленная к супружеству, скончалась до венчания. Она была с почестями похоронена в Тбилиси, в Метехской церкви [8, с. 192].

Царская семья очень трудно перенесла кончину невесты. Это несчастье повергло весь царский род в глубокое горе и траур. Сестра Александра Мария (1755-1828) посвятила памяти своей ушедшей невестки стих, рукописный автограф которого сохранился [10].

Все вышесказанное явно указывает на большой авторитет царицы Русудан. Ясным подтверждением этого является тот факт, что внуки царицы Русудан – царевичи Георгий и Александр, по совету отца решили восстановить характерную для царской семьи Багратиони традицию – брать в супруги дочерей знатных черкесских родов.

Примечательно, что черкешенки пользовались большим авторитетом не только среди представителей всех трех ветвей царской династии Багратиони (картлийской, кахетинской и имеретинской), правящих династий разных княжеств Западной Грузии (Мегрелия, Гурия) и других грузинских знатных родов, но и в низких социальных кругах.

Таким образом, в XV-XVIII веках династические браки между представителями грузинских и черкесских знатных родов были

широко распространенным явлением. Эти политические браки становились своеобразной основой их союзничества. Это объясняет то большое уважение и любовь, которые характеризуют отношения грузинского и черкесского народов друг с другом.

Использованные источники и литература

(на грузинском языке)

1. Антелава Илья. Леван II Дадияни. Тбилиси, 1990.
2. Анчабадзе З., Боцвадзе Т, Тогошвили Г., Цинцадзе М. Очерки истории народов Северного Кавказа. Т. I. Тб., 1969.
3. Багратиони Вахушти. Описание Царства Грузинского// Картлис цховреба (Жизнь Грузии). Текст установлен по всем основным рукописям Симоном Каухнишвили. Т. IV. Тб., 1973.
4. Багратиони В. Научное и культурное наследие / Сборник издан Грузинским обществом истории науки, Академией наук Грузии и «Домом Багратионов». Тб., 2003.
5. Боцвадзе Т. Из истории грузино-кабардинских отношений (XVI-XVIII вв.). Тб., 1963.
6. Брегадзе Д. Грузинские деятели культуры в России (XVIII в.). Тб., 1974.
7. Джавахишвили Н. Очерки из истории взаимоотношений грузинского и адыгских народов. Тб., 2005.
8. Иоселиани П. Жизнь Георгия Тринадцатого. Издание Академии Гацерелия. Тб., 1936.
9. Ламберти А. Описание Мегрелии / Перевод Александра Чкония, под его же редакцией и с его же примечаниями. Второе издание. Тб., 1938.
10. Национальный центр рукописей Грузии. Рукопись № 1681.
11. Пайчадзе Г. Вахтанг VI. Тб., 1981.
12. Папав Т. Судьба семьи царевича Александра // Кавказиони. Издание грузинских писателей. №7. Париж, 1932.
13. Папав Т. Великие лица в малых рамках. Тб., 1990.
14. Тухашвили Л. Россия и общественно-политическое движение в Восточной Грузии во второй половине XVIII столетия. Тб., 1983.

15. *Хорава Б.* Одиш-абхазские отношения в XV-XVIII вв. Тб., 1996.

16. *Чхеидзе С.* Жизнь Грузии / Издание Захария Чичинадзе. Тб., 1913.

17. *Эгнаташвили Б.* Новая жизнь Грузии. Третий текст // Картлис цховреба (Жизнь Грузии). Текст установлен по всем основным рукописям Симоном Каухчишвили. Т. II. Тб., 1959.

(на русском языке)

18. *Амилахвари А.* История георгианская о юноше князе Амилхорове / Перевод с грузинского С. И., Тип. при Артиллерийском инженерном шляхетском корпусе у содержателя тип. Х. Ф. Клезна. СПб., 1779.

19. *Бутков П.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1802 г. Ч. I. СПб., 1869.

20. *Джавахишвили Н. Г.* Санкт-Петербург – центр русско-грузинских взаимоотношений (1703-2003 гг.). Тбилиси, 2003.

21. *Джавахишвили Н. Г.* Адыгские лошади в Грузии (по историко-этнографическим и фольклорным данным) // Материалы VI международной научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Керашевой «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп, 2008.

22. *Джавахишвили Н. Г.* Адыгские лошади в Грузии // Черкесская лошадь (Коноводство и коннозаводство) / Сборник источников, составление, вступительная статья и комментарии С. Х. Хотко. Нальчик, 2008.

23. *Джавахишвили Н. Г.* Из истории двух грузинских знатных родов адыгского происхождения // Материалы VII международной научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Керашевой «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп, 2010.

24. *Джавахишвили Н. Г.* Династические браки между кабардинским княжеством и картлийским царством // Общественно-политический и культурно-исторический журнал «Ахульго». Махачкала, 2010. № 12.

25. *Джавахишвили Н. Г.* Образ черкеса в грузинской художе-

ственной литературе // Материалы VIII международной научной конференции, посвященной памяти профессора З. И. Керашевой «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии». Майкоп, 2013.

26. Дворянские роды Российской империи. Т. III. Князья / Под ред. С. Думина. М., 1996.

27. Мальбахов Б., Эльмесов А. Средневековая Кабарда (Внутренние и внешние аспекты истории). Нальчик, 1994.

28. Налоева Е. Ж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.

29. Опрышко О. Л. Через века и судьбы (документальное повествование). Нальчик, 1982.

30. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. академик Б. Пиотровский. М., 1988.

31. Путешествие русских послов XVI-XVII вв. М.-Л., 1954.

32. Тарсаудзе Н. Исторические этюды. Тб., 1972.

(на английском языке)

33. Javakhishvili N. Coverage of The tragedy of the Circassian People in Contemporary Georgian Public Thought (later half of the 19th century). «Pro Georgia», Journal of Kartvelological Studies, Centre for East European Studies. Faculty of Oriental studies University of Warsaw. Warsaw, 2013. № 23.

Р.К. Кармов
(г. Нальчик, Россия)

ИСТОЧНИКИ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДА КАРМОВЫХ

Этническая консолидация кабардинцев (как и других народов) – процесс длительный и противоречивый. Определенное место в этом процессе занимает и история кабардино-абазинского рода Кармовых. Так как за многие годы, если не сказать века, общественных изменений в Кабарде многие из страниц истории рода потерялись в силу объективных причин, в данной работе нами была поставлена цель изучить источники, в которых отражается этническое происхождение рода Кармовых.

При изучении работ по данной теме мы выяснили, что история рода Кармовых затрагивается в опубликованной истории достаточно мало. А проблему происхождения рода и его этногенеза, кто меньше, кто больше, затронули разные исследователи. В работах этих авторов носители фамилии Кармовых фигурируют как этнические абазины, так и кабардинцы.

Историк Т. Х. Кумыков в своей книге «Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке» пишет: «Во время своего путешествия Паллас застал здесь «близ гор Машука и Бештау» 4 кабардинских и абазинских аула (Аджиева, Кармова, Трамова, Джантемирова)» [1].

Н. Г. Волкова в своей работе «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в.» пишет: «Позднее в 1811 и в 1819 гг., в верхнем течении Кумы и Подкумка источниками зафик-

сированы ногайские и кабардинские поселения. Среди последних известны Хаджи-аул на юго-восточном склоне Бештау и Карма-кабак поблизости от подножия Бештау, слева от Хаджи-аула» [2]. Далее она пишет: «Не упоминает их и бывший в этих местах в 1772 году Гюльденштедт, называющий только сел. Трам» [3].

Автор монографии «Абазины» (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век) Е. Н. Данилова нисколько не сомневаясь, причислила всех жителей аула Кармова к абазинам-тапанта [4].

С. Н. Бейтуганов в своем труде «Кабардинские фамилии: истоки и судьбы», изданном в 1989 году, уделил пять страниц фамилии Кармовых [5], но не обмолвился ни словом об этническом происхождении Кармовых. Только в сноске он делает предположение, что фамилия Кармов произошла от абазинского слова К1арма, что означает «калина» [6]. В другой книге «Кабарда. История и фамилии», изданной в 2001 году, Бейтуганов, ссылаясь на архивный документ, записал: «Кармовы все пришельцы из абазинцев» [7].

Больше всех исследованию этнического происхождения рода Кармовых уделила внимание С. Х. Ионова в своей работе «Абазинские фамилии и имена» 2006 года издания. В своем исследовании она однозначно включила Кармовых в список абазинских родов.

Наиболее ценная информация для нас в работах Даниловой и Ионовой заключается в том, что среди абазин Кармовы локализованы именно в обществе абазин, называемых тапанта. В конечном итоге мы пришли к мысли, что для выяснения этнического происхождения рода Кармовых необходимо собрать сведения, в которых отражены свидетельства о взаимопроникновении кабардинцев и абазин, в частности источники, которые могут иметь отношение к этнической истории Кармовых.

По интересующей нас теме архивные документы представлены в различных научных сборниках документов.

В протоколе расспроса от 7 марта 1732 года кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел России о Большой и Малой Кабарде записано: «Абазинский народ из древних лет еще у предков их, кабардинцев во владении были» [8].

В выписке об абазинах, составленном в Коллегии Иностранных дел по сообщениям кабардинских владельцев в 1748 году, можно установить время, когда абазины подпали под власть кабардинцев. В документе записано: «1743 года кабардинский владелец Магомет Атажукин в бытность его здесь представлял, что теми абазинами шестью еще прадед их Кази владел» [9].

Из «Изыяснения об абазинах», составленного в коллегии иностранных дел не ранее 15 мая 1753 года: «Абазины шести родов или алтыкесек называемые, происхождение имеют из Большой Абазы, никому не подвластной, откуда вышел он в данных годах поселились близ Большой Кабарды в горах на реке Инжике, при вершинах реки Кубани, и отдались в подданство оной Кабарды владельцам; и с того времени платят им подать, что и тем доказывается, яко еще прадед бывшего кабардинского владельца Арсланбека Кайтокина, и тамошних же владельцев, Магомета Коргокина и Касая Атажукина, называемой Кази, и брат его Чегенука действительно ими владели, а потом сыновьям одного Казия, а вышеперечисленных трех владельцев дедам Джанбулату, Атачуке и Мусавису по наследству достались» [10].

Из этих же документов мы можем сделать выводы о времени, когда это произошло. Ведь, как известно, отцом кабардинского князя Магомета Атажукина был Кургоко, отцом Кургоки – Атажуко, имя которого стало впоследствии фамилией его потомков. А отцом Атажуки был Кази, который и есть прадед Магомета.

Нам известно, что интересующий нас Кази Пшеапشوкович жил и был достаточно влиятельной фигурой в кабардинском обществе в 1603 году [11]. И соответственно получается, что абазины и Малой Абазы подпали под власть кабардинских князей в начале XVII века.

Интересные сведения есть в инструкции о политике крымского хана в отношении кабардинского народа, подписанной князем Александром Голициным 19 мая 1763 года, являющейся дополнением к указу Коллегии иностранных дел премьер-майору Никифорову при назначении его консулом в Крым. В инструкции говорится, что крымцы еще с 1750 года считают, что кабардинцы присваивают себе «абазинцев Малой Абазы или алтыкесек называемых» [12].

В XVIII веке крымский хан утверждал, что абазины алтыкесек являются его подданными, в то время как кабардинские князья доказывали свое право в отношении них. Российская сторона поддерживала кабардинцев, потому что они были их союзниками, соответственно их союзниками становились и подвластные кабардинцев.

В 1768 году генерал-майор Модем с войском вступил в военные столкновения с кабардинцами, живущими «под Бештоевой горой», то есть в районе сегодняшнего Пятигорска. Эта военная операция была успешна для русских войск и принесла серьезное поражение кабардинцам. Воспользовавшись этим, абазины попросили принять их в российское подданство: «... получил прошение от абазинцев, называемых Алтыкесек или шестиродные, живущие в горах, при вершине реки Кубани, о принятии их в подданство ея императорского величества, к чему они как издревле под властью кабардинских владельцев находящиеся, подвиглись по собственному предъявлению обстоятельств с кабардинцами происшедшими. Прощение абазинцев исполнено: они в подданство ея императорского величества приняты и действительно в том присягу учинили» [13].

После изменения расстановки сил Российская сторона решила, что абазин тапанта можно принять в свое подданство, тем самым ослабив позиции кабардинцев, являвшихся гегемонами на Северном Кавказе. 1768 год можно считать началом заката кабардинского влияния на Северном Кавказе.

Приведем слова Гюльденштедта: «Когда еще в прошлом столетии кабардинские князья переселились далее на восток к Тереку, то абхазы захватили их области и стали подданными кабардинских князей. ... Алты-кесек, то есть 6 частей ... называются Кизилбек, Там, Шегран, Барокай, или Бах... Бишилбай... и Сабар. На эти уезды кроме собственных князей претендуют князья черкесского узде Бесланей» [14]. Совершенно непонятен смысл этого предложения. Неясно, кто в этом виноват, – автор или переводчик, но смысла практически в этом тексте нет. Например, «абхазы захватили их области и стали подданными кабардинских князей». Как они захватили области, принадлежащие кабардин-

цам, если они после этого подпали под власть кабардинцев? Дальше перечисляется шесть родов и говорится, что они подчиняются бесланеевцам. Как они могут быть подчинены бесланеевцам, если они подданные кабардинцев? Кто бы не являлся автором этой бессмыслицы, она совершенно неприменима.

Также нам показался достойным внимания перевод с мемориала подданного блистательной порте от депутатов крымских от 23 августа 1779 года: «... таким же образом черкесские орды, то есть алтыкесекская ...» [15].

Из письма кабардинского владельца Мисоста Бамбатова и его сыновей Атажуки и Арсландека Мисостовых к генералу-аншефу командующему Кавказским корпусом П. А. Текели, написанного в апреле 1788 года. «Они ж теперь поехали на Подкумок к подвластным моим в Дударуковы, Кылычевы и Жантемировы кабаки» [16].

Паллас в своем описании абазин пишет: «Народ Малой Абазы, или Алты-кесек-Абаза занимает область между речкой Марух и рекой Подкума; следовательно, они занимают часть турецких и часть русских пограничных земель. Подчиняясь не князьям, но старейшинам племен, они считаются подданными кабардинцев. В свою очередь кабардинцы, борясь за независимость, ввиду разногласий между собой, в разные времена более или менее стремились к покровительству русских ... Недавно покровительство России приняли следующие племена ... Лоу ..., Биберт..., Клыч..., Шантемир... Они были бы богатым народом в соответствии с их идеалом богатства, если бы черкесские князья были менее деспотичны и алчны в своих требованиях. При их капитуляции генерал-майору Фабрицину они заявили о своей независимости от своих низких князей, но во время последующих более снисходительных правителей они снова подчинились ярму высокомерных кабардинцев. Действительно требование кабардинцев о подчинении этого народа основано на явной узурпации. В связи с этим под лживым предлогом дружбы князя абазин были приглашены на ассамблею, якобы с целью установить более тесные связи с кабардинцами, но затем коварные друзья истребили остатки их фамилий, после чего вынудили (абазинских) дворян подчиниться их главенству и поселиться недалеко от Бештау» [17].

Мы сомневаемся, что признанный ученый мог бы допустить ошибки и несоответствия, которые есть в этом тексте. Так, например, в одном месте упоминаются старейшины абазин, а в другом – уже князья. Сложно понять, какие их князья были деспотичны и алчны: черкесы, абазины или кабардинцы. Скорее всего, в этом тексте есть грубые ошибки переводчика. Сама же информация является уникальной в том смысле, что она раскрывает политические мотивы проблем, с которыми столкнулось племя Алты-кесек в XVIII веке. Они были пограничным народом и находились в зоне влияния основных субъектов политической игры: русских, турок, крымцев и кабардинцев.

Еще хотелось бы процитировать текст из незаконченной статьи Н. А. Волконского «Кавказ в 1887-1799 гг.», составленной по остаткам Георгиевского архива: «Дело случилось в конце июня 1792 года ... владельцы Большой Кабарды изъявили согласие помочь всем членам фамилии Лоовых по сию сторону нашего кордона переселиться обратно за Кубань, соединить их с закубанским их родом и «дать им одного из джамбулатовых владельцев для защиты», который бы и проживал в их среде» [18].

Вывод, который мы сделали из полученной информации, – что кабардинцы оказывали на абазин-тапанта доминирующее влияние с начала 1600-х годов. Правда это влияние не охватывало всех членов общества тапанта. Кроме этого надо сказать, что в разные годы XVIII века на тапанта претендовали как кабардинцы, так и крымские татары, так и российская администрация.

Следующие письменные источники XIX века собраны как из архивных фондов, так и из записей путешественников и исследователей.

Интересные сведения мы можем получить из рапорта № 173 Нагайского и абазинского пристава губернского секретаря Корнилова от 23 августа 1802 года. Документ хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде 249, в деле «Сведения о разделении ногайцев и абазинцев на фамилии, о количестве кибиток в каждой фамилии, о их обычаях и образе жизни. 1800-1803». Рапорт был направлен Господину коллежскому советнику и главному при кочующих в Астраханской губернии и в

ближних к ней местах магометанского исповедания народов представу Макарову и был ответом на предписание № 47 от Макарова Корнилову.

«Первое: ... Абазинцы разделяются на пять фамилий, именуемых: Лоова во 150 домах, Дударукова в 170 домах, Клычева в 125 домах, Кичаева в 160-ти и Бибердова в 70-ти домах.

Л.1об. Второе: Жительство прежде имели как ногойцы, так и абазинцы за Кубанью и часть из них переведена сюда в 1787 году господином генералом аншефом Текелли, а большая часть приняты в подданство и на здешнюю сторону переведены в (1) 790-м году генералом поручиком бароном Розеном, бывшим тогда с войсками за Кубанью.

Абазинцы имеют довольно число лошадей и весьма большое количество баранов и с них собирая шерсть делают сукна и бурки для себя и на продажу соседним народам, связь имеют более всех с закубанцами, с коими многие обязаны родством, берут оттоле себе жён и туда дочерей своих отдают.

Л.2об. Прежде сего всегда производили с закубанцами воровство и убийство в границах наших, а ныне по введении между ними вражды сие прекратилось и не уважая родства бьют друг друга, с кабардинцами тоже имели связь, но чрез обоюдные их ссоры теперь расстроились» [19].

Источник, в котором впервые упоминаются напрямую Кармовы, и мы в нем не сомневаемся, – это книга «A Compendious History of the Principal Protestant Missions to the Heathen», вышедшая в Бостоне в 1813 году. В этой книге перепечатана заметка из третьего тома ежемесячного религиозного журнала «Panoplist», который вышел в 1808 году в Бостоне. В этом журнале публиковались заметки о новостях, которые приходили из миссионерских колоний на имя Директоров Эдинбургского Миссионерского общества. В заметке от 28 марта 1807 года в переводе на русский записано: «Кармовы являются самым многочисленным семейством среди кабардинцев, которые живут рядом Карассом. Миссионеры много беседовали с ними о религии, а недавно татарский на Кабардинском Мехкеме или Парламенте, обвинил Кармовых, что они христиане в душе и практикуют христианские обычаи тайно» [20].

Следующие три документа мы нашли в фундаментальном труде «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».

1. Из рапорта генерала от инфантерии Булгакова генералу Тор-масову от 29 ноября 1810 года. № 4774, Георгиевск: «Кордонный начальник полковник Курнатовский рапортом за № 1408 доносит мне что Кармова аула уздень послан им в Жантемировы и другие кабаки для узнания о беглых 16-го Егерского полка рядовых» [21].

2. Из рапорта Георгиевского земского исправника Карпинского ген. Ртищеву от 13 марта 1812 года № 46: «Кавказский гражданский губернатор Боискорн приказал мне словесно изволил отправиться с доктором Крейтоном для освидетельствования Константиногорских минеральных вод, ... В близ лежащих аулах Хаджиевском и Карловом, также в Шотландско-Саксонской колонии и Канстантиногорской крепости...» [22]. В данном случае упоминающийся в тексте аул Карлово, мы уверены, – это опечатка и надо читать аул Кармово.

3. В 8 томе опубликовано Отношение генерала Ртищева к кн. Горчакову 1-му от 5 января 1814 года № 5. Там записано: «Шесть частей Абазинцев принадлежат с давнего времени Кабардинцам и разделены между их князей следующим порядком. Народы Кличева, Кошева, Дударукова фамилии – Атажукиной, Башильбаевцы, Бибердовцы и половина Лоовых принадлежат Мисостовой фамилии» [23].

В Государственном центральном историческом архиве Грузии, в фонде Канцелярии главноуправляющего Закавказским краем мы нашли дело с перепиской о состоянии и управлении Шотландской колонией [24]. В этом деле в докладе, написанном в 1814 году, командующий на Кавказской линии главноуправляющему в Грузии писал, что «некоторые из колонистов жаловались, что соседственные татары и черкесы, а особливо из трех деревень Магомет, Карма и Гече, пользуясь дозволением их косить траву не только вытраивают скотом луга их, но даже портят их табачные плантации, от чего просят начальство их защитить» [25]. В этом же деле в списке с отношения генерал-майора Дельпоцо к генерал-майору и кавалеру Султан Менглигирею от 7 февраля 1814 года № 54 за-

писано: «Шотландской колонии жители поселенные около Бечтовой горы приносят жалобу, что из соседственных им ногайских аулов, особливо из деревень Магомет, Карма и Гече... О чем доводя до сведения Вашего Сиятельства прошу за получением сего строго воспретить означенным ногайцам...» [26]. Подписал Дельпоц лично.

Уильям Глен в своей работе «Журнал поездки от Астрахани до Карасса», которая вышла в Эдинбурге в 1823 году, в переводе написал: «Поднялись до Хаджикабака и направились к другой кабардинской деревне Кармакабак в нижней части Бештау» [27].

В «Списке выбежавшим из Кабарды кабардинцам с показанием каких владельцев и куда отправлены на жительство», подготовленном в 1823 году, есть запись: «...аула Кармова Пашалыку Кармову под Бештовой горою жительство желает Мамбет Сабанов» [28].

Особенно нас заинтересовала информация из книги «О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах», собранная действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год.

Дебу впервые оказался с Казанским полком в 1810 году на Кавказе и принимал участие в экспедиции против кабардинцев. В 1813 году Дебу назначен командиром левого фланга Кавказской линии. 30 августа 1816 года Дебу был произведен в чин генерал-майора и назначен командиром 1-й бригады 22-й пехотной дивизии и начальником правого фланга Кавказской линии. В 1826 году он оставил службу по состоянию здоровья. Свою «Записку о Кавказской линии и присоединенных к оной Черноморских войсках» Дебу написал еще во время пребывания на Кавказе, а издана она была в 1829 году в Санкт Петербурге в типографии Карла Крайя.

Для нас сведения, собранные им, ценны тем, что он служил на Кавказе в период очень сложный для Кабарды. Ведь официально Кабарда потеряла независимость с 1825 года, а Дебу служил именно в период полного завоевания Кабарды с 1810 по 1826 года. Уди-

вительно еще то, что он коснулся практически всех сторон жизни кабардинцев и абазин, их взаимоотношений. Очень кратко он излагает свое видение истории черкесов, очень интересное для исследователя: «С Абази́нами или Алты́кесе́ками живут в соседстве Баши́лбайцы ... ныне управляемые родовыми своими князьями, состоящими в зависимости от князей Беслане́евских. Народ сей есть отдаленная часть жителей Большо́й Абазе́хии, от которых и прочие Горские народы из рода Черкес производят свое начало» [29]. Далее он описывает происхождение князей Абазинских и пишет, что они произошли из самих абазин от старшин, которые были среди них, которые уважением в народе получили наследственное право управления. В следующем он описывает, как появилось сословие узденей у тогда одного народа Баши́лбаевских и Алты́кисе́кских князей: «для сего избрав и привле́кши к себе различными наградами известных уда́льством разного рода бродяг, вознаградили слепое их повиновение и приверженность достоинством узденей или приближенных» [30]. «Такое сближение узденей с владельцами составило среднюю степень и приобрело им народное уважение. К чему способствовало и то, что они сделались некоторым образом посредником между народом и владельцами» [31]. В дальнейшем Абази́ны разделились на две части Баши́лбеевцев и Алты́кесе́ков, а Кабардинцы, жившие по соседству с ними, употребили все свои силы, чтобы посеять «вражду между сими единоплеменными народами» [32], что им и удалось в скором времени. От постоянных раздоров между алты́кесе́ками подвластные стали их покидать, большая часть ушла к родственным Баши́лбаевцам, а некоторая часть – к кабардинцам. «Кабардинцы расстроив таким образом народ сей, сняли с себя личину ... Сначала делая притязания к Абази́нцам, требовали с каждого двора по одному барану, под тем предлогом, что земля ими занимаемая принадлежали им кабардинцам ... Они разными пронырствами заставили слабейших из владельцев войти к ним в подданство, и их равных по родоначалию признать себя их узденями или прислужниками, в сем качестве переселив их к себе» [33]. Остальные, составившие большую часть абазинских владельцев, ... перешли ближе к однородцам своим Баши́лбаям, с коими помирились, со-

ставили один народ» [34]. Остальные, которые остались под властью кабардинцев, во время бунта кабардинцев в 1779 году... начальников на Кавказской линии принять их под свою защиту и получили желаемое согласие. В следствии сего, часть их поселена была внутри кордона близ крепостей» [35]. Остальные, оставшиеся под властью кабардинцев, разбежались то за Кубань, то к своим единоплеменникам, жившим в пределах кордона. Позже над всеми ними было учреждено российской администрацией управление и был учрежден родовой суд по примеру ногайцев.

Так как сомнительно, что Дебу за 16 лет пребывания на Кавказе занимался только абазо-кабардинскими взаимоотношениями, можно предположить, что вышеизложенная информация – это пересказ чьих-то рассказов. А так как стиль изложения достаточно агрессивный по отношению к тем, кто переходил из абазин к кабардинцам, то скорее всего вся эта информация получена им от абазинских князей, находящихся в то время в конфликте с кабардинцами. И вообще все исследователи в основном были на стороне кабардинцев и учитывали мнение кабардинцев. А эти сведения тем и ценны, что это мнение практически с другой стороны.

Одним из ценнейших источников, в котором можно найти ответы о том, как происходила трансформация абазин в кабардинское общество, является дело «Переписка со штабом войск о разрешении закубанскому князю Дударукову переселиться из Кабарды на родину со своим семейством» [36]. Дело хранится в фонде И16 – Управления центра Кавказской линии УЦГА КБР. Дело № 224 «О желании закубанского князя Каспулата Дударукова переселить из Кабарды обратно за Кубань людей переселившихся оттуда с корнетом Током Аслановым».

В прошении, направленном начальнику центра Кавказской линии генерал-майору Голицину от «кабардинского узденя корнета Ток Асланова» [37], записано: «Все узденя Аслановы, с начала принадлежали проживающим за Кубанью узденям Дударуковым, а они принадлежали князьям Атажукинской фамилии». Ценность этого источника в том, что несмотря на то, что Асланов позиционирует себя и свою фамилию как кабардинскую тем не менее он не отрицает того факта, что Аслановы были до этого подвласт-

ными абазин Дударуковых. Кроме этого подчеркивается тот факт, что Дударуковы были подвластными (узденями) кабардинских князей Атажукиных.

Для участия в этом разбирательстве был привлечен и кабардинский князь полковник Хаджи Мисост Атажукин, который в своем рапорте от 9 января 1845 года Голицину писал, «что по жалобе закубанских узденей Дударуковых ... что значатся будто бы проживающий в Кабарде узденя Аслановы подлежат, как князьям абазинских народов Дударуковым» [38]. Далее он пишет: «что до вступления русского правления на Кавказе, еще и прежде не менее ста лет действительно проживали за Кубанью какие то абазинские владельцы, которые выставляли себя князьями в сравнении с кабардинскими, чрез что фамильные князья решили поступить военною рукою, были покорены. Это в бытность дедов наших на основании церемонии победоносного воинства чем и обращенный в подданство кабардинских князей кои лиша их подвластных узденей, самих их обратили в узденей, по числу людей между князьями кабардинскими. Как то уздени Аслановы бывшие под управлением Дударуковых достались в часть деда моего Хаджи Темрюки Атажукина, а узденя Трамовы бывшие под управлением Лоовых достались в часть князьям Бекмурзиной фамилии. Далее Жантемировы из тех же владельцев остались вечно подданными моей же фамилии» [39]. В этом рапорте, написанном естественно по субъективным причинам, еще раз подтверждается тот факт, что абазины из Малой Абазы были подчинены кабардинскими князьями и лишены своих княжеских прав. Субъективность документа связана с тем, что ее написал кабардинский князь, не заинтересованный в том, чтобы потерять своих подвластных и готовый сделать все для того, чтобы переселение людей с их имуществом не состоялось.

Следующий документ, заинтересовавший нас, – отношение начальнику штаба войск. Это копия документа от 14 февраля 1845 года, составленного в Нальчике. По тексту можно сделать вывод, что написал начальник Центра Кавказской линии Голицын в ответ на отношение временно командующего войсками по Кавказской линии генерал-лейтенанта Заводовского, написанного на

бланке Штаба войск Кавказской линии и Черномории № 2271 от 3 декабря 1844 года. В этом отношении генерал-майор просил уведомить его о подробностях спора между Дударуковыми и Аслановыми. В объяснении Голицын написал: «кабардинские князья во время независимости, подчинили под свою власть абазинцев ... платили им дань ежегодно по рублю серебром с дома: народы Кличева, Кешева и Дударукова князьям Атажукиным; Бейселбаевцы и Бибердовцы и половина Лоовых Джамбулатовым; остальная половина Лоовых Мисостовым. Получающий эту дань, князь должен был защищать их от обид, для чего давал им от себя чело-века» [40].

Субъективность в данном вопросе Голицина и доказательством того, что он в своих суждениях опирается на мнение кабардинцев, могут служить слова из копии его рапорта генерал-лейтенанту Заводовскому в штаб войск Кавказской линии от 10 апреля 1845 года. В этом рапорте на указание о переселении переселившихся в Кабарду вместе с Аслановыми людей он пишет: «я не решился до получения новых наставлений позволить переселение к Дударуковым вольноотпущенных изъявивших на то желание и разрешил подпоручику Хасбулату Дударукову отправиться обратно в Ставрополь. Куда вместе с ним следует почетнейший в Кабарде князь, подполковник Хаджи Мисост Атажукин» [41].

Следующий документ, заинтересовавший нас – это копия прошения князей и узденей Большой Кабарды на имя Российского Императора Николая Павловича от 8 апреля 1845 года. В этом прошении записано: «До покорения Кавказа Российскими войсками так же народ кабардинский имел случай силою оружия обратить в свою власть в Кавказском округе разного звания людей, как то: назрановцев, ингушей, карабулаков, абазин, башильбеевцев, безенгийцев, балкарцев, дигорцев, куртатинцев, каковые впоследствии обращены силою войск в подданство Вашего Императорского Величества, все они до того платили фамильным князьям, да и все им нанесенные обиды остались без возобновления избранные от князей Лоовых и Дударуковых. То есть узденя Трамовы и Аслановы в потомственное управление князей кабардинских самих их также обратили в уздени. Потому узденя Аслановы с того времени

и поступили в подданство князю Хаджи Темрюко Атажукину и до вступления русских поясненные Ловы и Дударуковы именовались узденями состоящими в зависимости князей Кабардинских» [42].

В этом же прошении есть еще одна ценная информация, освещающая процесс этнической консолидации кабардинцев: «тем более и вся Кабарда в древние времена вероятно наций народов вкупе составляло одно название и сделался один народ. Если учинить разбор за истечением нескольких столетий, по претензиям просителей пользующихся одними преданиями можно уничтожить звание кабардинского народа» [43]. Прошение составлено и написано кабардинским князем Тликеч Мисостовым, подписано представителями князей Атажукиных, Хамурзиных, Мисостовых, Докшукиных, народным эфендием Хаджи Умаром Шеретлоковым, представителями кабардинских различных узденских родов – Анзоровых, Кудинетовых, Тамбиевых, Тыжевых, Тхагачевых, Напцевых, Даутоковых, представителями узденских родов абазинского происхождения Трамовых, Кармовых, Деровых.

В этом же деле хранятся документы, в которых упоминаются и Кармовы. Например подлинник рапорта № 1266 Начальнику Центра Кавказской линии и подписанный временно командующим войсками по Кавказской линии генерал-лейтенантом Заводовским. В этом документе генерал-лейтенант Заводовский поставил род Кармовых в один ряд с абазинскими владельцами Дударуковыми, Лоовыми и Трамовыми: «Рассмотрев переписку заведенную по просьбе Абазинских князей Дударуковых о переселении к ним живших прежде с ними и переселившихся в Кабарду вместе с подвластными им узденем Пак Арслановым с вольными людей которые ныне желают переселиться обратного переселения из Кабарды за Кубань я в разрешении представлений Вашего Сиятельства от 14 февраля и 10 апреля сего года № 362 и № 815 обязываюсь сказать: 1. Власть кабардинских князей над абазинцами приобретена до поступления Кабарды в подданство России, но если бы эти права ныне действовали действительно в народе и правительство наше признавало бы их то Кабардинские князья могли бы предъявлять свои притязания на самых абазинских владельцев коих они обратили в то время в своих узденей, т.е. Дуда-

руковых, Лоовых, Кармовых, Трамowych и приравнено на Карачаевцев и другие племена, которые тоже в древние времена были покорены кабардинцами. Это однако же никто из кабардинских князей не требует да оно и невозможно потому, что эти абазинские владельцы не живут в Кабарде. Одни только Трамowych, как объясняет Ваше Сиятельство считаются поныне принадлежащими фамилии князей Бекмурзиных, но на самом деле эта зависимость не более как воспоминание старинных преданий без всяких действительных прав и власти» [44].

Выводом этого доклада было то, что Заводовский лоббировал интересы Дударуковых и настаивал на том, чтобы те люди, которых Асланов увел за собой в Кабарду, вернулись к Дударуковым. В принципе все, что написано выше, можно почерпнуть из переписки, но по какой причине Заводовский включил в этот список Кармовых, совершенно непонятно.

А то, что Кармовы имеют достаточно близкие отношения к этому делу в общем, и к Аслановым в частности, доказывается из других документов этого же дела. В частности из предписания исправляющего должность начальника Центра Кавказской линии полковника Хлюпина в Кабардинский временный суд № 1795 от 13 октября. Ориентируюсь по другим бумагам в деле, предписание датировано 1846 годом. «По решению дела Ток Асланов за убийство брата Дударукова должен заплатить ему 500 рублей серебром. Поручителем исполнения этого был Шу Кармов» [45]. Плохо верится, что если бы между Кармовым и Аслановым не было близких дружеских или родственных отношений, то Кармов стал бы поручителем в уплате такой большой суммы.

Есть еще один документ, показывающий близкие отношения между Аслановыми и Кармовыми. Это копия акта от 17 апреля 1851 года о примирении абазинского князя подпоручика Касполата Дударукова и поручика, абазинского узденя Тока Арсланова в связи с убийством Дударукова Аслановым. В таких ответственных делах обычно назначались медиаторы, и Ток Асланов уполномочил на эту роль «Войскового старшину Дадымова, узденей Абдрахман Блахова и Киляра Кармова» [46].

В докладной записке Шу и Кизильбека Кармовых, Бата и Ху-

син Абезвановых, написанной в Кисловодске 17 июля 1850 года и сохранившейся в деле 618 фонда 13454 РГВИА, однозначно отражено географическое положение Кармовых по отношению к Кабарде: «На нашу просьбу поселить нас на левом берегу реки Малки вы решили поселить нас на правом берегу, то есть совместно с Кабардою. Но мы исстари никогда не имели совместного жительства с Кабардою и, хотя мы одного племени, но всегда жили отдельно» [47].

А то, что Кармовы еще даже в 1870-х годах не считали себя кабардинцами, подтверждает Прошение, написанное начальнику Кабардинского округа от аула своего узденя Кияра Кармова. Оно находится в фондах УЦГА АС КБР и датировано 21 сентября 1870 года. В своей просьбе Кияр Кармов просил его включить в список кабардинцев, которых должны были наделить землей, но даже здесь он не написал, что он из кабардинцев, а просто обозначил, к каким князьям относится: «Издrevле происходя из княжеских узденей Атажукинской фамилии» [48].

Очень много интересных документов мы нашли в деле «Репорта и прошения о наделе земель жителей Большой Кабарды» [49], находящемся в фонде «Правление межевой частью Терской области». В деле подшито много документов, рассказывающих о земельных спорах между Кармовыми и разбирательствах, происходивших в связи с этим. Так, в докладе начальнику Георгиевского округа от и.д. пристава 2 участка того же округа есаула Цигулиева за № 1838 записано, что о родственных связях Кармовых опрошенные старики ничего не знают, «так как все Кармовы пришельцы из абазинцев» [50]. Документ отправлен 24 октября 1871 года. В данном случае мы позволим себе усомниться в том, что старики не знали о родственных связях своих односельчан Кармовых, скорее всего, что они решили просто не вмешиваться в спор. Но этот документ ценен тем, что подтверждает появление Кармовых в Кабарде из Абазии.

О том, что Кармовы переселились из Абазии, подтверждается и в другом документе из того же дела – «Докладной записке жителя Георгиевского округа, Терской области, селения Атажукино-3 узденя Махмуда Кармова» [51], датированной 30 октября

1871 года и написанной в слободе Нальчик на имя исправляющего должность начальника Георгиевского округа генерал-майора и кавалера Вояковского. В этом рапорте, рассказывая о родственных связях Кармовых, он пишет: «Из числа вышеупомянутых предков наших Джелган и Тока в давнее время до переселения еще из Абазы на жительство в Кабарду несколько лет жили в одном семействе» [52].

В этом же деле находится один из самых серьезных документов, подтверждающих абазинское происхождение Кармовых. Это копия Свидетельства от 30 января 1872 года. В связи с ценностью документа приводим его полностью: «Дано сие от почетных кабардинских князей и узденей жителю селения Кармова Фице Кармову в том, что он действительно происходит из абазинских узденей, переселившихся в очень давнее время в Кабарду, который по происхождению своему равен узденям «Беслан-Ворк», которым назначены в надел поземельные участки» [53].

Еще один очень интересный документ сохранился в этом деле. Это копия свидетельства, удостоверенная 14 августа 1857 года в Тифлисе и. д. начальника главного штаба войск на Кавказе, находившегося в свите Его Величества генерал-майора Милютина, о наградах, пожалованных Фице Кармову. В этой копии написано: «Абазинского племени, жителю аула Дударукова, узденю Фице Кармову» [54].

В ЦГА Архивной службы КБР в фонде Пятигорского окружного полицейского управления в деле среди прошений жителей селений о размежевании земель есть прошение, поданное 7 августа 1872 года начальнику Георгиевского округа от узденей Каспота и Кучука Абуковых [55]. В документе уздени Каспот и Кучук Абуковы просят выделить им участок земли и, обосновывая свое право на это, в качестве обоснования, 2 пунктом пишут, «что подобные нам абазинцы, водворенные в Кабарде весьма недавно, как то Кучук Лафишев и побочные дети абазинского узденя Калмыка Трамова, Махмуд Кармов и Магомет Эльчепаров осчастливлены и награждены участками земли наравне с прочими кабардинцами». Хотя в документе Махмуд Кармов не назван сам абaziном, он безоговорочно ставится Абуковыми в один ряд с такими аба-

зинскими родами, как Лафишевы, Травовы, Абуковы, переселившись в Кабарду.

При оценке этого источника надо иметь в виду, что в эти года происходило наделение кабардинцев участками земли за заслуги перед государством и за сословное происхождение. Так как в 1860-х годах было отменено крепостное право и подвластные на Кавказе и в Кабарде получили вольность, для привилегированного сословия было крайне важно получение такого участка земли. Участок земли позволял осуществлять безбедное проживание. Именно поэтому многие из узденей, которые проживали в Кабарде, доказывали свое сословное и этническое происхождение. Именно поэтому к оценке таких документов надо относиться очень осторожно.

Очень интересный документ сохранился в фонде 262 «Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» Центрального государственного архива РСО-Алания. В деле о переписке сословно-поземельной комиссии председатель комиссии Алферов направляет письменное поручение от 14 февраля 1873 года переводчику оной комиссии поручику Ногмову. Среди пунктов этого поручения записано: «С получением сего вы приступите к следующим занятиям: 1. С рассказов стариков из абазинского происхождения как то Шу Кармова и Хусина Абезванова и др. вы запишете все известные им подробности о сословном устройстве и правах высшего происхождения лиц из абазинцев, время переселения абазинцев в Кабарду и положение которое они заняли в этом обществе» [56].

Из этого документа можно сделать вывод не только о том, что Кармовы имели абазинское происхождение, но и то, что среди них были люди, которые обладали глубокими познаниями в сословных и других вопросах.

К сожалению, изучение всех этих материалов не дало однозначного ответа на вопрос об этническом происхождении Кармовых. Если раньше мы придерживались мнения, что Кармовы имеют абазинское происхождение, то после всех этих изысканий мы больше склоняемся к тому, что среди абазин Кармовы появились из Кабарды. И значит можно и нужно продолжать поиски и заниматься любимым делом.

Использованные источники и литература

1. *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. С. 56.
2. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. М.: Наука, 1974. С. 51.
3. Там же.
4. *Данилова Е.Н.* Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век). М., 1984. С.23-24, 27, 32.
5. *Бейтуганов С.Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1989. С. 40-45.
6. Там же. С. 40.
7. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда. История и фамилии. Нальчик, 2001. С. 427.
8. Кабардино-Русские отношения. Издание Академии наук СССР. Москва, 1957. Т. 2 С. 59/АВПР ф. Кабардинские дела 1731-1732. Д. 2. Л. 130-137. Подлинник.
9. Кабардино-Русские отношения. Издание Академии наук СССР. Москва, 1957. Т.2. С.152/АВПР ф. Кабардинские дела 1748. Д.3. Л.8. Подлинник.
10. Кабардино-Русские отношения. Издание Академии наук СССР. Москва, 1957. Т. 2. С. 188/АВПР ф. Кабардинские дела 1753. Д. 12. Л. 1-2. Подлинник.
11. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Москва, 1889. С.365-372.
12. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб, 1885. Т. 48. С. 515.
13. Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск IX. Тифлис, 1876. С. 133.
14. *Гюльденштедт.* Путешествие по России и Кавказским горам // Кавказ: Европейские дневники 13-18 веков/Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 233-234.
15. *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Т. 3. СПб., 1887. С. 349.
16. Кабардино-Русские отношения. Издание Академии наук

СССР. Москва, 1957. Т. 2. С. 372//ЦГВИА. Ф. 52 (кн. Потемкина-Таврического) Оп. 1/194. Д. 2. Св. 120. Л. 113. перевод с татарского).

17. *Паллас Петер-Симон*. Заметки о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1793-1794 годах // Кавказ: Европейские дневники 13-18 веков/Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 259.

18. Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа 1787-1791 гг. Нальчик. Т. 4. С. 67.

19. РГВИА Ф.249. Оп.3 Д.1. Л. 1-2 об.

20.<http://books.google.ru/books?id=aM0cAQAAMAAJ&pg=PA223&dq=karass+tartar&hl=ru&sa=X&ei=hZj0U8ugIcrXyQPsmIKQAQ&ved=0CFIQ6AEwBjgK#v=onepage&q=karass%20tartar&f=false>.

21. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссией. Том 4. Архив главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1870. 1019 с. С. 888.

22. Акты собранные Кавказскою Археографическою комиссией. Том 5. Архив главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1873. 1170 с. С. 851.

23. АКАК Тифлис Т.8. С.950.

24. Государственный центральный исторический архив Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.341.

25. ГЦИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.341. Д.5 об.

26. ГЦИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.341. Д.40.

27. *William Glen*. Journal of a tour from Astrachan to Karass. Edinburgh, 1823. – 227 с. С. 115; http://books.google.ru/books?id=bUAEAAAAYAAJ&pg=PA1&lpg=PA1&dq=karass+tartar&source=bl&ots=JNhPdO74eS&sig=j5EoZ6Os1Au5yuJ2ZeJ3AYuBeEo&hl=ru&sa=X&ei=pD_zU6jQCorXyQPn8oCQDw&ved=0CCIQ6AEwAQ#v=onepage&q=karass&f=false

28. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 30. Л. 92.

29. *Иосиф Дебу*. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829. С. 118.

30. Там же. С. 120.
31. Там же. С. 121.
32. Там же. С. 123.
33. Там же. С. 126.
34. Там же. С. 127.
35. Там же. С. 127-128.
36. Управление Центрального государственного архива КБР (УЦГА КБР). Ф. И16. Оп. 1. Д. 1036.
37. Там же. Л. 8.
38. Там же. Л. 9.
39. Там же. Л. 9 об.
40. Там же. Л. 14.
41. Там же. Л. 20 об.
42. Там же. Л. 22.
43. Там же. Л. 23.
44. Там же. Л. 26.
45. Там же. Л. 64.
46. Там же. Л. 113 об.
47. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454. Оп. 1. Д. 618.
48. УЦГА АС КБР. Ф. И40. Оп. 1. Д. 21.
49. УЦГА АС КБР. Ф. И40. Оп. 1. Д. 18.
50. УЦГА АС КБР. Ф. И40. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.
51. УЦГА АС КБР. Ф. И40. Оп. 1. Д. 18. Л. 23-25 об.
52. УЦГА АС КБР. Ф. И40. Оп. 1. Д. 18. Л. 24 об.
53. УЦГА АС КБР. Ф. И40. Оп. 1. Д. 18. Л. 159
54. УЦГА АС КБР. Ф. И40. Оп. 1. Д. 18. Л. 162
55. УЦГА АС КБР. Ф. И50. Оп. 1. Д. 2. Л. 40-42
56. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1 Д. 22. Л. 41.

Ф. С. Киреев
(г. Владикавказ, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ ОФИЦЕРСКОГО РОДА ТЕРСКИХ КАЗАКОВ ФЕДЮШКИНЫХ СТАНИЦЫ ЧЕРВЛЕННОЙ

В числе самых известных фамилий терских казаков видное место занимает древний род Федюшкиных. На протяжении всего существования казачества на Тереке представители этого рода играли самую заметную роль.

Говоря о происхождении фамилии, надо отметить, что нет точных данных о ее появлении. Существует довольно убедительная версия о том, что поводом для возникновения фамилии стал трагический поход казачьего отряда, предпринятый в 1717 году, под предводительством князя Бековича-Черкасского в Хиву. Поход окончился полным уничтожением отряда. Из 1500 яицких (уральских) казаков спасся один казак Новицкий, а из 500 гребенских казаков через несколько десятков лет жизни в плену на Терек вернулись два казака – Иван Демушкин из Червленной станицы и Петр Стрелков из станицы Шадринской. Эта потеря оказалась очень ощутимой для гребенских казаков, и в память о погибших детям давали фамилии по именам отцов, одной из таких фамилий стала – Федюшкин, в честь гребенского казака Федора, погибшего в далекой Хиве. Отсюда же были и другие гребенские фамилии – Андрюнькины, Семенкины, Борискины и др.

В то же время историк Г. А. Ткачев в книге «Станица Червленая», рассказывая о самых известных станичных фамилиях –

Фроловых, Тихоновых, Федюшкиных и Рогожиных – об их происхождении пишет: «Фроловы – от донцов, Тихоновы от ордынских татар, Рогожины от калмыков. О Федюшкиных сведений не имею» [1]. Странно, что Ткачев, сам будучи уроженцем станицы Червленной, не связал происхождение фамилии с Хивинским походом.

За 200 лет, минувших после Хивинского похода, род Федюшкиных значительно разросся и умножился. В этом роду появилось немало храбрых казаков и заслуженных офицеров, в том числе три генерала.

Офицерская ветвь фамилии идет от семьи казака Филиппа Емельяновича Федюшкина. Его отец Емельян совместно с братьями имел в станице Червленной винокуренный завод, получая довольно значительные деньги. Они накуривали до двадцати бочек спирту.

Филипп Емельянович, помимо спиртокурения, занялся также откупом зимних и осенних пастбищ в земельных дачах Гребенского войска и сдачею их под выпас ногайцам, причем брал с них помимо денег плату скотом, лошадьми, став весьма солидным скотоводчиком. Даже в начале XX века у Федюшкиных были самые значительные табуны скотские и конские во всей Червленной [2].

Емельян и Филипп Федюшкины были неграмотны, но уже дети последнего – Федот, Федул и Нестор – стали самыми образованными в станице. Они достигли значительных чинов и пользовались значительным влиянием в Гребенском войске. Дети Филиппа участвовали в большинстве сражений Кавказской войны, получая ранения и награды.

Зауряд-хорунжий Федот Филиппович Федюшкин был ранен пашкою в руку в бою 19 августа 1832 года, когда погиб полковник Волженский. В дальнейшем он дослужился до чина полковника.

Федул Филиппович в чине хорунжего был ранен вместе с другими офицерами в знаменитом деле майора Суслова в 1846 году. Тогда 87 гребенцов при семи офицерах несколько часов в окружении отбивали атаки полутора тысяч горцев.

Можно долго перечислять все дела и походы, в которых участвовал Федул. В основном это были сражения в Дагестане, Чечне

и Ингушетии. Из его послужного списка можно узнать, что он родился 5 апреля 1818 г. В декабре 1834 поступил на службу казаком в Гребенской полк. В 1839 произведен в урядники [3].

11 июля 1840 – чин зауряд-хорунжего за отличие в деле против горцев 11 июля 1840 г.

20 апреля 1845 – чин хорунжего за отличие в деле против горцев 12 апреля 1845 г.

27 июля 1846 – награжден 100 руб. за отличие в деле против горцев 7 января 1845 г.

11 ноября 1846 – за отличия в делах против горцев в 1846 г.

25 июня 1847 – орден св. Анны 4-й ст. за отличия в делах против горцев в 1846 г.

20 июля 1848 – орден св. Анны 3-й ст. с бантом за отличия в делах против горцев с 16 ноября по 23 декабря 1847 г.

20 июля 1850 – чин есаула за отличия по службе.

2 февраля 1851 – орден св. Анны 2-й ст. за отличие в деле против горцев 3 апреля 1850 г.

25 апреля 1853 – чин войскового старшины за отличия в делах против горцев.

С 1853 г. прикомандирован ко 2-му Сунженскому полку.

16 июля 1854 – орден св. Владимира 4-й ст. с бантом.

21 июля 1857 – чин подполковника за отличие в делах против горцев зимой 1855-56.

8 августа 1857 – Высочайшее благоволение за отличие в делах против горцев 16-17 апреля 1855 г.

11 апреля 1858 – утвержден командиром 2-го Сунженского полка.

26 октября 1858 – золотая шашка с надписью «За храбрость» за отличие в делах против горцев с 20 октября 1857 по 1 мая 1858 г.

31 мая 1859 – награжден полугодовым окладным жалованием – за военные действия в Чечне в 1858-59 гг.

14 октября 1859 – пожалован землей в 800 десятин.

24 октября 1859 – чин полковника за отличие в делах против горцев в 1859 г.

17 февраля 1860 – орден св. Анны 2-й ст. с императорской короной за отличия в 1859 при покорении Восточного Кавказа.

5 октября 1861 – назначен командиром 5-й бригады Кавказского линейного казачьего войска.

9 декабря 1861 – орден св. Владимира 3 ст. за отличие в делах против горцев в 1859 г.

27 мая 1862 – назначен командиром 1-й бригады Терского казачьего войска.

25 августа 1863 – награжден бриллиантовым перстнем с вензелем Государя Императора за представление в составе делегации от ТКВ Государю Императору.

21 июля 1867 – чин генерал-майора за отличия по службе.

30 августа 1870 – орден св. Станислава 1-й ст.

1 января 1871 – атаман 1-го военного Терского казачьего войска.

8 сентября 1871 – Монаршее благоволение за отличия по службе.

30 апреля 1874 – орден св. Анны 1-й ст.

За свои заслуги генерал Федул Федюшкин получил дворянский титул, а 16 марта 1872 года был утвержден герб его рода.

Описание герба следующее:

В голубом щите накрест два серебряных с золотыми рукоятками меча. На них стоит золотой сокол с красными глазами и языком. Он держит в клюве лавровую ветвь. Над щитом дворянский коронованный шлем с тремя страусовыми перьями. Среднее голубое, правое серебряное, левое золотое. Намет справа голубой с серебром, слева – голубой с золотом [4].

Федул Филиппович был самым известным и уважаемым из рода Федюшкиных. Будучи командиром Волгской бригады, а затем атаманом отдела, он жил в станице Ессентукской и немало потрудился в деле благоустройства станицы.

В 1881 году он скончался и был похоронен в ограде станичной Никольской церкви. Удивительно, но Никольская церковь одна из немногих станичных храмов уцелела в годы советской власти, и могила Федула Филипповича сохранилась до наших дней.

Портрет генерала пока не найден, но есть его изображение в молодости. Известный художник Г. Гагарин, будучи на Тереке в 40-х годах много рисовал на местные мотивы и сделал несколь-

ко портретов казаков, в том числе и молодого офицера Федула Федюшкина. Тогда он и представить не мог, какое будущее ждет этого молодого юношу.

Федул был женат на дочери офицера (в дальнейшем генерала) из станицы Червленной Евдокии Семенкиной. У них было два сына – Александр (1863 г.р.) и Анатолий (1868 г.р.). Оба они стали офицерами, правда в отличие от отца больших чинов не достигли и офицерский род дальше них не пошел. Отставной есаул Анатолий Федулович Федюшкин был владельцем санатория «Вера» на 120 мест в Ессентуках, председателем Совета Общества взаимного кредита. В 1918 г. он был арестован как заложник и дальше нет о нем сведений [5].

Нестор Филиппович дослужился до чина есаула. У него было три сына – Иван, Семен и Андрей.

Иван Несторович за отличия в сражениях Кавказской войны был награжден знаком отличия Военного ордена 2-й, 3-й и 4-й степеней. Став офицером, он служил в Кизляро-Гребенском полку, а с 1876 г. в Собственном Его Императорского Величества Конвое. В дальнейшем он стал командиром лейб-гвардии 4-й сотни Императорского Конвоя, а с 1893 по 1894 г. – полковник, помощник командира Конвоя по строевой части [6].

Семен Несторович и Андрей Несторович проходили службу в нижних чинах, как видно, больше посвятив себя хозяйственным делам.

Дети Семена – Анатолий и Николай были офицерами Императорского Конвоя.

Анатолий Семенович родился 23 апреля 1887 г., окончил Тифлисский кадетский корпус, затем Николаевское кавалерийское училище (1906), вышел хорунжим в 1-й Кизляро-Гребенской генерала Ермолова полк ТКВ. С 1909 г. в Собственном Е. И. В. Конвое. В Первой мировой войне подъесаул Л.-Гв. 4-й Терской сотни (1914), командир 1-й сотни в Терском Гвардейском Дивизионе (05.1917-04.1918). Участник Терского восстания (1918), затем в Вооруженных силах Юга России, помощник командира Терского Гвардейского атаманского дивизиона, в Русской Армии, полковник. С 1920 г. в эмиграции. Умер в США 31 августа 1958 г. [7].

Николай Семенович родился 23 марта 1893 г., окончил Владикавказский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище (1914). В Первой мировой войне хорунжий 2-й Терской казачьей батареи, с ноября 1915 г. прикомандирован к Собственному Е. И. В. Конвою, хорунжий Л.-Гв. 3-й Терской сотни (1916), в Терском Гвардейском Дивизионе (1917). Участник Терского восстания, был в Кизляро-Гребенском полку (1918), затем в Вооруженных силах Юга России, в Терском Гвардейском атаманском дивизионе (1919), подьесаул (1920) [8].

Офицерский род Федюшкиных сильно продолжился от сына Федота войскового старшины Казьмы (Кузьмы) Федотовича. У него было шесть сыновей [9], и из них двое стали генералами, а двое – полковниками.

Петр Кузьмич родился в 1850 г. Войсковой старшина Терского казачьего войска в отставке (с 1904). В Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. К июлю 1919 г. начальник части внутренней торговли правительства Терского казачьего войска.

Михаил Кузьмич родился в 1858 г., был старшим врачом Ошского местного лазарета. С 18 февраля 1910 г. получил чин статского советника и назначен старшим врачом Красноводского местного лазарета [10].

Василий Кузьмич родился в 1860 г. На службе с 18 июля 1878 г. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. Хорунжий с 1883 г. Служил в Волгском полку ТКВ. Сотник с 1887 г. С 1888 г. в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Подьесаул с 1902 г. С 6 декабря 1905 г. – есаул, командир лейб-гвардии 3-й Терской сотни Конвоя. Затем произведен в полковники и зачислен в 1-й Кизляро-Гребенской полк. 1 июня 1910 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры [11].

Отставной генерал-майор Василий Кузьмич Федюшкин проживал в г. Пятигорск. В 1920 г. после поражения Белого движения в Терской области выехал вместе со своими братьями Николаем и Иваном в г. Елизаветполь (Гянджу), где и находился до захвата Азербайджана красными.

Николай Кузьмич родился в 1867 г. Окончил Ставропольскую гимназию и Михайловское артиллерийское училище по 1-му раз-

ряду. Хорунжий с 1888 г. Служил в Главном управлении казачьих войск. С 1903 г. во 2-й Терской казачьей батарее. Произведен в войсковые старшины. Командовал 4-й Кубанской казачьей батареей. С июля 1910 г. командир 2-го Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. Участник Первой мировой войны. Произведен в полковники. Командовал 1-м Кубанским казачьим полком, затем 2-й бригадой 1-й Кавказской казачьей дивизии. Участник Терского восстания и Белого Движения. С июля 1918 г. начальник штаба войск ТКВ. С 12 июля по 17 октября 1918 г. командующий войсками Терского войска. 18 января 1919 г. произведен в генерал-майоры. С февраля по 8 апреля 1919 г. и.д. атамана Кизлярского отдела ТКВ, затем представитель ТКВ при Главкоме Вооруженных сил Юга России [12].

Иван Кузьмич родился в 1868 г. Окончил Ставропольское реальное училище, Ставропольское казачье юнкерское училище по 2-му разряду и Офицерскую кавалерийскую школу «успешно». Хорунжий с 1893 г. Служил в 1-м Сунженско-Владикавказском полку. Участник русско-японской войны. 27 октября 1912 г. произведен в есаулы. С 1913 г. командир 2-й сотни. Участник Первой мировой войны. 10 марта 1916 г. произведен в войсковые старшины. С мая 1916 г. в 3-м Сунженско-Владикавказском полку, помощник командира полка. С 20 марта 1917 г. командир 3-го Волгского полка. Произведен в полковники. Участник Белого Движения. С апреля по ноябрь 1919 г. командир 2-го Кизляро-Гребенского полка [13].

Виктор Кузьмич родился в 1873 г. Окончил Ставропольскую гимназию и Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду. Хорунжий с 1897 г. Служил во 2-й Терской казачьей батарее. Участник русско-японской войны. 17 сентября 1912 г. произведен в войсковые старшины и назначен командиром 2-й Кубанской казачьей батареи. Участник Первой мировой войны. С 14 сентября 1916 г. командир 3-й батареи 5-го отдельного Финляндского артиллерийского дивизиона. 19 ноября 1916 г. произведен в полковники и назначен командиром 3-й батареи 7-го Кавказского отдельного горно-артиллерийского дивизиона. Участник Белого Движения. С 4 мая 1919 г. заведующий артиллерийской частью ТКВ. В 1920 г. ушел в эмиграцию. Скончался в 1930 г. во Франции [14].

10 мая 1920 г. трое братьев Федюшкиных – Василий, Николай и Иван – добровольно явились к начальнику 32-й советской пехотной дивизии, отправлены в г. Баку, куда прибыли 12 мая. Там были арестованы Особым №8 отделом ЧК 11-й советской армии, отправлены на пристань, затем перевезены на остров Нарген, где после опроса членами ЧК отправлены в г. Рязань в Рязанский губернский лагерь принудительных работ [15].

5 ноября 1920 г. Николай Кузьмич за службу в белых армиях и командование терскими казаками, восставшими в 1918 под Моздоком, постановлением Рязанской губ. ЧК был приговорен к расстрелу. Перед этим была расстреляна его жена. Мария Федюшкина (в девичестве Ракова) (1877 г.р.) окончила гимназию в Петрограде. Была арестована 6 сентября 1920 г. и по постановлению Особого отдела ВЧК при Кавтрудармии от 11 сентября 1920 г. осуждена к высшей мере наказания [16].

6 декабря 1920 г. Василий Кузьмич был освобожден под надзор местного ЧК и командирован в совхоз «Соха» Пронского района Рязанской губернии, где вскоре и умер, ориентировочно в марте – апреле 1921 г.

Иван Кузьмич находился в Рязанском лагере до 3 марта 1922 г. После освобождения жил во Владикавказе.

Про внуков Кузьмы Федюшкина известно следующее.

Александр Петрович (1887 г.р.), врач. В Вооруженных силах Юга России в санитарных частях. Взят в плен. 26 сентября 1920 г. из Особого отдела 11-й армии передан в Рязанский концлагерь. 13 марта 1921 г. оставлен в лагере на 3 года. В дальнейшем работал врачом. В Чечено-Ингушетии организовал в с. Чишки детский противотуберкулезный санаторий.

Петр Васильевич окончил Николаевское кавалерийское училище. Хорунжий с 12 июля 1914 г. Участник Первой мировой войны. При мобилизации в июле 1914 г. зачислен в Сунженско-Владикавказскую запасную сотню. С 23 августа 1914 по 23 февраля 1915 г. командовал Сунженско-Владикавказским отделением конного запаса. С мая 1915 г. во 2-м Терском пластунском батальоне. 23 июля 1915 г. убит в бою на Кавказском фронте.

Владимир Васильевич 1 июня 1915 г. окончил ускоренные

курсы Николаевского кавалерийского училища. Был произведен в прапорщики и зачислен в Волгскую запасную сотню. Затем прикомандирован к офицерской стрелковой школе. 23 февраля 1916 г. произведен в хорунжие. В 1917 г. во 2-м Терском запасном полку. С 16 августа 1917 г. в 3-м Волгском полку.

После расстрела Николая и его жены осталось трое малолетних дочерей, воспитанных после смерти родителей тещей Николая – Елизаветой Александровной Раковой: Анастасия (1908-1983), Татьяна (1909-1993), Наталья (1912-1976). Две последние всю жизнь прожили и умерли на родине в ст. Червленной. Анастасия в основном проживала в г. Грозном, но похоронена тоже в Червленной [17].

В феврале 1919 г. во Владикавказе от сыпного тифа умерла жена Ивана Кузьмича. У них было трое сыновей – Михаил, Андрей и Юрий. Михаил умер в 70-тых в г. Орджоникидзе. Андрей (1907-1996), обучаясь во Владикавказском кадетском корпусе, вместе с корпусом во время Гражданской войны эвакуировался за границу. После окончания кадетского корпуса Андрей Федюшкин поехал в Белград и поступил в университет на технический факультет. Окончил его в 1932 году, получив диплом инженера путей сообщения, работал по специальности. С 1953 года жил в Чили, где и скончался [18].

У Виктора Кузьмича был сын Константин и дочь Надежда (1909-1994), умершая в Новочеркасске.

Судьба еще не всех представителей славного офицерского рода Федюшкиных до конца выяснена, но работа в этом направлении продолжается.

Использованные источники и литература

1. Ткачев Г. А. Станица Червленная. Исторический очерк. Владикавказ, 1912. С. 97.
2. Там же. С. 61.
3. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 62, послужной список на 1872 г.

4. Часть 15 Сборника дипломных гербов Российского Дворянства, невнесенных в Общий Гербовник. С. 12
5. *Андреев Ю. П.* Ессентуки. Казачья станица и знаменитый курорт. Ставрополь, 2013. С. 236.
6. ЦГА РСО-А. Список генералов, штаб и обер-офицеров Терского казачьего войска на 1 мая 1893 г.
7. *Галушкин Н. В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. М., 2004. С. 408.
8. Там же. С. 411.
9. РГВИА. Ф. 5206. Оп. 1. Д. 25, послужной список на 1882 г.
10. Список гражданским чинам военного ведомства первых шести классов на 1 января 1911 г. СПб., 1911.
11. Высочайший приказ от 1 июня 1910.
12. *Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Казаки в Персии 1909-1918 гг. М., 2007. С. 404.
13. *Григорьев А. А., Григорова А. И.* Заключение Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919-1923 гг. М., 2013. С. 74.
14. Терский казак. Белград, 1936. № 2.
15. Государственный архив Рязанской области. Ф Р-2817. Оп.1. Д.74.
16. Ответ УФСБ Рязанской области правнуку Н. К. Федюшкина – Алексею Николаевичу Антоненко.
17. Информатор: Алексей Николаевич Антоненко.
18. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-2001 в шести томах / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2006. Т. 6. С. 608.

М. Р. Кулиев
(г. Нахичевань, Азербайджан)

ДИНАСТИЯ НАХИЧЕВАНСКИХ ХАНОВ

В последнее время в некоторых книгах, издаваемых в Баку и Москве, встречается недостоверная информация о происхождении рода Нахичеванских ханов. Принимая во внимание особую деликатность вопросов, связанных с родословной этой династии, автор статьи решил вернуться к теме и привести новые доказательства принадлежности этого рода к тюрко-огузскому племени кенгерли.

Останавливаться на происхождении племени кенгерли представляется излишним, поскольку этой теме посвящена обширная и достаточно серьезная литература. Достоверные и полные сведения можно почерпнуть из книги видного азербайджанского исследователя Э. Сейидбейли («Naxçıvan torpaq mülkiyyətinə aid XVII-XVIII əsr Kəngərli arxeoqrafik sənədləri»), вышедшей в бакинском издательстве «Элм» в 2000 году и представляющей собой ценный источник информации по теме. Собранные в книге документы могут служить отправной точкой для дальнейших исследований [1].

Ряд монографий о нахичеванских кенгерли, основанные на документальных материалах, тем не менее, производят впечатление отсутствия комплексного подхода авторов к документам. Так, некоторые авторы стараются рассматривать историю кенгерли в отрыве от Нахичевани, хотя такой подход опровергается фактами.

Знаменитый архив кенгерли в свое время оказался в распоряжении российского востоковеда К.Н. Смирнова и стал предметом его переписки с другим видным российским востоковедом В.Ф. Минорским. Об этом свидетельствует письмо, хранящееся в Национальном Центре Рукописей Грузии [2]. Владимир Федоро-

вич Минорский, почетный доктор Брюссельского и Кембриджского университетов, член-корреспондент академий Великобритании и Франции и почетный член ряда международных научных обществ, работал дипломатом в Иране и Османском государстве. В бытность на службе в МИД России он написал интересные труды по истории Турции, Ирана и Кавказа. Его статьи вошли в «Исламскую энциклопедию», а в статье «Нахичевань» содержатся сведения и о кенгерли. После октябрьской революции 1917 года некоторое время жил в Иране, в 1919-1932 гг. – во Франции, затем переехал в Англию [3].

Письмо Минорского Смирнову, датированное 9 декабря 1936 года и отправленное адресату в Тифлис, представляет собой ответ на запрос относительно кенгерли. Дело в том, что К. Смирнов в 1935 году перевез обширный архив нахичеванских кенгерли в Тифлис и столкнулся с трудностями в исследованиях, поскольку, как явствует из письма Минорского, его знания по истории кенгерли были слишком скудны. Впрочем, и разъяснения самого Минорского или неточны, или ошибочны. Ввиду сказанного представляется целесообразным издать труды К. Смирнова о Нахичевани с подробными комментариями, в противном случае содержащиеся в них ошибочные положения и выводы могут быть приняты последующими поколениями в качестве непререкаемой истины. Кстати, российские ученые продолжают публиковать книги, в которых отрицается принадлежность рода нахичеванских ханов к кенгерли.

Представляем текст письма с незначительными сокращениями, связанными с неразборчивостью некоторых слов: *«Дорогой Константин Николаевич, оба письма получил. Издание всяких документов вещь весьма похвальная. Официальный стиль всегда труден и требует долгой расшифровки... Что касается вопроса о кенгерли, то в энциклопедии Ислама я очень кратко прописал о них под «Нахичевань». В общем и ваши документы по истории их появления не проливают окончательно света. Это любопытное Кенгерлю были, как кажется, лишь кланом племени Афшар, а потому история их приведет к истории Афшар. Это мятежских племя постоянно создавало себе проблемы, их то и дело расселяли в Урмии, Хорасане, Самы-кале и в Великой Аравии. Вероятно, часть афшаров, когда их гнали, достигла Нахичевани. Ваш сотрудник, владеющий фарси, успешно прочел тексты... ».*

Далее автор указывает на погрешности в переводе. Речь идет о рукописных документах из Нахичевани. Вместе с письмом К. Смирнов отправил В. Минорскому для проверки экземпляра книги, написанной им на основе 24 документов из вывезенного из Нахичевани архива. В выписке из письма указано: «Кенгерлинцы в Нисе – это те же самые кенгерлинцы в Варшаве» [4].

Как видим, оба известных российских востоковеда располагали довольно поверхностными сведениями о нахичеванских кенгерли. Ведь кенгерли отнюдь не являются ветвью афшаров. В монографии английского историка Эдмунда Босворта «Мусульманские династии (книга хронологических и генеалогических сведений)», которая в 1971 году была издана на русском языке, афшары рассматриваются как монгольское племя, тогда как кенгерли – в разделе «Кавказ до сельджуков». Уже отсюда видно, что племя кенгерли относится к коренному населению региона, а не является пришлым [5].

В одном из документов, датированном первыми числами апреля 1693 года, приведены имена ряда представителей племени кенгерли, большинство которых использовали в своих именах приставку «Нахчывани», указывая тем самым, что они родом из Нахичевани [6]. Предполагается, что в персоязычных архивах можно найти такие имена, относящиеся ко временам на несколько веков раньше.

В архиве, вывезенном К. Смирновым из Нахичевани в Тифлис, содержатся указы, в которых обращает на себя внимание комментарий Смирнова следующего содержания: *«При Аббас-Мирзе состоял Назар-Али-бек (тогда еще не хан) Кенгерлю, сын Кельб-Али-хана и брат Ихсан хана Нахичеванского»*. Кроме того, в комментарии к документу 1808 года ученый указывает: *«Правитель Нахичевани в этом документе определенно называется не ханом Нахичеванским, а ханом Кенгерлинским»* [7]. Здесь очевидно, что автору следовало дать краткое примечание к употребляемой им приставке «Нахичеванский» в контексте аналогичной по смыслу приставки «Нахчывани», которая встречается в арабо- и персоязычных документах.

В книге К. Смирнова «Нахичеванские рукописные документы XVII-XIX вв.», изданной в 1936 году в Тифлисе и посвященной памяти известного востоковеда Марра-младшего, переводы и

примечания к 25 документам из кенгерлинского архива принадлежат автору и Дж. Гайбову [8]. Интересно, что автор подарил эту книгу со своим автографом Алигулу Султанову, внуку полковника Исмаила-ага Кенгерли (его на фотоснимках часто ошибочно представляют как Исмаил-хана), который приходится шурином генералу Исмаил-хану Нахичеванскому. Нам представляется, что одним из ценнейших достоинств этой книги служит публикация отчетливых фотокопий оригиналов тех документов из кенгерлинского архива, на основе которых и написан этот труд. Благодаря этому азербайджанские ученые имеют возможность изучать эти документы в оригинале и перевести их на азербайджанский язык, а это позволит избежать ненужных разночтений.

В Национальном Архиве Грузии хранится письмо сардара (наместника) Иревана Мохаммед Гасан-хана Каджара Эхсан-хану Нахичеванскому от 30 августа 1827 года [9]. В письме говорится, что Келбали-хан – начальник всего племени кенгерли, что он был человеком глубоко набожным, строго соблюдал каноны ислама, а во время осады Иревана отстоял городскую цитадель. В письме также содержатся упреки Эхсан-хану и его брату Шейхали за принятие ими российского подданства. Вопреки некоторым современным авторам, отрицающим оборону Иреванской крепости Келбали-ханом, в этом письме не раз подчеркивается мужество последнего и в целом племени кенгерли в обороне родного города.

Но остановимся на вопросе принятия кенгерлинскими ханами фамилии «Нахичеванский», которая стала использоваться для того, чтобы выделиться среди других бекских семей кенгерли.

Как свидетельствуют документы, хранящиеся в архивах Баку, Нахичевани, Еревана, Тбилиси, Москвы, такому выбору способствовала атмосфера того времени. Потомки Келбали-хана (I) Кенгерли взяли себе фамилии Нахичеванский, Келбалиханов и Мурадханов (Мурадов), а потомки Гейдар-Кули-хана – Зульфугарханов (Зульфугаров) [10]. Судя по материалам архивов Санкт-Петербурга и Еревана, единым предком всех перечисленных лиц был Мурад-хан Кенгерли, который, согласно документам сефевидской эпохи, правил Нахичеваном в 1668-1669 годы и пользовался авторитетом среди ханов [11]. В его честь Эхсан (I) и его братья в докумен-

тах после 1828 года записаны Мурадхановыми, или Мурадовыми (эти документы хранятся в грузинских архивах) [12]. Российские авторы, не разбираясь в тонкостях восточной генеалогии и исходя из несоответствия этого деликатного момента политическим интересам их страны, называют отца Келбали-хана «Некий Мурад хан» и допускают тем самым грубую ошибку, поскольку Келбали и Мурада разделяют несколько поколений. В действительности, как свидетельствуют архивные документы, отцом Келбали (I) был Эхсан-хан, приходившийся Мурад-хану внуком либо правнуком. Гейдар-Кули-хан был внуком Мурад-хана. Следовательно, обе ветви рода нахичеванских ханов – потомки Мурад-хана.

Все эти факты были выявлены в ходе настойчивых поисков в архивах, в результате чего вместе с проживающим в Москве военным исследователем-азербайджанцем Эльдаром Эльхан оглы Исмаиловым мы опубликовали научную статью на русском языке «Родословная Келб-Али-хана Кенгерли» [13].

В свою очередь, Эхсан-хан (I) до самой своей кончины хранил изначальную фамилию – Кенгерли, или Кенгерлинский-Нахичеванский, указывая ее во всех документах [12]. Отметим, что имена сыновей генерал-майора Эхсан-хана (I) – генерала Исмаил-хана и генерал-майора Келбали-хана (II) – выведены золотыми буквами на мраморных плитах в Георгиевском зале московского Кремля [14]. В целом потомки кенгерлинских ханов использовали фамилию Нахичеванский с конца XIX века.

Использованные источники и литература

1. *Seyidbəyli Elmira*. Naxçıvan torpaq mülkiyyətinə aid XVII-XVIII əsr Kəngərli arxeoqrafik sənədləri. Bakı: Elm, 2000. С.229.
2. Национальный Центр Рукописей Грузии. Личный Архив К.Н. Смирнова. Ф. 39. Каталог № 59. Дело № 80.
3. Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası. Bakı, 1982. С.581.
4. Личный Архив К.Н. Смирнова. Ф. 39. Дело №80. Письмо Минорского.
5. *Босфорн К. Э.* Мусульманские династии. Москва: Наука, 1971. С. 230.

6. *Musəvi T.M* Orta əsr Azərbaycan tarixinə dair fars dilində yazılmış sənədlər. Bakı: Elm, 1965. С.40.

7. Передняя Азия в документах. Серия памяти Ю.Н. Марра. Кн.1. Нахичеванские документы. Тифлис, 1936.

8. Там же. С.24-25.

9. Национальный Архив Грузии. Ф. 2. О. 1. Д. 1981.

10. *Нагдалиев Ф. Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской империи. Москва: Новый Аргумент, 2006. С.131-132.

11. *Məmmədov R.* Naхçıvan şəhərinin tarixi oçerki (orta əsrlər dövrü). Bakı, 1977. С.138.

12. Национальный Архив Грузии. Ф. 4. О. 8. Д. 36. Л. 12.

13. Azərbaycan Tarixi Şəсərə Сəmiyyətinin xəbərləri, VIII buraxılış. Bakı, 2012. С.78-89; Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск IV: Сборник статей. Владикавказ, 2013. С. 119-134.

14. *Иванов Р.Н.* Оборона Баязета: правда и ложь. Москва: Герои Отечества, 2005. С.230.

*Генерал-майор
Келбали-хан Нахичеванский*

А. В. Магальян
(г. Ереван, Армения)

АРМЯНСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ РОД АСАН- ДЖАЛАЛЯНОВ В XVII–XIX ВЕКАХ

Территория меликства гавара Хачен начиналась от реки Хачен и простиралась до реки Каркар. Владетели гавара Хачен – Асан-Джалаляны происходили из старинного армянского княжеского рода Араншахигов. Основателем рода был потомок ветви Внутреннего Хачена владычества Араншахигов Асан-Джалал Дола (? – 1261), «природный самодержавный царь высокой и великой страны Арцахской» [1]. Сам князь Асан-Джалал Дола был выдающимся правителем, воином и дипломатом, детали его биографии полны величия и трагизма [2]. Таким образом, «по имени князя Асан-Джалала, его княжеский дом, именуемый Асан-Джалаляны, являлся владетелем Внутреннего Хачена – одного из видных административных единиц средневековой Армении. Он выдержал натиск татаро-монголов, а затем и, пришедших по их следам, турок ак-коюнлу и кара-коюнлу, потом, в родном Хачене, преобразовавшись в меликский род, просуществовал вплоть до начала XIX в.» [3]. Княжескими резиденциями Асан-Джалалянов были Тарханаберд (Хоханаберд) и Качахакаберд [4].

Представители этого рода начиная с конца XIV в. потомственно владели также католикосским престолом Алуанка (Гандзасара), а престол Гандзасара превратился в духовный и политический центр меликств Арцаха.

Изучением родословия Асан-Джалалянов впервые занима-

лись представители этого рода: Есаи Асан-Джалалян [5], Багдасар Асан-Джалалян и Саргис Джалалянц [6]. Среди этих работ наиболее удачным является составленный Багдасаром Асан-Джалаляном в 1849 г. родовой список «Родословие и генеалогия рода Асан-Джалалянов», один из вариантов которого издал Раффи [7].

Вообще, согласно каталогу рукописей вардапета Х. Дадяна, митрополит Багдасар составил три варианта этого списка, которые «по сути, были одинаковыми и различались только в мелочах: один – более краткий, другой – более обширный. Цель списков – показать, что род митрополита Джалалян происходит от старинного царского рода края Алуанк, или, по выражению Мовсеса Хоренаци – от Сисака» [8].

Можно упомянуть также исследования М. Бархутарянца [9], Г. Алишана [10], а из современных исследователей – Г. Киракосяна [11], Р. Хюсена [12] и других. Но среди трудов, посвященных истории княжеского рода Хачена, особое место занимает монография Б. Улубабяна «Княжество Хачена в X-XVI веках», в которой автор детально представляет пройденный путь Асан-Джалалянов, доведя до конца XVI в. Поэтому с целью избежания излишнего повторения здесь вкратце изложим родословие Асан-Джалалянов с начала XVII до начала XIX вв.

В конце XVI и начале XVII вв. владельцем гавара Хачен был старший сын Мехраб-бека Джалал III. Это были тяжелые и трудные времена. Армянская земля содрогалась от турецко-персидских войн, волны которых докатились и до Арцаха. Из материалов, повествующих об этих событиях, надо отметить и памятную запись Джалала III в Евангелии, являющемся собственностью рода Асан-Джалалянов, сделанную им по поводу возвращения Евангелия из пленения. Эта запись важна для нас также приведенными в ней именами: «Так, купил сие святое Евангелие из плена я, Джалал, сын великого Мехраб-бека [для благоденствия моего] и детей моих Паиндора и дочерей Кичихан и Салвар и всех моих кровных родственников и в память родителей моих. Я купил сие святое Евангелие [от неверных] на свои благоприобретенные средства в горькие и тяжелые времена, когда османцы завладели местностью, называемой Хачен, в царствование великого Джа-

лала и в бытность католикосом этой местности в святой обители Гандзасарской тер-Симавона... Было это в 1038 г. армянского летосчисления (1589)» [13].

Затем, как сообщает Аракел Даврижеци, среди армянских князей, отправившихся в 1603 г. к персидскому шаху Аббасу I (1587–1629) с просьбой спасти их от османского деспотизма, был также «Джалал-бек с племянниками из Хачена» [14]. Но надежды князей не оправдались. Одного деспота сменил другой. А осенью 1604 г. отступление персидской армии под натиском численно превосходящих турецких войск сопровождалось страшным насильственным переселением армян, которое в мрачных тонах представляют не только армянские, но и иностранные очевидцы [15].

В это время Джалал III оставил и вторую памятную запись, в которой уже нет ни одного слова ни об ожиданиях, связанных с приходом Шах-Аббаса, ни о последующем разочаровании. Он написал, что «является последним получателем святого Евангелия, он, парон Джалал-бек, сын Мехраб-бека, что заполучил святое Евангелие от неверных выкупом честным в память своей души и своих родителей – отца Мехраб-бека, матери Шахум-аги, покойных братьев своих парона Багдасар-бека, католикоса Ованеса, католикоса Григора и католикоса Давида – сына Багдасар-бека, покойных сыновей своих Баяндур-бека и Мехраб-бека, живущего-здравствующего сына Велиджан-бека. И супруги моей Бекум-аги. И дочерей своих Салвара, Гичихана, Махпара, Ханум-аги, аминь. Написано в году 1055 армянского летосчисления (1606)» [16]. Нетрудно заметить, что эта памятная запись содержит более полные сведения о семье князя Джалала, чем предыдущая. Интересно отметить, как представил митрополит Багдасар это звено в родовой цепочке Асан-Джалалянов: «Джалал-бек III – сын Мехраб-бека, родил Велиджан-бека и Агабека» [17].

Из сопоставления этого с памятными записями становится очевидным, что Джалал III не имел сына по имени Агабек, и в этом случае ошибается как митрополит Багдасар, так и все другие исследователи, придерживающиеся того же мнения [18]. А точными являются сведения епископа Месропа Тер-Мовсисяна, который

на основании изданных им же памятных записей пишет: «Парон Джалал имел трех сыновей, от которых двое мертвы (т. е. Баяндур-бек и Мехраб-бек. – А. М.), жив только Велиджан-бек» [19].

О Велиджан-беке сохранилось мало сведений. Известно только, что «Велиджан-бек II, сын Джалал-бека III, родил католикоса Григора II и Багдасар-бека II» [20].

Хорошо осведомленный в лапидарном наследии Арцаха М. Бархударянц пишет: «О Велиджан-беке II и о Багдасар-беке нигде нет надписей» [21]. Несравнимо больше сведений существует о католикосе Алуанка Григоре II. Сохранился как указ Шаха-Сефи (1629–1642) от 31 декабря 1634 г. о передаче Гандзасарского патриаршества Григору Асан-Джалаляну [22], так и указ Шах-Аббаса II (1642–1666) от 1652 г., которым повторно утверждены его католикосские права: «Григор католикос, придя в царский двор, имеющего величие небесного трона, – читаем в последнем указе, – попросил наше Царское Высочество своей подписью повторно утвердить католикосство своим именем. По тетради *аваредже* [23] и *товджиха* [24] подтвердили неизменность этой реальности. Поэтому мы, шахской нашей благосклонностью к честнейшему христианину католикосу Григору, по закону, присваиваем ему этот сан» [25]. Католикос Григор скончался в 1653 г. Его сменил усыновленный родом Асан-Джалалянов Петрос Ханцкеци [26], который был католикосом Гандзасара в 1653–1675 гг. [27].

А «от Багдасар-бека II – сына Велиджан-бека II и внука Джалал-бека III родились католикос Еремия, епископ Аристакес, Велиджан-бек III и Мулки-бек» [28]. В другом варианте родового списка митрополита Багдасара читаем: «Католикос Еремия получил ферман в 1086 году хиджры (1675/76) от второго персидского царя Шаха-Сефи в признание и подтверждение своих прав» [29].

Указ Шаха-Сулеймана от месяца сафар 1086 г. хиджры (27 апреля – 26 мая 1675 г.), утверждающий Еремию Асан-Джалаляна на католикосском троне Гандзасара, важен и в том смысле, что содержит сведения о предыдущих католикосах. В указе, в частности, читаем: «Духовный предводитель Хачена Еремия оповестил, что должность католикоса и [духовного] предводителя армян Карабаха и других [районов], согласно обязательным ра-

гамам, издревле наследственно передаваясь, досталась его дяде, католикосу Григору, однако, по причине малолетности его и других потомков, была передана его (Григора) ученику католикосу Петросу. Вышеупомянутый католикос Петрос скончался, однако при жизни назначил вышеупомянутого Еремию своим наследником и оставил записку, чтобы после своей смерти тот занял место духовного предводителя и католикоса [упомянутых районов] ... Поэтому с начала года зайца католикосство над армянами Гандзак – Карабаха и Ширван – Шамахи передали упомянутому католикосу Еремию» [30]. Впоследствии, после смерти шаха Сулеймана, новый правитель Ирана шах Султан-Хусейн (1694-1722) указом в месяце раджаб 1111 года хиджры (23 декабря 1699 г. – 22 января 1700 г.) снова утвердил его католикосские права, потому что «католикос Еремия оповестил, что католикосство армян этих магалов, как и во времена своих предков, так и указом пребывающего ныне в раю правителя присваивалось ему, которое, однако, не было утверждено благодатной подписью Нашего царского Величества» [31]. Католикос Еремия скончался в 1700 г., о чем свидетельствует его надгробная надпись:

«Сие есть могила католикоса Алуанка Еремии,

Который был из рода Джалал-Долы.

Год 1199 арм. летосчисления (1700)» [32].

Согласно митрополиту Багдасару, брат католикоса Еремии – Велиджан III – оставил двоих сыновей: Есаи и Ованеса [33]. Однако в усыпальнице у монастыря Гандзасар есть надгробный камень, который позволяет внести одно дополнение в родовой список митрополита:

«Сие есть могила сына Велиджана Айтина, брата католикоса Есаи.

Год 1170 армянского летосчисления (1721)» [34].

Исходя из этого, с уверенностью можем сказать, что Айтин был третьим сыном Велиджан-бека. Раффи пишет, что Велиджан-бек скончался в 1686 г. [35], однако в данном случае он ошибается. В действительности Велиджан-бек скончался в 1688 г., что доказывает надпись на его надгробии:

«Сие есть могила сына Багдасара Велиджана,
Брата католикоса Еремии.

Год 1137 армянского летосчисления (1688)» [36].

Его старший сын – католикос Гандзасара, историк и деятель армянского национально-освободительного движения Есаи Асан-Джалалян «получил три фермана от персидского царя – шаха Султана-Хусейна – два из них в 1111 году хиджры, а один в 1113 году хиджры о древности и назначении своего рода и самому себе» [37]. Один из этих ферманов – это указ шаха Султана-Хусейна от месяца шаввал 1111 г. хиджры (22 марта – 20 апреля 1700 г.), который обязывает местные власти Ширвана, Кахета и Карабаха оказать помощь в сборе церковных налогов от подвластных католикосу Алуанка ширванских армян. Указ издан в ответ на просьбу сына брата католикоса Еремии – вардапета Есаи [38]. Из этого указа можно сделать следующие выводы:

а) Католикос Еремия, по всей вероятности, был уже мертв, иначе Есаи не мог быть автором прошения.

б) Есаи хотя и выполнял функции католикоса, однако еще не был утвержден шахом в этой должности.

На самом деле католикосские права Есаи были утверждены указом шаха Султана-Хусейна в первом месяце джумады 1113 г. хиджры (4 октября – 3 ноября 1701 г.) [39].

При возникновении (с начала XVIII в.) армянского национально-освободительного движения «Есаи направил свой взор на север и оттуда ждал освобождения армян» [40]. Католикос Есаи скончался в 1728 г.

Младший брат католикоса Еремии – Мулки-бек имел двух сыновей: мелика Григора и мелика Алаверди. Мулки-бек скончался в 1716 г. «во время мора». Надгробная надпись на усыпальнице вблизи монастыря Гандзасар свидетельствует:

«Сие есть могила Мулки-бека, сына парон Багдасара, брата католикоса Еремии – отца Мелика-Григора. Шестого числа года 1165 арм. л. (1716) во время мора ушел к Всевышнему. Из рода Джалал-Долы» [41].

Его сыновья поочередно «указами и ферманами османского государства и персидского царя Надир-шаха, в 1126 (1714), 1131

(1718/19), 1141 (1728/29), 1148 (1735/36) годах хиджры, властвовали над народом гавара Хачен» [42]. Документы свидетельствуют, что в 1714-1728 гг. меликом Хачена был Григор. Его имя неоднократно встречается в переписке меликов Арцаха и Русского двора 1723-1728 гг. [43]. Так, в одном из текстов читаем: «Григор тоже из княжеского рода» [44]. Далее, согласно митрополиту Багдасару, «Мелик-Григор передал правление над гаваром Хачен своему брату Мелику-Алаверди, отказался от светской власти, был посвящен в священники и стал предводителем монастыря Гандзасар во времена владения османцев и персидского царя Надир-шаха» [45].

Однако один из хранящихся в Матенадаране документов свидетельствует, что после окончания военного владычества османцев в Арцахе мелик Григор опять приступил к исполнению своих меликских обязанностей. Этот документ – указ Надир-шаха от 1736 г., которым тот, удовлетворив просьбу мелика Григора, вывел селения Довшанлу и Габарту из подчинения правителя Барды и верил забиту мелика Егана из Дизака. Имея в виду важность этого указа в свете ряда интересующих нас вопросов, приводим его полностью:

«Сие есть грозный указ, чтобы забит малията магала Барды узнал: так как на днях лучший среди христиан мелик магала Хачен Мелик-Григор пожаловал в высочайший двор и доложил: так как *мутаваджехат* [46] данного магала полностью передан посыльным высочайшего оплота государства моего брата, сипахсалара Азербайджана Мухаммада Ибрагима, поэтому из селении и *мазрае* [47] этого магала – деревни Довшанлу и Габарту, малият которых передавался забитам Барды, после ознакомления с данным верховным указом, должны считаться выделенными из ихнего джама и никоим образом не вмешиваться, считая его *абваб-е джам* [48], переданного моему высокопоставленному брату.

Проситель Мелик-Григор, являясь подданным моего брата, так как осведомленный об этом забит Барды Али-Кули-бек, в докладной записке, приложенной к применению относительно налогообложения года зайца упомянутых селений, отметил: пусть запишет в налоговой книге и руководствуясь этим и строго следуя правоте, соберет малият.

Указываю, чтобы мелик Хачена Мелик-Григор малият магала Хачен считал отнесенном забиту Мелика-Егана, чтобы тот, заполучив это, передал *тахвильдару* [49] моего брата, чтобы последний малият деревень Довшанлу и Габарту, подобно другим деревням магала Хачен, считал отнесенным забиту Мелик-Егана. Поэтому, согласно данному решению, их малият совместно с малиятами других селений магала Хачен собрали и передали тахвильдару Мелик-Егана. Пусть это считают своей обязанностью.

Написан в месяце святого зикаада 1148 г. хиджры (14 марта – 13 апреля 1736 г.)» [50].

Из указа видно, что мелик Григор не только вернулся к исполнению своих меликских обязанностей, но и очевидно, что налоги всех меликств Арцаха собирались у мелика Егана из Дизака и через него передавались в шахскую казну. Трудно сказать – до какого времени правил Хаченом мелик Григор. Точно известно одно, что последнюю часть своей жизни он опять провел в монастыре. Как явствует из его надгробной надписи, посвященный в священники бывший мелик скончался в 1748 г.:

«Сие есть могила вардапета Григора,

Из рода Джалал-Долы.

В год 1197 армянского летосчисления (1748)» [51].

Меликская власть брата мелика Григора – мелика Алаверди утвердилась в январе 1729 г. указом предводителя вторгшихся в Арцах османцев Мустафа паши [52]. Мелик Алаверди был коварно убит в 1755 г. рукою Панах-хана, просочившегося в Арцах при попустительстве мелика Шахназара из Варанды. Тем самым был нанесен непоправимый удар по светской власти Асан-Джалалянов.

Затем «объявился некий Мелик-Мирзахан из села Хндзристан, который за услуги хану (организацию заговора против Мелика-Алаверди. – А. М.) и преданность ему стал меликом» [53]. Сказанное относится к ставленнику Панах-хана мелику Мирзахану Мелик-Мирзаханяну (скончался в 1777 г.), который причинил немало вреда преданным родине меликам Арцаха.

Мелик Алаверди Асан-Джалалян оставил двоих сыновей: епископа Есаи и Мелик-бека I. В Матенадаране хранится указ

Панах-хана от 1754 г., которым Мелик-бек назначается *векилом* (уполномоченным представителем) Хачена [54].

Указом сына Панаха – Ибрагим-хана от 1189 г. летосчисления хиджры (1775/76 гг.) [55] Мелик-бек назначается так же *забитом* [56] гавара Хачен, а другим указом того же хана от 1778 г., из-за старости Мелик-бека, векилство Хачена передается его сыну – Габриел-беку [57].

В письме видных особ Арцаха, направленном 10 мая 1784 г. из Гандзасара генералу П. Потемкину, Мелик-бек опять именуется как «векил края Хачен» [58]. Единственным объяснением этому может быть то, что власть хндзристанских Мелик-Мирзаханянов, навязанная населению Хачена шушинскими ханами, не признавалась ни Асан-Джалалянами, ни другими меликами, преданными Родине.

Мелик-бек оставил восьмерых сыновей: католикоса Ованеса, католикоса Саргиса, Габриел-бека, Даниел-бека, Мисаел-бека, Израел-бека, Джалал-бека и Алахкули-бека. Из его сыновей самым известным, пожалуй, был католикос Гандзасара в 1763-1786 гг. и деятель армянского национально-освободительного движения Ованес Асан-Джалалян, который после трехлетней борьбы с Израелом Джрабердци за овладение католикосским тронем Алуанка 25 декабря 1765 г. в Эчмиадзине Католикосом всех армян Симеоном Ереванци был посвящен в сан католикоса Гандзасара. Сохранилось любопытное заявление, составленное меликами и духовенством Арцаха от 5 февраля 1763 г. о признании именно Ованеса Асан-Джалаляна католикосом Гандзасара, в котором читаем: «Впредь нашим патриархом является католикос Ованес – племянник католикоса Есаи, который был нашим патриархом. Мы ничего общего не имеем с нечестивым Израелом. Отныне, если кто-то захочет видеть Израела католикосом – вардапет, епископ, поп или мирской, – да будет проклят и ответчиком перед Богом, святым тронем Гандзасара, и святой десницей Григориса» [59].

Симеон Ереванци о посвящении Ованеса Асан-Джалаляна пишет: «Мы повесили ему на шею святой крест, у пояса справа палицу [набедренник], дали в руку посох, произнесли [молитву]

«Храни господи» и торжественно вернули ему власть и почет. После этого он совершил обедню, как положено католикосу» [60].

Католикос Ованес стал достойным продолжателем дела Есаи Асан-Джалаляна. По его инициативе в начале 1780 гг. в Гандзасаре организовывались собрания армянских меликов и духовенства Арцаха и отправлялись прошения к русскому двору. Однако, как свидетельствует брат католикоса Ованеса Саргис Асан-Джалалян в прошении от 1800 г., направленном уполномоченному представителю российского императора в Грузии П. Коваленскому, «5-го ноября 1784 года, Ибрагим, местный хитрый хан, узнав об этом собрании, начал допрашивать брата моего католикоса Ованеса, упомянутых меликов и юзбаши (сотников), обвиняя, что он сам сплотил весь народ армянский против него, грозился убить его, пока не умертвил отравой, возвысив его к Богу» [61]. Католикос Ованес был убит в тюрьме Шуши в 1786 г., о чем свидетельствует надпись на его могиле в притворе Гандзасара:

«Сие есть могила католикоса Алуанка Ованеса,

Из рода Джалал-Долы.

Год 1235 армянского летосчисления (1786)» [62].

После убийства католикоса Ованеса Ибрагим-хан при посредничестве своей жены Бики-ханум [63] в 1787 г. освободил из тюрьмы брата Ованеса – Саргиса. Как раз в это время Ибрагим-хан пожелал построить мечеть на могиле патриарха Алуанка Шупхагишо, находящейся вблизи Байлакана. И несмотря на то, что епископ Саргис «старался препятствовать этому, хан довел до конца свое намерение, говоря: не важно, что это могила армянского католикоса, поскольку дело мое богоугодное» [64].

Саргису Асан-Джалаляну удалось избежать новой западни Ибрагим-хана, и в 1791 г. он убежал из Гандзасара, перебравшись в Гандзак к Джавад-хану. Здесь же «усилиями Джавад-хана и армянского князя Мелик-Меджлума был посвящен в католикосы в Гандзаке – Елизаветполе 17 декабря 1243 года армянского летосчисления (1794)» [65].

Католикос Саргис в Гандзаке остался до 1798 г. Затем по причине голода и эпидемии чумы, охвативших Арцах, с частью местного населения переселился в Грузию. «Последний грузинский

царь Георгий посредничал у Католикоса всех армян Гукаса, чтобы Саргис хотя бы был назначен духовным предводителем Ахпата. Гукас удовлетворил эту просьбу, направив Саргиса в Ахпат, но всего лишь в сане архиепископа. Затем, когда русские покорили ханства Гандзака и Карабаха, Саргис вернулся в Гандзасар и снова начал использовать католикосский титул и печать» [66].

После возвращения Саргиса Асан-Джалаляна в Арцах шушинский Мехти-Кули-хан, преследуя цель ослабить влияние Эчмиадзина в Арцахе, указом от месяца шаввал 1227 г. хиджры (10 октября – 6 ноября 1812 г.) [67] закрепил права католикоса Гандзасара за Саргисом. Однако «Нерсес Аштаракеци, после своего назначения епархиальным предводителем русскоподданного армянства в Закавказье, приступил к упразднению старинного Алуанкского католикосата. Переговоры Ефрема и Нерсеса по этому поводу с русским государством увенчались успехом, и в 1815 г. католикос Алуанка Саргис официально был объявлен лишь архиепископом или митрополитом Гандзасара или Карабаха» [68]. Митрополит Саргис Асан-Джалалян скончался 19 декабря 1828 г. [69].

Кончиной Саргиса Асан-Джалаляна была перевернута последняя страница истории Гандзасарского католикосата.

* * *

Теперь, воспользовавшись родовым списком митрополита Багдасара, посмотрим, что стало с братьями Ованеса и Саргиса Асан-Джалалянов и каких потомков оставили они. Если это родословие по части предков митрополита Багдасара в отдельных случаях нуждается в некоторых корректировках, то по части братьев отца и их сыновей предельно четко. Эту часть родового списка приводим полностью.

«А. Габриел-бек родил епископа Еремия и Григор-бека. Григор-бек родил Джалал-бека V и дочь Хоришах. Джалал-бек V родил Саргис-бека и дочь Мина-хатун.

Б. Мисаел-бек родил Апрес-бека и Аслан-бека. Апрес-бек родил Атабека III, Григор-бека и Джавад-бека. Атабек родил Мовсе-са и др. Григор-бек родил Иванэ и др.

Г. Джалал-бек родил Атабека, Арустам-бека и дочь Хоришах. Арустам-бек родил Есаи и др., которые живут в Болнисе.

Д. Алахкули-бек родил Арушан-бека и Джаангир-бека. Арушан-бек родил троих сыновей, которые живут в Болнисе».

И, наконец, «Даниел-бек родил митрополита Багдасара и Мелика-Алаверди II гавара Хачен» [70]. Его жену звали Рипсимэ.

Джалал-бек и отец митрополита Багдасара Даниел-бек в 1791 г. были убиты Ибрагим-ханом.

Как видно из списка, часть потомков Джалал-бека и Алахкули-бека в 1797-1798 гг., после переселения арцахского армянства, утвердились в Болнисе.

В приведенном родовом списке нет данных о потомках Израел-бека, для которых, наверное, была предусмотрена отсутствующая в списке буквенная нумерация «В». Однако в архивном варианте списка митрополита Багдасара о потомках Израел-бека имеется маленькая запись: «Покойный Израел имеет двух живых-здравствующих сыновей, один светский в Моздоке» [71]. В приложенной родовой цепи находим их имена: вардапет Овсеп и Геворг-бек. При этом последний имел сына по имени Иванэ [72]. У северной стены монастыря Гандзасар есть надгробный камень с надписью:

«Сие есть могила вардапета Овсеп,
Который был из рода великого князя Джалала,
Сын Израел-бека, год 1312 арм. летосчисления (1863),
От дома Арцахского» [73].

Мы уточнили также год рождения вардапета Овсеп. Сохранился составленный митрополитом Багдасаром 26 ноября 1838 г. список священнослужителей, живших в храмах и церквях Карабаха. Согласно этому списку, в том году вардапету Овсепу Асан-Джалаляну было 55 лет [74], т. е. он родился в 1783 г. Следовательно, светским сыном Израел-бека был проживавший в Моздоке Геворг-бек.

Как видно из вышеупомянутого родового списка, сыновья Мелик-бека оставили множество потомков, однако из его внуков более знаменитыми были сыновья сотника Даниел-бека – митрополит Багдасар и мелик Алаверди II. Последнему «согласно указу

последнего грузинского царя Георгия, в 1800 г. от Рождества Христова, правом собственности было вверено 69 родов хаченских переселенцев, обосновавшихся в селе Болнис гавара Сомхет» [75].

Впоследствии численность этих родов возросла за счет переселенцев из Арцаха в Грузию и хаченцев, прошедших через тяжелые испытания и оказавшихся под властью мелика Абова Мелик-Бегларяна из Гюлистана. В Матенадаране хранится извещение мелика Абова от 26 сентября 1802 г., которым феодальные права оказавшихся под его властью хаченцев он передает Саргису Асан-Джалалян. В извещении читаем:

«У меня – Мелик-Абова – было множество домов из Карабаха и из Еревана, над которыми до сегодняшнего дня у меня была власть. Но святейший вардапет Саргис появился и заявил, что хаченцы принадлежат ему, а мы изначально знали, что отец вардапета Саргиса и его род вели меликство магала Хачен. Поэтому, в это время благодаря благочестивому Петру Ивановичу Коваленскому и нашему старшему брату князю Мелик-Джумшуду, взял и сколько домов у меня было хаченцев, передал вардапету Саргису по своей воле и с удовлетворением, чтобы хозяйничал, и впредь я не имел к ним дело» [76]. Вот как раз эти хаченцы по призыву архиепископа Саргиса выбрали себе меликом Алаверди Асан-Джалаляна. Об этом есть интересные сведения в письме генерала П. Д. Цицианова от 2 марта 1805 г., адресованном главе армянской епархии в Грузии архиепископу Ованесу Гехардакиру («Копьеносцу»), в котором читаем: «Карабахские армяне хачинские поданным ко мне прошением жалуются, что переселясь они в Грузию жительствовавши начально в разных местах, а напоследок когда собрались около восьмидесяти семейств вместе, то архиерей Саркис призвав их к себе советовал по обычаям их избрать себе в мелики брата его Алавердия, с обещанием дать им за то лошадей, волов и две тысячи рублей денег, что они и зделали» [77].

Пусть нас не смущает то, что в письме генерала Цицианова мелик Алаверди предствляется как брат архиепископа Саргиса. Из родового списка митрополита Багдасара мы уже знаем, что архиепископ Саргис не имел брата по имени Алаверди и избранный мелик был сыном его брата Даниел-бека и братом того же

Багдасара. В этом вопросе митрополит Багдасар, естественно, не мог ошибаться. Эти документы доказывают, что хаченцы, переселившиеся в Грузию, имели там в лице мелика Алаверди своего мелика.

Мелик Алаверди скончался в 1827 г., оставив четырех сыновей: попа Еремия, вардапета Мовсеса, Абраам-бека и Овсеп-бека. С кончиной мелика Алаверди меликство рода Асан-Джалалянов завершилось. Вардапет Мовсес скончался в 1849 г., об этом свидетельствует надпись на надгробном камне под северной стеной Гандзасара:

«Сие есть могила крестоносного вардапета Мовсеса,
из рода Джалал-Долы,
сын Мелик-Алаверди
и брат крестоносного попа Еремии.
Год 1849» [78].

Согласно составленному митрополитом Багдасаром 30 ноября 1838 г. уже знакомому нам списку священнослужителей храмов и церквей Карабаха, вардапету Мовсесу Асан-Джалаляну в то время было 30 лет [79], то есть он родился в 1808 г.

Сын мелика Алаверди, священник Еремия, оставил после себя шестерых детей, в частности Вахтанга, Джалала, Шамира. Имена других митрополит не сообщает. Как свидетельствует надгробная надпись одной из могил, находящаяся на родовом кладбище Асан-Джалалянов, женой Джалал-бека была Акернан, скончавшаяся в 1899 г. в 68-летнем возрасте.

Абраам-бек имел двух сыновей: Мелик-бека и Алаверди-бека. Младший сын мелика Алаверди – Овсеп-бек тоже оставил двух сыновей: Велиджан-бека и Даниел-бека [80].

Другой сын Даниел-бека – митрополит Багдасар, родился 12 января 1775 г. в селе Гандзасар. Крещение и учебу он получил в монастыре Гандзасар. В 1796 г. в церкви Св. Ованес Гандзак от католикоса Саргиса получил сан саркавага, а в 1798 г. в той же церкви был посвящен в вардапеты. В наши цели не входит представить деятельность этого преданного родине священнослужителя (о нем в свое время опубликовал интересную статью известный армянский писатель Мурацан (Григор Тер-Ованнисянц)) [81]. Ис-

пользуя архивные материалы, представим только некоторые эпизоды его деятельности.

25 декабря 1828 г., после смерти митрополита Саргиса, видные арцахцы направили из Шуши петицию католикосу Ефрему, чтобы тот вместо скончавшегося архиепископа Саргиса митрополитом назначил епископа Багдасара: «Самым поклонным образом просим Ваше святейшество по нашей глубочайшей просьбе назначить в митрополитстве края нашего мудрого и достойного епископа Багдасара, на смену святейшего архиепископа Саргиса Асан-Джалаяна, как сына на смену отца» [82]. В 1830 г. католикос Ефрем его назначил митрополитом Арцаха.

Митрополит Багдасар со всем свойственным ему энтузиазмом приступил к изъятию церковных угодий у разных турецких беков и других непрошенных кочевников, которые, воспользовавшись долгим отсутствием меликов Арцаха и Саргиса Асан-Джалаяна, постепенно присвоили их. В Матенадаране хранится множество документов, свидетельствующих об этих тяжбах. Приведем только две выписки.

Так, своим предписанием от 24 мая 1833 г. комендант Карабаха майор Николай Рейтер запретил ведение незаконного посева на землях, принадлежащих монастырю Гандзасар, строго предупреждая, что «впредь ничего незаконно не делать, и если кто захочет провести сев на землях монастыря, это должно быть с согласия святейшего архиепископа Багдасара с четкой уплатой налога» [83]. А новый комендант Карабаха майор Баратов предписанием от 30 августа 1834 г. указал наибу Рустам-беку отвести подальше всех кочевников, расположившихся на землях, принадлежащих монастырю Гандзасар: «Святейший митрополит Багдасар в письме ко мне пишет, что из магала Колани из племени Колани Кярамлу пять семей зиму провели на местности Кузлак, принадлежащей монастырю, без согласия святейшего митрополита. По этому поводу приказываю вам убираться оттуда восвояси, и чтоб это больше не повторилось» [84]. Несложно догадаться, что могло случиться, если бы непрошенные кочевники не были выселены из этих мест. XX век полон таких примеров.

Другим знаменательным делом митрополита Багдасара было

освобождение «обширных поместий Хотаванка и других захваченных собственности от дочери Мехти-Кули-хана и других персидских беков» [85]. С осознанием проделанной работы он 1 февраля 1852 г. писал католикосу Нерсесу Аштаракеци: «Много монастырских поместий, захваченных ранее, с большими усилиями и выкупом я вернул обратно и дальше буду стараться постепенно все вернуть» [86]. В итоге митрополиту Багдасару удалось благодаря своей бурной деятельности вернуть большинство захваченных разными турецкими беками поместий, принадлежащих армянским храмам.

В 1836 г., когда утвердились консистории [87], Католикос всех армян Ованес Карбеци назначил его предводителем армянской епархии Арцаха, а в 1837 г. в качестве предводителя был утвержден в Шуши и продолжил свою патриотическую деятельность. Велики его заслуги также в вопросах строительства и организации школ и книгопечатания [88].

Учитывая плодотворную деятельность Багдасара Асан-Джалаляна, братья Лазаревы его избрали членом совета Лазаревского института. Об этом осведомляемся из письма братьев Лазаревых, адресованного митрополиту Багдасару 6 апреля 1843 г.: «Совещаясь с главным управителем института светлейшим графом Бенкендорфом, имея в виду его вечное процветание, мы привлекли многих видных представителей нашего народа и теперь, по его совету, желаем привлекать также некоторых достойнейших наших священнослужителей, в том числе и Вашего святейшества, так как вы достойны быть среди них за вашу полезнейшую деятельность в сане митрополита» [89].

Митрополит Багдасар развернул также значительную строительную и восстановительную деятельность. Сохранилось его воззвание от 27 мая 1850 г. к армянству Арцаха, в котором он просит материальной помощи для восстановления купола Гандзасара и монастыря Амарас: «В пору старости и болезни забота моя и раздумия, – читаем в письме, – о восстановлении купола святого монастыря Гандзасар и монастыря Амараса, во славу церкви святой и благословенному имени народа армянского, от родных сыновей нашей святой церкви» [90]. 2 июня того же года в письме,

адресованном католикосу Нерсесу Аштаракеци относительно необходимости получения поощрительного кондака от него, митрополит Багдасар так представляет бедственное состояние армянских святыниц: «Меня давно мучают мысли и раздумья о необходимости восстановления славных монастырей Алуанка – Гандзасара и Св. Григориса, что в Амарасе, купола которых полностью разрушены, дождевые потоки вливаются во внутрь святыниц и недалек тот день, когда они могут полностью разрушиться». Далее митрополит ставит в известность Нерсеса Аштаракеци о том, что благодаря помощи широких слоев населения он уже приступил к восстановительным работам: «Отправил в монастырь Гандзасара искусного архитектора, – пишет он, – который вначале подготовит важные материалы на латание крыши и начнет другие ремонтные работы. Затем начнем восстановительные работы монастыря Амарас, несмотря на нехватку средств» [91]. Только на восстановление купола Гандзасара митрополит Багдасар из своих личных средств и пожертвований населения потратил приблизительно 5000 рублей.

Стоит отметить, что седовласый старец считал своим долгом лично следить за восстановительными работами Гандзасара. Об этом он пишет 26 июля 1851 г. из Шуши католикосу Нерсесу Аштаракеци: «В мае месяце вышел из Шуши и пришел в монастырь Гандзасар, побывав там два месяца, и сегодня возвратился. Мое посещение святого монастыря имело цель убедиться лично о качестве восстановительных работ, хотя многие меня убеждали, что работы ведутся достойным образом, что купол отстраивается очень крепко и надежно. Вот я все видел своими глазами, мои сомнения рассеялись, так как все действительно сделано крепко и высокой искусностью и так будет продолжаться» [92].

Примечательно, что в другом письме к Нерсесу Аштаракеци, от 1 сентября 1848 г., митрополит Багдасар так представляет свое кредо: «Преданным церкви, как для народа, так и для святых церквей, которым целиком посвятили себя, обязаны непрерывно стараться и работать, чтобы содержать монастырь в роскошном состоянии». Так был предан своему любимому Гандзасару митрополит Багдасар. То же письмо продолжается следующими стро-

ками: «Старался всеми последними возможностями и усилиями, сколько угодий, садов, каменных карьеров, было захвачено турками, вернуть обратно – то силой, то приказом благословенного русского государства, то выплатой из личных сбережений» [93]. Эти строки наиболее точно характеризуют всю деятельность первого епархиального предводителя Арцаха. Жизнь митрополита Багдасара – это яркий пример глубочайшей преданности своей пастве.

Багдасар Асан-Джалалян скончался 27 июня 1854 г. и был похоронен в притворе монастыря Гандзасар, рядом с могилами двух братьев его отца – католикосами Ованесом и Саргисом. На его надгробном камне имеется следующая эпитафия:

«Это могила митрополита,
Великого архиепископа Багдасара,
Пастыря армян в доме Алуанка.
Из рода великого князя Джалала,
Владетеля Арцахской страны.

В июле 1303 года армянского летосчисления (1854)» [94].

Лучшим свидетельством древности рода Асан-Джалалянов, уходящего корнями в глубину веков, может быть послесловие архивного варианта родового списка митрополита Багдасара, чем и хочется завершить данный раздел: «Начиная со времен древних персидских царей и с последующих им царей, род Асан-Джалалянов получил от них 12 ферманов. Асан-Джалаляны имеют также указы от грузинского царя Ираклия II, имеют грамоту от грузинского патриарха Антона, от последнего грузинского царя Георгия, и от старых и новых ханов и бекларбеков, властвующих в этих краях, почти двадцать талаг о древности, утверждении, чести и достоинства рода Асан-Джалалянов, направленных и духовным особам и светским особам рода, начиная с 1438 г. христианского летосчисления по 1844 г. и 866 г. летосчисления хиджры (1461–1462) [95] по 1261 г. х. (1845)» [96].

Эти строки красноречиво описывают ту огромную роль, которую сыграли Асан-Джалаляны в жизни Восточного края Армении.

Использованные источники и литература. Примечания

1. *Орбели И.* Избранные труды. Ереван, 1963. С. 158; *Джалалянц С.* Путешествие в Великую Армению. Т. 1. Тифлис, 1842. С. 183; *Бархутарянц М.* Страна Алуанк и соседи. Арцах, Ереван, 1999. С. 250; Свод армянских надписей. Вып. V. Арцах / Составил С. Бархударян. Ереван, 1982. С. 38 (на арм. яз.).

2. Об этом см.: *Атабекян В.* История князя Асана-Джалала Дола, правителя, воина, святого // *Дарьял.* Владикавказ, 2009. № 4. С. 200-219.

3. *Улубабян Б.* Княжество Хачена в X-XVI вв. Ереван, 1975. С. 86 (на арм. яз.).

4. Об этой крепости см.: *Саркисян С.* Качахакаберд // *Вестник общественных наук.* 1990. № 1. С. 41-48 (на арм. яз.), где читаем: «Название крепости связано с преданием: в былые времена защитники крепости, не знавшие поражения и прославленные упорным сопротивлением, долгое время не имея воды и продовольствия, погибли, но не сдались врагу. А когда сороки и другие хищные птицы начали шумно кружить над крепостью, враг догадался, что его защитники погибли» (с. 41).

5. Матенадаран. Рук. № 8721. С. 2а – 2б; рук. № 9923. С. 2а.

6. *Джалалянц С.* Путешествие в Великую Армению. Т. 2. Тифлис, 1858. С. 352-353 (на арм. яз.).

7. *Раффи.* Тайна Карабаха. Собрание сочинений. Т. 12. Ереван, 1999. С. 118-126 (на арм. яз.).

8. *Топчян А.* Каталог собраний вардапета Хачика Дадяна. Ч. II. Вагаршапат, 1900. С. 37 (на арм. яз.). Теперь эти родовые списки хранятся в Национальном архиве Армении (НАА). Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. С. 16-26.

9. *Бархутарянц М.* История Алуанка. Т. 1. Вагаршапат, 1902. С. 141-143 (на арм. яз.).

10. *Алишан Г.* Арцах. Ереван, 1993. С. 64-67 (на арм. яз.).

11. *Киракосян Г.* Княжеский род Асан-Джалалянов в XV веке // *Вестник общественных наук.* 1969. № 5. С. 86-94 (на арм. яз.).

12. *Hewsen R.* The Meliks of Eastern Armenia // *Revue des*

Etudes Armeniennes. Paris, 1972. IX. Pp. 317-318; 1973-1974. X. Pp. 288-289, вкладыш.

13. Матенадаран. Рук. № 378, с. 7а; Орбели И. Указ. соч. С. 174; Генеральный каталог армянских рукописей Матенадарана имени Маштоца. Т. II. Ереван, 2004. С. 310 (на арм. яз.).

14. *Аракел Даврижеци*. Книга историй. М., 1973. С. 46-47.

15. Antoine de Gouvea. Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le Roi de Perse Chah Abbas contre les empereurs de Turquie Mahomet et Achmet son fils. Rouen, 1646. Pp. 341-363; арм. перевод см.: «Лума». Тифлис, 1899. Кн. 1. С. 204-219.

16. Матенадаран. Рук. № 5794. С. 207а; см. также: Месроп Тер-Мовсисян. Рукопись живописца Закарии и памятная запись о Давид-беке // Вестник научного института Армении. Кн. 1-2. 1921-1922. С. 132-133 (на арм. яз.).

17. *Раффи*. Собрание сочинений. Т. 12. С. 124; НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

18. См., например: Newsen R. указ. соч. // Revue des Etudes Armeniennes. X, вкладыш.

19. *Епископ Месроп*. Указ. Соч. С. 133.

20. *Раффи*. Собрание сочинений. Т. 12. С. 124; НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

21. *Бархударянц М.* История Алуанка. Т. 2. Тифлис, 1907. С. 34 (на арм. яз.).

22. Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. II. Ереван, 1959. С. 340; копию на русском см.: Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 241. Док. 200.

23. Аваредже – Старинный бухгалтерский термин. При Сефевидах так назывались те налоговые книги, в которых были подробно учтены налоги, получаемые с каждого податного объекта, согласно отдельным срокам их уплаты (там же. Вып. II. С. 437).

24. Товджих – Под этим термином понимается распределение, направление чего-либо в различные стороны. Это могло касаться как распределения общей суммы налогов отдельных налоговых объектов между райатами или отдельными хозяйствами данного объекта с указанием, кто из них сколько должен уплатить, так и

распределения права взимать эти суммы между военными и государственными чинами (см.: там же. Вып. II. С. 454-455).

25. Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. III. Ереван, 2005. Док. 1. С. 28; копию на русском см.: там же. Пап. 241. Док. 200.

26. *Мкртумян Л.* Гандзасарское патриаршество при католикосе Петросе Ханцкеци // Вестник общественных наук. 2000. № 1. С. 90 (на арм. яз.).

27. *Магальян А.* Хронологическая таблица католикосов Агванка (Гандзасара) // Историко-филологический журнал. 2008. № 3. С. 270 (на арм. яз.).

28. *Раффи.* Собрание сочинений. Т. 12. С. 124; ср. НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18, где отсутствует имя епископа Аристакеса. То, что они действительно имели брата по имени Аристакес, подтверждается надгробной надписью последнего: «Сия есть могила епископа Аристакеса, брата католикоса Еремии. Год 1133 арм. л. (1684)» (см.: Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 68).

29. НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18. Этот шах Сефи – тот же шах Сулейман (1666–1694). Современник Закария Агулеци об этом переименовании пишет, что в 1666 г. «1-го октября обнародовано во всей стране, что скончался Шах-Аббас и на престол вступил его старший сын Шах-Сефи... Имя царя было изменено, его назвали Шах-Сулейманом» (Закария Агулеци. Дневник. Ереван, 1938. С. 68; см. также: Абраамян А. Хронография Мартироса ди Аракела // Сборник научных материалов Матенадарана». № 1. 1941. С. 96, на арм. яз.; Босворт К. Мусульманские династии. М., 1971. С. 226).

30. Персидские документы Матенадарана. Вып. III. С. 103-104; копию на русском см.: Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 241. Док. 201.

31. Там же. С. 142.

32. *Бархутарянц М.* Страна Алуанк и соседи. Арцах. С. 252; Свод. V. Арцах. С. 65.

33. *Раффи.* Собрание сочинений. Т. 12. С. 125; НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

34. *Улубабян Б.* Гандзасар. Ереван, 1981. С. 162 (на арм. яз.).

35. *Раффи*. Меликства Хамсы. Собрание сочинений. Т. 9. Ереван, 1987. С. 427. Вероятно, ошибка Раффи исходит из ошибочного чтения надгробной надписи Велиджан-бека – вместо «1137» арм. л. (1688) – «1135» арм. л. (1686).
36. *Улубабян Б.* Гандзасар. С. 163.
37. НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
38. Персидские документы Матенадарана. Вып. III. С. 146-147.
39. Там же. С. 149-152.
40. *Иосаннисян А.* К вопросу о начале ориентации армян на Россию. Эчмиадзин, 1921. С. 57 (на арм. яз.); см. также: Арзуманян З. К вопросу оценки политической деятельности католикоса Есаи Асан-Джалаляна // Вестник общественных наук. 1979. № 5. С. 56 (на арм. яз.).
41. *Улубабян Б.* Гандзасар. С. 161-162.
42. НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
43. *Эзов Г.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 345, 356, 382, 442; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. II. Ч. II. Ереван, 1967. С. 27, 92, 188, 200, 287.
44. *Эзов Г.* Указ. соч. С. 345; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. II. Ч. II. Док. № 175. С. 27.
45. *Раффи*. Собрание сочинений. Т. 12. С. 125.
46. Мутаваджехат – Под этим термином подразумевались все те налоги, которые взимались наличными деньгами (см.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. I. Ереван, 1956. С. 228).
47. Мазрае – маленькое поселение, которое принадлежало основному селению.
48. Абваб-е джам – Это та форма учета налогов, когда все государственные налоги, взимаемые с данного податного объекта или отдельной сельской общины, подробно вычислялись и после занесения их в отдельные книги в денежном выражении суммировались в качестве общей налоговой обязанности данного объекта (см.: там же. Вып. II. С. 437).
49. Тахвилдар – взимающий налоги, реализующий.
50. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 26. Док. 188, ко-

пия; ср.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. IV. Ереван, 2008. Док. 12. С. 41-43.

51. *Бархутарянц М.* Страна Алуанк и соседи. Арцах. С. 253; Свод армянских надписей, V. Арцах. С. 68.

52. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 26. Док. 169, копия.

53. *Мирза Юсуф Нерсесов.* Правдивая история. Ереван, 2000. С. 43 (на арм. яз.).

54. Матенадаран, Католикосский архив, пап. 26, док. 205, копия.

55. Там же. Пап. 26. Док. 227, копия.

56. В XVII-XVIII веках «забитами» назывались откупщики государственных налогов, которые, заранее внеся определенную сумму в государственную казну, получали право взимания налогов с данного податного объекта (см.: Персидские документы Матенадарана. Вып. II. С. 443).

57. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 26. Док. 232, копия.

58. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Т. IV. Ереван, 1990. Док. № 200. С. 306.

59. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 240. Док. 5, оригинал.

60. *Симеон Ереванци.* Джембр. М., 1958. С. 159.

61. *Ахумян А.* Материалы национальной истории // Арарат. 1914. № 4. С. 375 (на арм. яз.).

62. *Бархутарянц М.* Указ. соч. С. 252; Свод армянских надписей, V. Арцах. С. 65.

63. Присоединение Восточной Армении к России. Сборник документов. Т. II. Ереван, 1978. Док. № 89. С. 124.

64. *Джалалянц С.* Католикосы Алуанка. Матенадаран. Рук. № 8066. С. 626.

65. *Шахатуянц О.* Описание соборной церкви Эчмиадзина и пяти Араратских провинций. Т. 2. Эчмиадзин, 1842. С. 348-349 (на арм. яз.).

66. *Ерицян Ал.* Католикосат всех армян и кавказские армяне в XIX веке. Ч. 1. Тифлис, 1894. С. 251 (на арм. яз.).

67. *Мкртумян Л.* Католикосат Алуанка (Гандзасара) в XVII-XIX вв. Ереван, 2006. С. 194 (на арм. яз.).
68. *Ерицян Ал.* Указ. соч. Ч. 1. С. 251-252.
69. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 62. Док. 19; или Документальные материалы из истории Армянской церкви. Кн. 9. Арцахская епархия Армянской Апостольской церкви. Ереван, 2001. С. 56 (на арм. яз.).
70. *Раффи.* Собрание сочинений. Т. 12. С. 125-126.
71. НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
72. Там же. Л. 22.
73. Свод армянских надписей, V. Арцах. С. 69.
74. Документальные материалы из истории Армянской церкви. Кн. 9. С. 71.
75. НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.
76. Матенадаран, Католикосский архив. Пап. 240. Док. 42, копия; см. там же. Док. 148; также: Мкртумян Л. Указ. соч., с. 239.
77. Архив Института истории НАН РА. Ф. Лео. Оп. 1. Д. 2; также: Матенадаран, Католикосский архив. Пап. 16. Док. 41; архив Ал. Ерицяна. Пап. 156. Док. 350б.
78. Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 69.
79. Документальные материалы из истории Армянской церкви. Кн. 9. С. 72.
80. *Раффи.* Собрание сочинений. Т. 12. С. 126.
81. *Тер-Ованнисянц Г.* Краткая биография митрополита Багдасара Асан-Джалалянца // Пордз. 1880. № 5. С. 131-164 (на арм. яз.).
82. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 243. Док. 186, оригинал.
83. Там же. Пап. 79. Док. 277; копию см. архив А. Абраамяна. Пап. 98. Док. 117.
84. Там же. Пап. 83. Док. 232; копию см. архив А. Абраамяна. Пап. 98. Док. 121.
85. *Тер-Ованнисянц Г.* Указ. соч. // Пордз. 1880. № 5. С. 159.
86. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 167. Док. 476, оригинал.
87. Консистория – в дореволюционной России учреждение

при епархиальном архиерее с церковно-административными и церковно-судебными функциями.

88. Об издательской деятельности Б. Асан-Джалаляна см.: Авакян С. Материалы из истории печати Карабаха досоветского периода. Ереван, 1969. С. 16-19; его же. История печати Карабаха. Ереван, 1989. С. 29-35; его же. Арцах как важнейший очаг армянской культуры. Ереван, 1991. С. 102-106 (на арм. яз.). Из опубликованных им книг отметим только историографический труд католикоса Есаи Асан-Джалаляна «История, или Воспоминания о различных событиях, происшедших в стране Алуанк» (Шуши, 1839, на арм. яз.).

89. Матенадаран. Архив Лазарянов. Пап. 125. Дело 30. Док. 68.

90. НАА. Ф. 332. Оп. 1. Дело 590. Л. 2.

91. Матенадаран. Католикосский архив. Пап. 151. Док. 16а; также док. 16б.

92. Там же. Пап. 113. Док. 586. Л. 5.

93. Там же. Л. 3.

94. Свод армянских надписей. V. Арцах. С. 65.

95. Речь идет об указе жены султана Джаханшаха Кара-Коюнлу – Бегум-хатун от 10-го дня месяца зикаада 866 г. хиджры (6 августа 1462 г.), выданном Гандзасарскому католикосу Ованесу, которым утверждаются его патриаршие права (см.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. I. Док. 3. С. 165-166). Копию на русском см.: Матенадаран, Католикосский архив. Пап. 241. Док. 197.

96. НАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 9. Л. 18.

Н. О. Малкарова
(г. Владикавказ, Россия)

ИСТОРИЯ РОДА МАЛКАРОВЫХ

Интерес к истории рода Малкаровых, живущих в Северной Осетии, заключается не только в том, что каждый представитель этой фамилии должен знать своих предков, но еще и в том, что она корнями своими уходит в Балкарию, что подтверждают многие источники.

В своем очерке балкарский историк М. К. Абаев пишет: «Начну с предания об образовании самого древнего общества «Малкар», переделанного, вероятно, для благозвучия, в русских официальных бумагах в Балкарское общество» [1].

Предание это повествует о том, что «однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в ущелье речки Черек один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения» и застал на одной поляне поселок из нескольких дворов. Малкару очень понравилось это место и он решил там остаться навсегда, переселившись на другой поляне со своим родом. Но через какое-то время в этой местности появляется неизвестный по имени Мисака и становится радушным гостем Малкаровых, «которых в то время было 9 братьев и единственная их сестра, которая ответила чужаку взаимностью на его чувства». Братья не согласились на брак сестры с чужаком. И тогда сестра усыпила их, а Мисака убил всех, женился на Малкаровой и завладел их имуществом.

Еще одно предание говорит о том, что когда в XIII веке Вели-

кий Тамерлан разгромил аланские войска, то оставшиеся в живых аланы из Маджар устремились в горы. Один из них, военачальник среднего звена по имени Малкар с останками своего войска остановился в горной местности, которая сегодня называется в честь него Малкар (Балкария). В течение года он построил крепость, развалины которой и сегодня еще существуют, и называют ее Малкар Кала.

Крепость Малкаровых. Кабардино-Балкария.

У Малкара рождается сын Тотуран. У Тотурана – сын Болат (Батакъ). Болат женился на девушке из Осетии по имени Озай. И у них родились 9 сыновей (Айдек, Аецц, Эуел, Алафа, Икъран, Беки, Эссен, Сеуюл, Эней) и дочь (Жюзжан).

И далее рассказ по содержанию перекликается с преданием, приведенным М. К. Абаевым, с некоторыми различиями, а именно: братья Малкаровы отказались выдавать сестру за Мисака и прогнали его. После очередного похода братья вернулись обесси-

левшими и больными. Мисака сумел их уговорить пустить его и помочь им. А потом он заколол их и женился на их сестре. Но по этой легенде два брата Малкаровых Эуел и Айдек выжили. Они-то и являются предками всех Малкаровых.

В социальных сетях А. Шомахова из Кабардино-Балкарии поделилась легендой, которую рассказывал ее прадед Малкаров Керим Якубович: «У Малкаровых было 6 братьев и одна сестра. Она полюбили парня из рода, с которым враждовали Малкаровы. Узнав об этом, братья запретили ей выходить за него замуж. Тогда она, сговорившись со своим любимым, напоила своих братьев крепким напитком «боза» [2], поднялась на башню в красном платье (как знак того, что братья пьяны и бессильны) и дала знак тем, кто уже был наготове. В кровавой схватке двух братьев Малкаровых убили. Один брат убил свою сестру. Трое братьев знали о том, что задумала их сестра, но не успели сказать остальным. Притворившись пьяными, они сделали вид, что заснули и были уверены до последнего, что сестра не посмеет осуществить задуманное. Но убедившись в обратном, они поняли, что совершили непоправимое и ушли. Один брат – в Баксанское ущелье, женился и остался там жить. Его потомки носят фамилию Малкаровы. Второй – в Кабарду. Третий – в Осетию, взяв в жены осетинку. Фамилию сохранил – Малкаровы. А четвертый остался на родине, где была убита его сестра».

Легенды, записанные многими историками и исследователями, говорят о том, что родоначальник Малкар человек пришлый, неизвестного происхождения, развивая потом тему, «кто он и откуда», так же как и Бадел и Басиат – основатели высшего сословия осетин и балкарцев.

А. Курданова (урожденная Малкарова) из Нальчика проделала большую работу по изучению рода Малкаровых, которую до сих пор продолжает. Генеалогическая таблица, составленная ею, подтверждает то, что все предания и легенды несут в себе ценное зерно, дающее правдивые «ростки» фамильного рода.

Ознакомившись с работами многих исследователей, становится очевидно, что многие «дигорские фамилии переселились из Азии (Балкарии) в юго-западную Дигорию и основали там поселения (Стур-Дигора, Куслу, Одола, Ахсаргин и т.д.)» [3].

Балкарцы и дигорцы с давних времен живут по соседству. Их связывают два ущелья по верховьям рек Черека и Уруха.

Как пишет балкарский исследователь Х. Х. Малкондуев, «дигорский язык в Балкарии сохранялся до XIII века», а до 70-х годов XX века балкарцы пользовались парным и десятичным дигорским счетом (дюгер санау). И далее: «Многие старики рассказывали, что их деды знали дигорский язык и могли исполнять на нем песни...» [4].

В подтверждение этому приведем рассказ участника «Дигорского форума» в социальных сетях, который описывает поездку с зарубежными гостями в Верхнюю Балкарию в 1975 г. Высоко в горах у небольшого села их встретил белобородый старик. Узнав, что предки молодого человека из Стур-Дигоры, старик рассказал: «Ассы (балкарцы) и дигорцы являются одним народом. И слыша это от предков, мы прожили до наших дней. В Азии и на землях кабардинцев раньше жили дигорцы, те, кого называли аланами. Но наступило такое время, что нас вытеснили с наших мест. И в основном это были наши соседи. Так как пришлых было больше, то мы смешались и потихоньку наш язык потерялся, поменялся. Тебе, наверное, покажется удивительным, что я разговариваю на дигорском. А я тебе скажу, что большая часть нашего села – есть дигорцы. Но я единственный, кто знает дигорский язык. Я и мой отец переходили в Стур-Дигору, а именно в с. Куслу. К тому же многие из моего села, а также из других сел переселились туда». Автор рассказа пишет в конце: «Я оказался бестолковым, что не поспрашивал старика про остальное. И не смог хорошо запомнить название того села, а также фамилию старика. Запомнил, что звали его Саруаз (Саруаз)» [5].

Как известно, Стур-Дигория в те времена состояла из нескольких селений, как то Ахсаргин, Дигора, Куслу, Одола и Моска, жители которых были подвластны феодалам Царгасата. «По свидетельству грузинского царевича Вахушти Багратиони, царгасата

именовались владетельными князьями Дигории. О происхождении рода Царгаса в Осетии сохранилось несколько любопытных преданий, которые сходятся в одном: Царгас пришел с юга и имел непосредственное отношение к роду владетельных князей Абхазии Шервашидзе. От трех сыновей Царгаса пошли фамилии царгасат – Карабугаевы, Кантемировы и Таймазовы [6].

В Центральном Госархиве РСО-А в «Посемейном списке с. Магометановское», составленном в 1886 году, присутствуют следующие семьи Малкаровых:

1. Малкаров Айтег Цараевич.

Брат – Ораз.

2. Малкаров Хамаза Абисалович.

Сын – Хакяса.

Братья – Елмурза, Бекмурза.

3. Малкаров Магомет Кинаевич.

Сыновья – Кубади, Пшемахо, Аслангирей.

Внуки (сыновья Кубади) – Хаджиумар и Хаджимет.

4. Малкаров Каурбек Кавдинович.

Сыновья – Хаджимет, Муха.

Братья – Мурзабек, Дзасар, Заурбек, Адильгерей [7].

Все они магометане сунниты, жили в деревянных домах, в хозяйстве имели рогатый скот, лошадей и баранту.

В настоящем материале приведены рассказы старших рода Малкаровых, живущих в Северной Осетии, предания, услышанные в своих семьях и переходившие из поколения в поколение.

Хотелось бы рассказать об одной ветке Малкаровых, которые ведут свое начало от дигорских царгасат Кантемировых. В семье Кургока Малкарова эта тема была запретной, видимо потому, что старшие чтили своих предков и не хотели разногласий среди Малкаровых.

История такова:

Предок этих Малкаровых – Цара, сын Кантемирова (со слов К. Цаголова его звали Хадо), который был женат на Дзадзаевой Асиат. Цара женился на Гагаговой Маказ (Магъкау) и у них родилось трое детей: Айтег (Ате), Ораз и дочь Хангуасса. Цара погибает (якобы на охоте), и молодую вдову с тремя детьми берет в

жены Малкаров (Абисал). Вот как описывает эту историю Рахман Малкаров, записанную его внуком: «В Осетии была семья Кантемировых – отец, мать и двое сыновей, которые в один из дней осиротели. Некоторое время спустя сюда переселился Малкаров, который женился на молодой вдове. У них родились общие дети, но при этом Малкаров с разрешения старших рода Кантемировых переписал детей на себя, сказав им о том, что когда они вырастут, он скажет, что они Кантемировы по крови. Что спустя годы и сделал. Но, так как Малкаров растил детей не отделяя от своих кровных, то они, естественно, относились к нему как к родному и фамилию свою не захотели вернуть.

Но при этом до сих пор нельзя Кантемировым жениться на Малкаровых» [8].

Со слов В. Малкарова: «По рассказам старших после гибели Цара родственники уговаривали вдову Маказ (Магкау) с детьми уехать с ними в Турцию, но она отказалась».

В.Д. Баликоева (урожденная Гатагова) по воспоминаниям своего брата Бекира Гатагова: «У Габо Гатагова была сестра Магкау (Маказ), которая вышла замуж за Малкарова. И все наши Гатаговы знали, что мы в близком родстве с Малкаровыми».

Все эти устные рассказы старших, записанные порой на пожелтевших листочках в разные годы, сейчас могут многое рассказать и подтвердить те или иные данные. Они гораздо лучше любого документа с печатью, потому что в те давние времена люди дорожили родственными связями и в каждой семье с детства знали о своих родственниках. И это передавалось из поколения в поколение.

Работая несколько лет над этой темой, нам удалось отыскать в Канадском архиве эмигрантов [9] внука Цара Кантемирова Муха Айтеговича Малкарова, который в 1913 году уехал в Америку на заработки. По базе данных списков пассажиров, прибывших в Америку [10], мы узнаем, что 30 марта 1913 г. М. Малкаров (Malkarov Mucha Antegov) прибыл в Америку на пароходе «Сэнт Паул» в порт Саутгэмптон.

Malkarov (Malkaroff), 1889, mohammeddan, Tersk, Vladikavkaz.
File №11832. Microfilm M-7659. Reference MG30 E406.

Из опросного листа №1731 1918 года, который заполнялся эмигрантами для возвращения на родину, мы узнаем, что крестьянин М. Малкаров 1889 г.р., по роду занятий – земледelec, не женат, магометанин, место рождения и прописки – с. Магометановское Владикавказского округа Терской области. Призывался на военную службу в 1911 году. Отец – Айтег, мать – Мина, проживают в с. Магометановском. Подданство его и родителей – русское. Родные братья – Дрис, Сосланбек и Зекре. В Канаде с 1913 г. Адрес: Vancouver UC, 342 ½ Powel St. [11].

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

Имя: Муха
 Фамилия: Малкаров
 Место рождения: с. Магометановское Владикавказского округа Терской области
 Год рождения: 1889 г.
 Место жительства в настоящее время: Канада
 Дата приезда: 1913 г.
 Место жительства до приезда: с. Магометановское

Опросный лист Муха Малкарова. 1918 г.

По приезде на родину в 1918 г. Муха вскоре женился. «На заработанные деньги построил в Чиколке небольшую лесопилку. Во времена репрессий в 1933 году Муха Атеевич был арестован и

приговорен СПО ООО ОГПУ. За отсутствием состава преступления дело было прекращено [12].

*Магомет
Кургокевич Малкаров*

Репрессированы были также Малкаров Кайсын Оразович и Малкаров Увраз (Ораз) Цараевич [13].

В первые же годы Великой Отечественной войны ушли на фронт: Рамазан Дрисович, Магомет Кургокевич, Костан Кургокевич, Кургок Оразович, Хушин Мухаевич. Рамазан вернулся с войны инвалидом, Костан пропал без вести. Магомет награжден 11 орденами и медалями, в том числе орден Красной Звезды, медаль за отвагу, орден Отечественной войны 1 степени, медаль «За Победу над Германией» в ВОВ 1941-1945 гг.

*Сидят слева направо: Кайсын и Тазе Малкаровы.
Начало 20-х годов.*

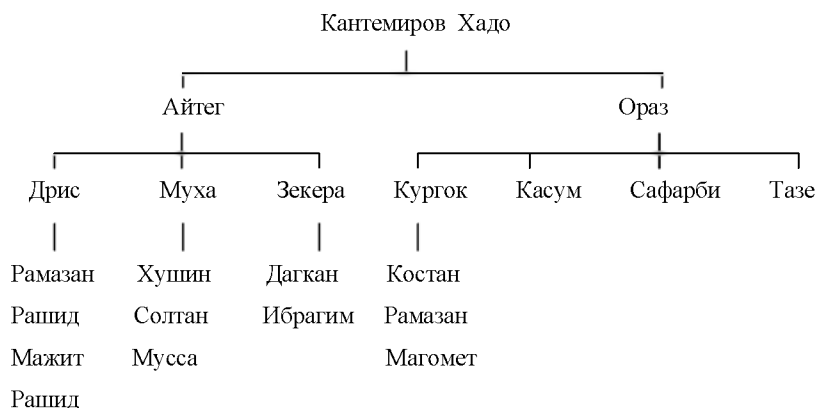

Кургок Оразович Малкаров с супругой.

Среди потомков этой фамилии есть люди, которые известны не только в Осетии, но и за ее пределами. Это Акоева (Малкарова) Фатима Кургоковна, заслуженный врач РСО-Алания, Малкаров Таймураз Мусаевич, федеральный судья г. Владикавказ, Малкарова Светлана Магометовна, кандидат социологических наук, заместитель генерального директора Коммуникационной группы «Корпорация Я» (г. Москва), почетный сенатор Штата Луизиана.

Все они с гордостью носят свою фамилию и всегда помнят, что они – Малкаровы.

Ведь важно и ценно одно – кто тебя вырастил, воспитал и дал дорогу в новую жизнь. Малкаровы дигорские не отделяют себя от балкарских однофамильцев. Наоборот, между ними всегда существовала и существует тесная и даже родственная связь. Не случайно они называют друг друга братьями.

Использованные источники и литература

1. *Абаев М. К.* Очерк об истории Балкарии // Мусульманин. Париж, 1909.
2. Древний балкарский напиток, пиво домашнего приготовления.
3. *Гецати А. А.* Происхождение фамилий Дигорского ущелья. Владикавказ, 1999.
4. Там же.
5. Сайт: <http://digoria.opk.ru/>
6. *Марзоев И. Т.* «Социальная структура дигорского феодального общества Северной Осетии в XVIII – нач. XX вв.» Доклад. Карачаевск-Теберда-Домбай, 2009.
7. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.90.
8. Записано Михаилом Малкаровым в 1999 г.
9. Электронная библиотека и архив Канады (Library and Archives).
10. New York, Passenger Arrival Lists (Ellis Island «1892-1924»).
11. Электронная библиотека и архив Канады. Li-Ra-Ma Collection.
12. Книга памяти РСО-А. Владикавказ.
13. Там же.

И. Т. Марзоев
(г. Владикавказ, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦАРГАСАТСКИХ ФАМИЛИЙ ПОТОМКОВ ДЗАНКАЛИЦА

Дзанкалицевы – древний осетинский княжеский род. Восходит к родоначальнику фамилии – Кабану Дзанкалицеву.

В Стур-Дигории вместе со своими подвластными жили феодалы – землевладельцы, известные под сословным названием «Царгасата», которое происходит от осетинского «царгас» (орел). По свидетельству грузинского царевича Вахушти Багратиони, царгасата именовались владетельными князьями Дигории [1].

Во время своего путешествия по Осетии известный российский ученый, академик А. М. Шёгрэн в своем дневнике 22 мая 1837 г. записал: «Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода Чергессата. Он рассказал, что его предки прежде жили у Черного моря. Оттуда переселились три брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя» [2].

По другому варианту, записанному в 1900 году в горном селении Куссу со слов царгасата Бекира Таймазова, Царгас пришел в Стур-Дигорию с юга, из Грузии. Происходил он из рода князей Шервашидзе [3].

К царгасатам относятся три основные фамилии – Карабугаевы, Таймазовы и Кантемировы. Самая многочисленная фамилия

Карабугаевых включает в себя ветви Айтеговых, Бегкиевых, Калицевых, Кулиевых, Куцуковых, Сосрановых и Текаевых, которые в начале XX в. преобразовались в самостоятельные фамилии.

В результате женитьбы Царгаса на представительнице рода Дзанкалица из с. Науаг-кау [4], позже фамилия Дзанкалицевых вошла в состав родственного объединения привилегированного сословия Дигорского общества Северной Осетии – царгасат. Потомками рода Дзанкалицевых считаются князья Зекеевы, Комеховы и Гатаговы, а также ветвь Гатаговых – Башилаевы.

Потомки Дзанкалица владели селением Науаг-кау в Стур-Дигории, являвшимся прародиной указанных трех фамилий. Их родовой усыпальницей был склеп в с. Науаг-кау.

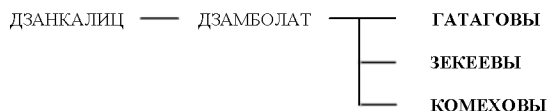
В сословном отношении они признавались равными прямым потомкам Царгаса и аристократии других осетинских обществ.

В одном из источников XIX века говорится, что «Царгасаты и Баделяты составляют высшее сословие или алдары. Алдары считают себя равными кабардинским князьям...» [5].

Грузинский царевич Вахушти Багратиони в своей работе «География Грузии» (сер. XVII в.) упоминает сословие царгасат под названием «Черкесидзе» в числе других высших феодальных сословий осетин. «Они знают фамилии, – пишет Вахушти, – и к превосходнейшим принадлежат овсы; овсы эти разделяются на следующие роды: Сидамони, Чахилидзе, Тагаури, Куртаули, Баделидзе, Черкесидзе, Басиани, и они считаются превосходнейшими из всех» [6].

Подобно баделятам, царгасата выполняли функции, обеспечивавшие безопасность подвластного им населения: давали знать о набегах врагов, следили за стадами крестьян, охраняли их от укуса вражескими племенами, осуществляли контроль над использованием пастбищ. Надзор за крестьянским скотом был особенно необходим во время перегона скота ранней весной с гор на равнинные земли, принадлежавшие кабардинским феодалам. За выполняемую службу царгасата получали вознаграждение, которое первоначально было добровольным. По прошествии некоторого времени царгасата стали сами устанавливать сроки уплаты и нормировать размер вознаграждения.

В 1859 г. в Комиссию для разбора сословных и поземельных прав туземцев Терской и Кубанской областей подали прошение, также называя себя царгасатами, потомки Дзанкалица в числе трех фамилий – Гатаговы, Комеховы и Дзанкалицевы (они же Зекеевы). В этих документах Гатаговы, Комеховы и Зекеевы представляются «Дигорскими Царгасатами», но первопредком указывают все же не Царгаса, а Дзанкалица.

В документах Комитета для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа за 1859 г. род Дзанкалицевых был представлен тремя семьями: братьев Асланбека, Мурзабека, Джанхота, Дзамбулата, Каирбека и Дзанкалица Зекеевых, Измаила Комехова с родными его братьями Каирбеком и Заурбеком, Мимболата Гатагова с его сыном.

Ветвью Гатаговых является фамилия Башилаевых или Башлоевых [7], выселившаяся в 1853 г. из Осетии в Кабарду, в аул Кайсына Анзорова, что нам известно из рапорта пристава дигорских народов штабс-капитана князя Америкджиби [8].

Потомки Дзанкалица наравне с царгасатами участвовали в общественной жизни своего общества, на что указывают многочисленные документы того времени. Простение представителей от привилегированных осетинских сословий *царгасат* и *гагуат* начальнику Терской области от 8 декабря 1887 г. «о скорейшем разрешении сословного вопроса среди горцев, чтобы они могли стать в определенные права, как по службе, так и в отношении гражданской жизни», подписал и представитель Дзанкалицевых – Мурзабек Зекеев [9].

Территория Стур-Дигорского общества была поделена между фамилиями царгасат следующим образом:

аул Стур-Дигора – Карабугаевы;

аул Ахсаргин – Сосрановы;
аул Одола – Куцуковы и Кулиевы;
аул Моска – Бегкиевы;
аул Къуссу – Таймазовы и Кантемировы;
аул Науаг-кау – Зекеевы, Гатаговы и Комеховы.

В 1864 году в горах и на равнине проживало 32 двора царгасат (118 душ обоего пола). После окончания Кавказской войны и в результате крестьянской реформы в Северной Осетии некоторые из царгасат переселились в Турцию [10]. Из потомков Дзанкалица Айдарук Башилович Башилаев вместе с семьёй эмигрировал в Турцию в 1858 г. В 1920 г. уехали в Турцию Хаджи-Омар Мурзабекович Зекеев (род. в 1872 г.), Черкес Мурзабековна Зекеева (род. в 1890 г.), Махарбек Мурзабекович Зекеев и Касполат Мимболатович Гатагов (род. в 1851 г.) [11].

Самыми известными представителями рода Дзанкалица являются:

Цопе Алкацович Зекеев – в «Семейном списке дигорским народам с означением в каком ауле кто заведует и сколько в какой деревне старшин, число дворов с различением могущих семейств и немогущих и названия деревням и какой аул за чьим аманатом состоит» от 12 июня 1847 г. указано, что в деревне Науаг-кау старшины Магомета Гатагова 10 семейств и состоят они за аманатом Карабугаевых. Вместе с Магометом Гатаговым значится Цопе Зекеев [12]. В 1850 г. в числе дигорских чиновников и старшин был представлен на встрече с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем [13].

Асланбек Цопеевич Зекеев (род. в 1835 г.) – в 1850 г. в числе дигорских чиновников и старшин, был представлен на встрече с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем [14]. Подал в Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа родословную своей ветви. В 1859 г. Комитет признал привилегированное происхождение дигорского царгасата А. Зекеева и его братьев [15]. Согласно «Списку членам бадилатских, царгасатских и гагуатских фамилий Дигорского общества» от 28 июня 1860 г., Асланбек с сыном Генардуком и малолетними братьями: Мурзабеком, Джанхотом, Дзамболатом,

Дзанкалицем и Каирбеком «по происхождению и поведению признаны со стороны депутатов от народа достойными» [16].

Значится в «Посемейном списке Дигорского участка» за 1864 г. как проживающий в ауле Синдзикау и имеющий кавдасардов одну душу мужского пола и одну женского [17].

Мурзабек Цопеевич Зекеев (род. в 1844 г.) – в числе представителей от привилегированных осетинских сословий царгасат и гагуат 8 декабря 1887 г. Мурзабек Зекеев подписал Прошение на имя начальника Терской области «о скорейшем разрешении сословного вопроса среди горцев, чтобы они могли стать в определенные права как по службе, так и в отношении строя гражданской жизни». В этом документе просители указывали, что «Собранными Терско-Кубанскою Сословною Комиссиею сведениями и данными, в числе других осетинских привилегированных сословий признаны сословия саргасат и гагуат, которым наравне с другими, Комиссия высказала мнение о предоставлении потомственного дворянства» [18].

Анзор Али-Мурзаевич Комехов – по данным первой переписи дигорского народа за 1847 г., в деревне Камболата Кабанова, состоящими за ним значилось 40 семей, в том числе старшины: Камболат Кабанов, Анзор Комехов и Камбулат Темирханов [19].

Измаил (Смайли) Анзорович Комехов (род. в 1828 г.) – согласно архивным документам, «Исмаил Комехов (из рода Джанкалишева) из Стур-Дигории переселился в сел. Анзорова, а его родственники Гатаговы остались в Стур-Дигории» [20]. «Приказом от 19 июля 1868 года жителю бывшего Кобанова аула Цаграсату Смайли Комехову было разрешено поселиться в ауле Кайсына Анзорова. При этом прилагался именной список семейства Комехова с «находящимися при нем не освобожденными еще холопами: Смаили – 40 лет, жена Гасагус – 30 лет, сыновья: Бяслан – 7, Али-мурза – 1,5 года, брат Смайли Заурбек – 35 лет и умершего брата Магомета дочери: Госабек – 13 лет, Диссагет – 10 лет». Кроме них в списке названы имена пятерых крепостных крестьян [21]. Впоследствии Биаслан (Беса) и Али-Мурза Комеховы вернулись в Осетию и жили в селении Хазнидон.

Подавал в Комитет для разбора личных и поземельных прав

горцев Военно-Осетинского округа родословную своей ветви. В 1859 г. Комитет признал привилегированное происхождение дигорского царгасата И. Комехова и его братьев [22]. Согласно «Списку членам бадилатских, царгасатских и гагуатских фамилий Дигорского общества» от 28 июня 1860 г., Измаил Комехов с братьями: Каирбеком и Заурбеком «по происхождению и поведению признаны со стороны депутатов от народа достойными» [23].

Смайли Комехов значится в «Посемейном списке Дигорского участка» за 1864 г., как проживающий в ауле Кабанова и имеющий кавдасардов одну душу женского пола [24].

Магомет Чепелеович Гатагов – в «Семейном списке дигорским народам с означением в каком ауле кто заведует и сколько в какой деревне старшин, число дворов с различием могущих семейств и немогущих и названия деревням и какой аул за чьим аманатом состоит» от 12 июня 1847 г. указано, что в деревне Науагкау старшины Магомета Гатагова 10 семейств и состоят они за аманатом Карабугаевых. Вместе с Магометом Гатаговым значится Цопе Зекеев [25].

Курман Магометович Гатагов – в 1850 г. в числе дигорских чиновников и старшин был представлен на встрече с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем [26]. Имел незаконнорожденного сына Ораза [27].

Мимболат Магометович Гатагов (род. в 1825 г.) – в числе дигорских чиновников и старшин в 1850 г. был представлен на встрече с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем [28].

Подал в Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа родословную своей ветви. В 1859 г. Комитет признал привилегированное происхождение дигорского царгасата М. Гатагова и его сына [29].

В том же 1859 г. переселился в Турцию, но вскоре вернулся обратно. Распоряжением Начальника Терской области Начальнику Осетинского округа от 18 сентября 1860 г. было разрешено «прибывшим без письменных видов из Турции, переселившимся туда бывших жителей вверенного Вам округа: Исмаила и Эльзарко Кубатиевых, Мимболата Гатагова и Сараби Кантемирова от-

править в Турцию пешим порядком, какой признается более соответствующим в настоящем случае» [30].

Согласно «Списку членам бадилатских, царгасатских и гагуатских фамилий Дигорского общества» от 28 июня 1860 г., Мимболат Гатагов с сыном Касполатом «по происхождению и поведению признаны со стороны депутатов от народа достойными» [31]. Мимболат Гатагов значится в «Посемейном списке Дигорского участка» за 1864 г. как проживающий в ауле Ногкау и имеющий кавдасардов три души мужского пола и две женского [32].

Хан-Гирей Аслан-Гиреевич Гатагов (род. в 1892 г.) – согласно Списку нижним чинам Осетинского конного полка, младший урядник Хан-Гирей Гатагов числился в I-й сотне [33]. 18 августа 1931 г. Крайполиттройкой был приговорен к 2-м годам ИТЛ [34].

Использованные источники и литература

1. *Скитский Б. В.* Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Грозный, 1947. С.95.

2. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн: Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С.105.

3. *Туганов М. С.* Предания о Дигории, гагуатах и астанта // Ираф. Владикавказ, 1996. № 2. С.144.

4. *Джанаев А. К.* Феодалное землепользование в Стыр-Дигории // Известия СОНИИ. Т.15. Вып. III. С.10.

5. Терские ведомости. 1870. № 48.

6. *Багратиони В.* География Грузии. Тифлис, 1904. С.143.

7. ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.559. Л.6.

8. Там же.

9. Материалы по истории Осетии. Т. III. Дзауджикау, 1950. С.213.

10. *Джанаев А. К.* Феодалное землепользование в Стыр-Дигории // Известия СОНИИ. 1948. Т. XV. С.6.

11. *Марзоев И. Т.* Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII – начале XX веков. Владикавказ, 2011. С.328.

12. *Мамхегов А. Б.* Первая перепись Дигорского народа // Архивы и общество. 2009. № 8. С.72.
13. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.2. Д.124. Л.5.
14. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.2. Д.124. Л.5.
15. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.11. Л.160-161.
16. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30. Л.18-27 об.
17. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.77. Л.149 об.
18. Материалы по истории Осетии. Т.3. Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904. Дзауджикау, 1950. С.213. Док. 120.
19. *Мамхегов А. Б.* Первая перепись Дигорского народа. Живущие на плоскости // Архивы и общество. 2009. № 9. С.60.
20. ГАКК. Ф.348. Оп.1. Д.8. Л.750.
21. *Бейтуганов С. Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998. С. 78-79.
22. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.11. Л.158-159.
23. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30. Л.18-27 об.
24. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.77. Л.143.
25. *Мамхегов А. Б.* Первая перепись Дигорского народа // Архивы и общество. 2009. № 8. С.72.
26. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.2. Д.124. Л.5.
27. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.69. Л.84.
28. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.2. Д.124. Л.5.
29. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.11. Л.156-157.
30. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.22. Л.5.
31. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30. Л.18-27 об.
32. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.77. Л.160.
33. ЦГА РСО-А. Ф.54. Оп.11. Д.62. Л.83.
34. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.1. Владикавказ, 1999. С.102.

М. Х. Тезиева
(г. Владикавказ, Россия)

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ПО ЛИНИИ ТАГАУРСКИХ АЛДАР ДУДАРОВЫХ

Моя бабушка по отцу (мать моего отца) Фариза Дударова – дочь тагаурского алдара Асламурзы Дударова. Ее биография классична для Дударовых: она родилась в Чми.

Прадеда своего Асламурзу я не помню, так как его не стало до моего появления на свет. Прабабушку Лези Кантемирову я тоже не застала в живых. Помню рассказы о том, что они были колоритной парой: он – сухопарый, стремительный, быстрый в движениях; она – статная, высокая, монументальная.

Лези Кантемирова по происхождению принадлежала к роду устур-дигорских феодалов царгасат (чергесат, черкезетов, они же Черкезидзе) Кантемировых. Она была из равнинного селения Текаевых – Текатикау (сейчас это селение называется Дзагепбарз). Интересно, что после смерти первой жены Кантемировой Асламурза взял в жены женщину из этого же села. А внук его (мой отец) женился на царгасатке Текаевой (хоть она и родилась в Ногкау Алагирского района, ее отец Паша Текаев был из Текатикау. Текатикау они покинули вынужденно во время революции).

Хорошо помню рассказы старших о том, как моя бабушка, беременная первенцем (моим отцом – Хазби Тезиевым, родившимся в 1930 году), носила в тюрьму передачи одновременно арестованным по ложному доносу отцу своему Асламурзе Дударову и свекру – Гадагко Тезиеву.

Деда моей бабушки (отца Асламурзы) звали Заурбек Дударов, а прадеда – Тасолтан Дударов. Дальше, в глубь родословной, к сожалению, не помню.

Итак, у Тасолтана Дударова было два сына – Заурбек и Осман. У Заурбека был сын Асламурза (мой прадед, дед моего отца), а у Османа – Амырхан (Мыха они его дома звали). Мыха был отцом трех дочерей: Дибы, Чабахан, Гого.

Дети Асламурзы – три дочери – Фаша (Афашэ), Фариза, Даска и два сына-близнеца – Заур и Зураб. Мальчики – близнецы умерли в детстве. У нас дома на Николаева, 44 (дом моего деда Джамбота Тезиева и моей бабушки Фаризы Дударовой в Грозном) хранились парадные черкески Заура и Зураба. Они умерли в возрасте семи лет. От малокровия умер один из них, а от другого это тщательно скрывали. Ему говорили, что брат уехал погостить к родственникам. Дети-односельчане рассказали ему правду и повели его на кладбище, где показали ему могилу брата, и он на ней – на этой родной могиле – умер от разрыва сердца.

История эта в детстве трогала меня до слез. С тех пор тема близнецов прочно вошла в мою жизнь. Они и сейчас стоят перед моим внутренним взором – эти рано ушедшие мальчики: Заур и Зураб.

Итак, Фариза Асламурзаевна – моя бабушка – вышла замуж за куртатинского таубия Джамбота (Джамбулата) Гадагкоевича Тезиева из селения Ногкау. Ее сестра Фаша – за куртатинского таубия Адиль-Гирея Темболатовича Цаликова из Ногкау. Третья сестра Даска была дважды замужем. Детей у нее не было. Второй ее супруг был азербайджанцем. Его фамилия была Зейналов.

У Джамбота и Фаризы было четверо детей: два сына – Хазби (мой отец, дома его звали Мурик, в переводе с осетинского «крошка») и Казбек (мой дядя, домашние звали его Алик); две дочери – Лариса (дома ее звали Ляля) и Светлана. Хазби женился на Фузе Текаевой, Алик (Казбек) не создал семью и умер рано. Лариса вышла замуж за Сослана Худзиева, Светлана – за Бориса Гуриева. Оба зятя были выходцами из алагирского (куртатинского) Ногкау.

В последнее время выходит очень много исследований о про-

исхождении тагаурских алдар Дударовых. На эту тему пишут как осетинские, так и ингушские, грузинские, армянские, азербайджанские авторы. К большому сожалению, все пишущие обходят молчанием две самые важные, на мой взгляд, струны этой темы:

1. Дударовы как ответвление Сидамоновых. Документальная часть этой темы прекрасно отражена в трудах Тогошвили.

2. Сидамоновы как ответвление массагетского (они же маску-ты, они же аугаси) рода Фрианы. Версия В.И. Абаева.

Так как я уже отчаялась прочитывать внятное и последовательное изложение фактов, приводимых Тогошвили и Абаевым, я взяла на себя смелость подготовить к следующему выпуску «Генеалогии народов Кавказа» статью на тему: «Дударовы как ответвление Сидамоновых, Сидамоновы как ответвление массагетского рода Фрианы».

А. А. Шумков
(г. Санкт-Петербург, Россия)

АСТРАХАНСКИЕ АРМЯНЕ КОТЕЛЬНИКОВЫ

Работа над поколенной росписью астраханских армян Котельниковых не преследовала никаких иных задач, кроме генеалогических и отчасти биографических. Первоначально разрабатывалось родословие только дворянской линии рода. В основу этой работы были положены материалы РГИА, ЦГИА СПб.; ЦГАМ, ЦХД до 1917 года и ГААО¹. Необходимую работу в ЦАМО проделал за меня москвич Александр Богинский. Однако под мягким давлением Р. М. Абрамяна, к которому я постоянно обращался за консультациями, родословная приобретала все более астраханскую, и все более национальную окраску. В том виде, что она приобрела,

¹ Все армянские фонды из ГААО еще в советские годы были переданы в Центральный государственный исторический архив Армянской ССР, ныне Национальный архив Армении (Ереван), были переданы из:

Армяно-григорианских церквей (в т.ч. Успенской соборной и Петропавловской);

Астраханского армянского общества (1774–1888 гг., 18 ед. хр.), содержащий ревизские сказки купцов 3-й гильдии Армянского общества, книги регистрации армян, прибывших на жительство в Астрахань, ведомость о количестве армян в Астрахани на 1814, именные списки членов общества, имевших право на участие в выборах;

Астраханского армянского суда (1754–1838 гг., 4236 ед. хр.), содержавший в т.ч. документы о причислении и исключении из общества, дела по опеке и разделе имущества.

Привлечь к работе эти фонды мы не сумели.

работа не могла бы состояться без помощи Рафаэла Михайловича, предоставившего свои материалы (в том числе в переводе с армянского языка), подсказывавшего все новые и новые направления, постоянно ведшего меня в малознакомой мне теме, и Самвела Мурадяна, указавшего на конкретные документы фонда Лазаревского института восточных языков, содержащие сведения о Котельниковых. Важные сведения о Сергее Артемьевиче Котельникове сообщил астраханский краевед Александр Сергеевич Марков. Он же познакомил меня с дочерью С. А. Котельникова Верой Сергеевной, которая рассказала о судьбе своего отца. О семье А. Н. Котельникова при его жизни я не успел, а потом установить связь с его потомками не удалось.

Всем коллегам выражаю свою искреннюю признательность.

* * *

Котельниковы принадлежали к армянскому (мещанскому) обществу города Астрахани, которое Высочайшей грамотой 28.10.1799 было исключено из числа подлежащих подушному обложению. Истории армянской общины в Астрахани на русском языке посвящены работы В. Хачатуряна «Астраханская армянская колония и русско-армянские отношения в XVIII в.» (Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1978. № 19) и Э. В. Кугрышевой «История армян в Астрахани» (Астрахань, 2007).

Дворянская страница истории рода Котельниковых началась с губернского секретаря Артемия Никитича, который по его состоянию в классных чинах указом Правительствующего Сената от 20.12.1827 за № 78569, последовавшего в Астраханскую казенную палату, был исключен из астраханского армянского общества. Определением Астраханского дворянского депутатского собрания от 19.7.1848 А. Н. Котельников, уже в чине коллежского асессора, по своим заслугам на гражданской службе был признан в правах потомственного дворянства и вместе с женой и детьми внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги Астраханской губернии. 28.9.1848 Астраханское дворянское депутатское собрание выдало просителю дворянскую грамоту за № 46, сыновьям копии с опре-

деления за № 39, 40, 41 и 42, а дочерям свидетельства за № 43, 44 и 45 [1 – л. 16–16 об., 19–22 об.; 10 – л. 14–22 об.]. Это определение было утверждено журнальным постановлением Правительствующего Сената 16.9.1852, о чем дано было знать в Астраханское дворянское депутатское собрание указом по Департаменту Герольдии от 24.11.1852 за № 10357 [1 – л. 35–41; 2; 10 – л. 29–30 об.].

1-е поколение

1. Мкртич/Никита Котельников.

Письмоводитель в одном из учреждений города Астрахани.

Умер до 1817.

Жена: *Румсима Папаев (н) а ..., по мужу Котельникова.*

Родилась около 1756 (в сказке 19.4.1817 была показана вдовой 60 лет от роду).

Жила при старшем сыне Якове [46 – л. 611].

2-е поколение

2/1. Марья Никитична Котельникова, по мужу ...

Родилась около 1776 (в сказке 19.4.1817 была показана вдовой 40 лет от роду).

Жила со своими сыновьями при брате Якове [46 – л. 611].

Муж: **Азарий.**

Умер до 1817.

Имели двух взрослых сыновей: Григория (род. ок. 1794) и Хачиния (род. ок. 1796). В 1817 были холосты, жили с матерью при родном дяде Якове Никитиче Котельникове [46 – л. 610 об.–611].

3/1. Яков Никитич Котельников.

Родился около 1778 (в сказке 19.4.1817 был показан 38 лет от роду) [46 – л. 610 об.].

Астраханский армянин. В 1817 был главой семейства, в котором числилась его мать вдова, вдовья сестра со своими детьми и два младших брата [46 – л. 610–611].

Жена: **Епроса Александровна ..., по мужу Котельникова.**

Родилась около 1788 (в сказке 19.4.1817 была показана 28 лет от роду) [46 – л. 611].

4/1. Арутюн/Артемий Никитич Котельников (1787–1859).

Родился около 1787 (в сказке 19.4.1817 был показан 29 лет от роду) [46 – л. 610 об.].

«...происходя из Астраханских Армян, пользующихся Всемилостивейшею Грамотою, данною здешнему Армянскому Обществу в 28 день Октября 1799 года, первоначально состоял записанным в числе Астраханских Армян по 7-й ревизии (1816) под № 718, а 8-й народной Переписи (1834) под № 1191 с отметкою в убылой графе, что 1819 года находится в гражданской службе; сын же его Назар Котельников не состоит во все записанным по вышеизложенным ревизиям и 2), что Астраханские Армяне, исключенные из Привилегии обложены подушным окладом с 1837 года; по этому чиновник Артемий Никитин Котельников, до поступления его на службу, ни сын его Назар... не состоят в подушном окладе сдешнего Армянского общества» [10 – л. 6 об.: *Свидетельство Астраханской городской думы от 8.3.1847 за № 802*].

После смерти отца вместе со своей семьей жил при старшем брате Якове [46 – л. 610 об.].

10.1.1819 вступил в службу в Армянский суд переводчиком. 10.1.1822 произведен в коллежские регистраторы, 10.1.1825 – в губернские секретари. По указу Правительствующего Сената от 20.12.1827 за № 78569 исключен из Астраханского армянского общества. 10.1.1828 произведен в коллежские секретари, 31.12.1833 – титулярные советники. В 1838 пожалован знаком отличия беспорочной службы за XV лет. Помимо занятий в Армянском суде выполнял обязанности переводчика при различных комиссиях и ревизиях: переводил бумаги, книги и документы в значительном количестве, а также командировался для перевода с армянского языка на русский изустных слов. 20.9.1841, по упразднению Армянского суда, переведен в Астраханское губернское правление. 22.8.1843 награжден знаком беспорочной службы за XX лет. За выслугу узаконенных лет включен в общий список представляемых к производству в следующий чин за 1845 (список при рапорте от 29.12.1845 был отправлен в Правительствующий Сенат). 30.4.1846 уволен от службы по собственному прошению по домашним обстоятельствам (аттестат от 31.5.1846). Высочай-

шим приказам по гражданской части произведен в коллежские ассессоры (со старшинством с 31.12.1843¹), что было сообщено указом Правительствующего Сената по Герольдии от 13.9.1846 за № 17479. Патент на чин коллежского ассессора за № 176 дан 13.6.1847 [1; 10].

В октябре 1848 подал прошение в правление Лазаревского института восточных языков о принятии в институт родственника его – *Азария Манвелова*. 20.1.1849 Котельникову было возвращено свидетельство о бедности Манвелова и сообщено, что последний зачислен кандидатом на вакансию [43 – л. 1–1 об.].

Состоял в должности кандидата депутата от дворянства Астраханской квартирной комиссии. 4.11.1853 был утвержден в этой должности. 27.11.1856 уволен от службы «по преклонным летам и болезненному состоянию, и в особенности от трясения рук». Согласившись с увольнением, Котельников просил «впредь до производства новых выборов, допустить к исправлению должности депутата Квартирной комиссии известного по благонадежности дворянина титулярного советника Ардалиона Аксютин» [9].

Умер в Астрахани в 1859 [3].

Жена: (Астрахань, армяно-григорианский Успенский собор 1.12.1813² [1; 10 – л. 5]) *Мария Григорьевна Пасоева (Пасаева, Посоева), по мужу Котельникова* (1801–1879).

Родилась около 1801 (в сказке 19.4.1817 была показана 15 лет от роду) [46 – л. 611]. Дочь астраханского армянина Григория Пасоева³. Армяно-григорианского вероисповедания [1 – л. 15].

За ней числился в Астрахани благоприобретенный деревянный дом в 1-м квартале, 3-й части, в котором и жила вся семья Котельниковых [1; 10].

Умерла в Астрахани в 1879 [3].

¹ Т.е. со дня представления к чину, состоявшегося до издания Манифеста 11.7.1845, по которому для получения дворянства на гражданской службе требовался уже более высокий чин.

² Венчаны священником Аветом Иоанновым, благословенным отцом был астраханский армянин Иван Малафеев.

³ В 1817 в Астраханском армянском обществе эта фамилия не числится [45].

5/1. Манук Мкртичевич/Матвей Никитич¹ Котельников.

Родился около 1794 (в сказке 19.4.1817 был показан 22 лет от роду).

В 1817 – холост, жил при брате Якове [46 – л. 610 об.].

В 1830 упоминается в списке московских армян.

Посемейный список от 24.2.1832: Астраханский из армян житель, принадлежит к армянскому обществу, записанный в оном по переписи 1795 года. Имеет в Астрахани дом, принадлежащий жене его Варваре Минеевой, доставшийся ей по купчей крепости, совершенной в Астраханской палате уголовного и гражданского суда 21.2.1831, от астраханской из армян жительницы Елизаветы Гавриловой, по мужу Вагановой, ценою в 3000 рублей. Жительство в означенном доме. Занимается торговлей холщовыми и бумажными товарами. В службах не бывал. Справка по табели оценочного сбора: значить дом Варвары Котельниковой 1-й части, 3-го квартала, под № 83, оценен в 1400 рублей, по переоценке 1831 оставлен в бывшей цене. Этот посемейный список Манук Котельников подписал по-армянски. Резолюция, подписанная городским головой и двумя гласными: Семейство армянина Манука Котельникова внести в обывательскую книгу с получением в доход города пяти рублей [70].

Астраханский мещанин (1847-1848) и купец (1850-1851) [24; 25; 26; 41; 42; 44]. Нигде не служил, пенсионом не пользовался [27 – л. 22].

Умер до августа 1854 [27 – л. 9].

Жена: *Варвара Минеевна Козмина, по мужу Котельникова* [27 – л. 24; 70].

Родилась около 1813. Дочь армянина Минся Артемьевича Козмина [70].

Астраханская жительница. По свидетельству 1865 из ее детей никто на казенный счет нигде не воспитывался; движимого и недвижимого имения за ней не имелось [27 – л. 22].

Умерла после 9.11.1870 [24; 25 – л. 37; 26].

¹ В метрическом свидетельстве о рождении его сына Григория ошибочно назван Никитой Матвеевичем [27 – л. 24].

*3-е поколение**6/3. Айрапет Яковлевич Котельников.*

Родился около 1807 (в сказке 19.4.1817 был показан 9 лет от роду) [46 – л. 610 об.].

7/3. Шушан Яковлевна Котельникова.

Родилась в 1811 (в сказке 19.4.1817 была показана 5 лет от роду) [46 – л. 611].

8/3. Варвара Яковлевна Котельникова.

Родилась в 1813 (в сказке 19.4.1817 была показана 3 лет от роду) [46 – л. 611].

9/3. Катерина (Екатерина) Яковлевна Котельникова.

Родилась в 1816 (в сказке 19.4.1817 была показана одного года от роду) [46 – л. 611].

10/4. Микиртум/Никита Артемьевич Котельников.

Родился в Астрахани 19.11.1814. Крещен в армяно-григорианском Успенском соборе. Восприемником был армянин Иван Малафеев [1; 10 – л. 4].

В государственной службе не состоял; в 1848 жил при отце. Смотритель Смоленского армянского кладбища в Санкт-Петербурге [19].

Умер в начале XX в., до 1910. Похоронен на Смоленском армянском кладбище [19].

11/4. Елизавета Артемьевна Котельникова.

Родилась в 1816 (в сказке 19.4.1817 была показана одного года от роду) [46 – л. 611].

12/4. Назарий (Назар) Артемьевич Котельников.

Родился в Астрахани 26.7.1818. Крещен в армяно-григорианском Успенском соборе. Восприемником при крещении был астраханский из армян житель Павел Иванов Малафеев [1 – л. 11 об.; 10 – л. 6].

6.2.1841 вступил в службу в Астраханское губернское правление канцелярским служителем. 25.11.1841 был определен регистратором 1-го отделения. 21.12.1843 получил из типографских сумм денежное вознаграждение за отлично усердную службу. 1.4.1845 по новому штату определен помощником регистратора правления [50].

По запросу правления Герольдия Правительствующего Сената 4.9.1847 вынесла определение о том, что Н. А. Котельникова по чину отца следует считать потомственным дворянином [1].

8.5.1849 произведен в коллежские регистраторы. Утвержден в должности регистратора. 18.3.1850 избран в члены Квартирной комиссии. 6.2.1852 произведен в губернские секретари, 28.2.1856 – в коллежские секретари. 6.8.1856 допущен к исправлению должности помощника старшего секретаря правления. 30.10.1856 утвержден в этой должности. С 22.11.1856 по 20.2.1857 исправлял должность правителя Астраханского губернского попечительства детских приютов. Получил темно-бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853–1856 годов. 28 апреля 1859 произведен в титулярные советники. В декабре 1860 избран дворянским депутатом Астраханского дворянского собрания на очередное трехлетие и 6.2.1861 утвержден в этой должности. Еще дважды избирался на эту должность (13.12.1863 и 28.2.1868). С 12.12.1864 по 16.12.1867 по выбору дворянства состоял кандидатом к Астраханскому и Красноярскому уездному предводителю дворянства. По новым, Высочайше утвержденным 8.6.1865, штатам губернских правлений определен помощником секретаря Астраханского губернского правления. С 24.7.1865 приступил к исполнению должности Астраханского и Красноярского уездного предводителя дворянства. Дважды временно исполнял должность Астраханского губернского предводителя дворянства. 7.7.1866 назначен членом Комиссии для приема государственных крестьян в ведение мирового учреждения. 1.3.1868 по прошению уволен от должности помощника секретаря губернского правления [50]. 4.3.1871 избран Черноярско-Енотаевским и Царевским уездным предводителем дворянства. 22.9.1871 пожалован орденом св. Владимира 4-й степени (по представлению Астраханского дворянского депутатского собрания [11]). С 4.9.1875 по 31.8.1878 и с 16.9.1881 по 1.12.1887 занимал ту же должность предводителя дворянства. 3.2.1885 пожалован орденом Св. Анны 2-й степени. 1.4.1890 награжден чином статского советника [5]. В 1891 в последний раз упоминается в должности Черноярско-Енотаевского и Царевского уездного предводителя дворянства [15].

Определением Астраханского дворянского депутатского собрания 24.9.1864 по его прошению были сопричислены к его роду жена, сын и дочери с записью в 3-ю часть дворянской родословной книги Астраханской губернии [3; 10 – л. 54–57].

Владел родовым имением, состоящим из четырех деревянных домов на одном дворе в 4-м участке города Астрахани и одним благоприобретенным двухэтажным каменным домом в 5-м городском участке [5; 50]. В 1885 жил в 5-м полицейском участке в доме Цыплаковой, в 1886 – на набережной Варварциевского канала (Канавы) в доме дворянки Пятовой [15].

Умер до 1910.

Жена: (Астрахань, армяно-григорианский Успенский собор 7.2.1854) *Мария Захаровна Черкезян/Черкезова, по мужу Котельникова* [10 – л. 43].

Дочь протоиерея Захария Черкезова.

Владела благоприобретенным деревянным домом в 5-м участке города Астрахани [50].

Умерла до 1910 [4].

13/4. Анна Артемьевна Котельникова.

Родилась в Астрахани 28.1.1821. Крещена в армяно-григорианском Успенском соборе. Восприемником был астраханский армянин Павел Малафеев [1; 10 – л. 5 об.].

14/4. Устинья Артемьевна Котельникова.

Родилась в Астрахани 31.3.1824. Крещена в армяно-григорианском Успенском соборе. Восприемником был астраханский армянин Артемий Малафеев [1; 10 – л. 5 об.].

15/4. Карпет/Герасим Артемьевич Котельников.

Родился в Астрахани 20.1.1829. Крещен того же числа в армяно-григорианском Успенском соборе. Восприемником был астраханский армянин Иван Малафеев [1; 10 – л. 5].

16/4. Ульяна Артемьевна Котельникова.

Родилась в Астрахани 17.10.1835. Крещена в армяно-григорианском Успенском соборе. Восприемником был астраханский армянин Артемий Малафеев [1; 10 – л. 5 об.].

17/4. Иоаким (Аким) Артемьевич Котельников.

Родился в Астрахани 20.8.1840. Крещен в армяно-григориан-

ском Успенском соборе. Восприемником был астраханский армянин Павел Малафеев [1; 10 – л. 5 об.].

Канцелярский служитель Астраханского губернского правления. 17.12.1860 был представлен к производству в первый классный чин (коллежский регистратор) [10 – л. 36].

В 1874–1876 – помощник секретаря канцелярии Астраханского губернского присутствия. В 1877–1880 – делопроизводитель 5-го стола того же присутствия. Коллежский асессор (1877–1878), надворный советник (1879–1880) [15].

17-а/5. Акси́нья Мануковна Котельникова.

Родилась в июне 1831 [70].

18/5. Рипсимия Мануковна Котельникова, по мужу Богосова/Погосова.

Муж: (7/8.2.1852) **Мкртич Гевондович Погосов/Никита Леонтьевич Богосов** [54 – л. 20, 42; 55 – л. 11–14].

Родился в 1812–1815 (в 1857 был показан 44 лет от роду, 1859 – 47 лет, в 1860 – 45 лет).

Из светского звания. Обучался в Астраханском армянском духовном училище. С 1826 – церковнослужитель. В 1838 посвящен в стихарь и дьячка. 25.11.1842 определен учителем в Астраханскую армянскую семинарию. В 1846 посвящен в иподиакона. 25.10.1850 уволен из Астраханской епархии и переведен в Ново-Нахичеванскую и Бессарабскую. С 22.11.1856 диакон при Санкт-Петербургских армянских церквях. В 1860 переведен в Москву, в это время детей мужского пола не имел. В 1865 вновь в Санкт-Петербурге в том же сане. Вместе с архимандритом Ефремом Суворовым 30.4.1865 отправлен был в Москву для погребения умершего протоиерея и кавалера Моисея Аламханьянца [52 – л. 3–3 об.; 53 – л. 14 об.–15, 29–29 об., 30–31, 32; 56 – л. 15: документ на арм. яз.; 57 – л. 3; 58 – л. 5, 7 об.–8; 59 – л. 1–2].

19/5. Иван Матвеевич Котельников.

Родился около 1839 [42 – л. 14 об.–15; 44 – л. 36 об.–37].

Астраханский армянин. Армяно-григорианского вероисповедания, из мещан (в 1847), из купцов (в 1850), из Москвы.

С 1847 обучался в Лазаревском институте восточных языков. В 1850/1851 академическом году – бесплатно приходящий ученик

[42 – л. 14 об. – 15; 44 – л. 36 об. – 37]. В списках Института значился – Котельников 1-й. В 1862, по окончании VI класса, был уволен с аттестатом 4-го разряда [34 – л. 6 об., 23 об., 50 об.; 35 – л. 10 об. – 11].

Губернский секретарь. 23.6.1879 в Ростове-на-Дону выступал восприемником от купели при крещении своего племянника Вячеслава Григорьевича Котельникова, родившегося 17.6.1879 [49 – л. 8; 51 – л. 3].

20/5. Ованес Манукович (Манукян).

Умер в Москве 18.3.1866. 20.3. погребен на Армянском Ваганьковском кладбище [25 – л. 37; 28 – л. 19: *Справка, данная по запросу и.д. временного судебного следователя при Санкт-Петербургском окружном суде г. Котельникову – т.е. родному брату Григорию*].

21/5. Григорий Матвеевич Котельников.

Родился в Москве 19.3.1844. Крещен 20.3.1844 (запись сделана в метрической книге Московского армянского духовного управления). Восприемником при крещении был астраханский житель Никита Артемьевич Котельников (№ 10) [27 – л. 9; 38].

Из купеческих детей, армяно-григорианского вероисповедания [47 – л. 26 – 26 об.]. В метрическом свидетельстве о рождении и крещении сыновей в 1879 и 1882 назван православным [47 – л. 25; 51 – л. 3].

15.9.1854 зачислен в подготовительное отделение малолетнего Ивана Лазарева Лазаревского института восточных языков, «из Астрахани» [32 – л. 4 об. – 5]. Лазаревский стипендиат [31 – л. 3 об.; 33 – л. 25 об.]. В списках Института значился – Котельников 2-й. В 1862, по окончании III класса, был переведен в следующий [34 – л. 26 об., 47 об.; 35 – л. 7 об., 14].

В 1860 показан в списке исповедовавшихся и причащавшихся в Москве [38 – документ на арм. яз.].

Окончил курс Имп. Московского университета по юридическому факультету. 30.6.1870 определен в Санкт-Петербургский окружной суд канцелярским чиновником. 24.8.1870 Советом Имп. Московского университета утвержден в звании действительного студента. 16.9.1870 определен кандидатом на судебные должно-

сти при том же суде. 21.1.1871 командирован для производства следствий, возникших до 17.5.1866. 8.4.1871 поручено исполнять должность следователя 2-го участка Царскосельского уезда. 25.5.1871 назначен помощником секретаря суда. 16.12.1871 утвержден в чине губернского секретаря. 6.9.1873 назначен исправляющим должность следователя 2-го участка Шавельского уезда Ковенской губернии [47 – л. 26–26 об.; 49 – л. 12–12 об.].

Жена: *Матрона Афанасьевна ...*, по мужу *Котельникова*.

Православного вероисповедания [47; 51].

22/5. Мнацакан/Миней Матвеевич Котельников.

Родился в Москве 16.3.1846. Крещен 25.3.1846 в армянской Кресто-Воздвиженской церкви. Восприемником при крещении был из армян астраханский житель Семен Сергеев [26 – л. 24].

В январе 1858 поступил на гимназическое отделение Лазаревского института восточных языков, «своекоштный из армян» [31 – л. 3]. В 1864 – стипендиат Духовного отделения («из Астрахани, из граждан») [36 – л. 8 об., 10 об.]. Окончил полный гимназический курс в 1865 с аттестатом 3-го разряда [37 – л. 13 об.].

В 1865 жил в Москве по адресу: Яузская часть, 2-й квартал, Введенский переулок, дом купца Смирнова [26 – л. 21]. 15.10.1865 получил от Московского армяно-григорианского духовного правления свидетельство о бедности, из которого следовало, что «по своему бедному состоянию, действительно не может вносить определенной за право слушания лекций суммы» [26 – л. 22]. Не для предоставления ли в Имп. Московский университет дано это свидетельство? Принимая во внимание его последующую службу, он должен был бы окончить курс юридического факультета.

Присяжный поверенный.

Умер в 1901.

23/5. Никита Матвеевич Котельников.

Астраханский житель [27 – л. 9].

24/5. Роза Матвеевна Котельникова.

«Дочь бедного Астраханского армянина». С 1 ноября 1848 обучалась в Пансионе Герца на счет Касперовского приюта для призрения бедных армян в Москве [41 – л. 43–43 об.].

25/5. Мариам Матвеевна Котельникова.

Родилась около 1852 (в списке исповедовавшихся и причащавшихся в Москве в 1860 была показана 8 лет от роду) [38 – документ на арм. яз.].

4-е поколение**26/12. Рипсимия/Ксения Назарьевна, в браке Попова.**

Родилась в Астрахани 29.5.1855. Крещена 5.6. того же года в армяно-григорианской Успенской соборной церкви. Восприемником при крещении был ставропольский 1-й гильдии купец Сергей Григорьевич Придонов [10 – л. 46].

Определением Астраханского дворянского депутатского собрания 24.9.1864 сопричислена к роду отца с записью в 3-ю часть дворянской родословной книги Астраханской губернии [3; 10].

Умерла до 1910.

Муж: Никита Герасимович П о п о в.

Родился в Астрахани 17.1.1835. Крещен в армяно-григорианской Успенской соборной церкви. Сын окончившего курс Московской коммерческой практической академии, содержателя частной школы в Астрахани (1830–1838), учителя и штатного смотрителя Астраханского армянского Агабабовского училища титулярного советника и кавалера ордена Св. Станислава 3-й степени Герасима Ивановича Попова (ок. 1797–1827) и Анны Ивановны, урожденной (?) Ивановой. Армяно-григорианского вероисповедания. Из потомственных дворян Астраханской губернии (утверждены указом Временного Присутствия Герольдии Правительствующего Сената от 4.10.1846 за № 18925) [64 – С. V-123–127; РГАИ. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 5268].

Их единственная дочь Елизавета, воспитывавшаяся у своей тетки, Екатерины Назарьевны Котельниковой, была замужем за Аршаком Никитичем Левханьянцем [19; 64 – С. V-123, 128]. В 1899 он окончил курс наук Астраханской I гимназии. Юридический факультет Имп. Московского университета [22]. Помощник присяжного поверенного, затем присяжный поверенный [15]. Избран и 19.3.1918 утвержден Астраханским губернским исполкомом местным судьей в гор. Астрахани [65]. 3.4.1918 утвержден

мировым судьей в гор. Астрахани [66]. 26.5.1923 зачислен в члены Астраханской коллегии защитников [60]. Они оставили шесть детей [64 – С. V-123].

27/12. Арутюн Назарьян Котельникян (Котельникянци)/Артемий Назарьевич Котельников (1859–1910).

Родился в Астрахани 23.5.1859. Был крещен на следующий день в армяно-григорианской Успенской соборной церкви. Восприемником при крещении был тифлисский гражданин Сергей Григорьевич Придонов [10 – л. 44].

Определением Астраханского дворянского депутатского собрания от 24.9.1864 сопричислен к роду потомственных дворян Котельниковых с записью в 3-ю часть дворянской родословной книги Астраханской губернии (свидетельство от 12.1.1865) [6 – л. 5–5 об.; 10 – л. 58–59 об.].

Восемь лет воспитывался в Астраханской I гимназии (аттестат от 18.6.1879 за № 283). В 1879 поступил на медицинский факультет Имп. университета св. Владимира. 29.9.1879 подал прошение («будучи вынужден силою обстоятельств поселиться в Москве») о переводе его на 1-й курс медицинского факультета Имп. Московского университета. По прошению от 12.4.1880 покинул университет до переводных на 2-й курс экзаменов (свидетельство от 16.4.1880 за № 410 и повторное, после утери первого – от 24.10.1880 за № 3196) [6; 50]. В 1880 поступил на естественное отделение физико-математического факультета Имп. Санкт-Петербургского университета. В 1882 по прошению был переведен на I курс юридического факультета. По прошествии двух академических лет был отчислен со II курса (увольнительное свидетельство от 3.11.1884 за № 18459)¹ [6].

В 1890–1891 секретарь канцелярии Астраханского гражданского губернатора, коллежский регистратор (1890–1893). Почетный блюститель VIII-го мужского (армянского) приходского

¹ «Был исключен за чтение запрещенной литературы. Некоторое время провёл в Париже» [12]. Официально причиной отчисления стало пребывание на одном курсе одного факультета двух полных академических годов и непрохождение экзаменационных испытаний. Многие студенты в этом случае для избегания отчисления переводились на другой факультет, что почти всегда разрешалось.

училища при армяно-григорианской церкви святых Апостолов Петра и Павла, член комитета Общественной библиотеки (1891). Почетный блюститель Агабабовского училища (1893) [15]. По его инициативе и его руководством в 1891 была проведена первая в Астрахани однодневная перепись населения. За труды по Первой Всероссийской переписи населения, по астраханским материалам которой опубликовал брошюру, был награжден бронзовой медалью¹ [12 – С. 198–199]. Служащий Центрального статистического комитета М. В. Д. в Санкт-Петербурге. Младший редактор, заведующий разметочным отделением. Титулярный советник. Отставной коллежский ассессор.

Вместе с ординарным профессором Имп. Санкт-Петербургского университета Л. В. Ходским (1854–1919) учредил издательство и газету «Наша жизнь», а также открыл книжный магазин под этим названием (Санкт-Петербург, Усачев пер., 10). Первый номер вышел 6.11.1904. Закрыта газета была постановлением Санкт-Петербургской судебной палаты от 17.8.1906² (совладельцем магазина и издательства оставался до своей смерти). С начала 1908 – издатель-редактор газеты «Наш день», издатель журнала «Запросы жизни» (1909–1910). В 1910 начал издавать в Санкт-Петербурге еженедельный журнал «Жизнь Кавказа» (первый номер вышел 15 января). Вместе с Гейером и Морковиным в 1910 начал издание «Ежегодника газетного и журнального дела» (из-за скорой смерти Котельникова вышел только один выпуск). Автор ряда работ по социологии [*Бахчинян А. По происхождению – армянин. Ереван, 1993 (на арм. яз.). Сообщено Р. М. Абрамяном*].

Член Петровского общества исследователей Астраханского края [14].

Наследовал от отца двухэтажный каменный дом в Астрахани, в 5-м городском участке.

¹ Ныне хранится в коллекции А. С. Маркова.

² *Гольдштейн М. Л.* Печать перед судом: Речи по делам «Руси», «Нашей жизни» и «Сына Отечества». СПб., 1906. Причиной закрытия газеты послужило опубликование в декабре 1905 года «Манифеста Совета рабочих депутатов» и статьи А. И. Куприна о подавлении в Севастополе восстания на крейсере «Очаков».

Жил в Петербурге по адресам: Разъезжая ул., д. 20, кв. 31 и Мытнинская ул., д. 8 (где и умер).

Умер в Санкт-Петербурге в ночь на 7 июня 1910 [14; 67; 68: «Убитые горем жена, сестра и дети извещают родных и знакомых о скоропостижной кончине Артемия Назаровича Котельникова...»]. Панихида состоялась 8 июня, в 8 часов вечера. 9 июня, в среду, в 11 часов утра похоронен на Смоленском армянском кладбище [68].

ИЗ НЕКРОЛОГА: «Имя А. Н. Котельникова связано с бурными годами тревожной и напряженной борьбы. В передовых рядах всегда можно было встретить этого удивительно энергичного, на редкость трудолюбивого работника печати. Он умер от паралича сердца, вероятно, потому, что он был, прежде всего, и больше всего человеком сердца».

Жена: (Астрахань, армяно-григорианская Петропавловская церковь 25.10.1893) *Екатерина Газарян (Газаросян) Э з и я н ц/Екатерина Лазаревна Э з о в а* [10 – л. 63; 48 – л. 5].

Родилась в 1869. Дочь астраханского купца Газара/Лазаря Давидовича Эзова [10] и Марии Егоровны, урожденной Курдовой [64 – С. V-62], внучка астраханского армянина Давида Лазаревича Эзова и Василисы Богдановны [46 – л. 241–242].

Определением Астраханского дворянского депутатского собрания в 1894 была сопричислена к роду своего мужа с записью в 3-ю часть дворянской родословной книги Астраханской губернии [3; 10 – л. 64–66 об.].

После смерти мужа с младшими детьми вернулась в Астрахань¹.

Ее родные братья: Георгий (Егор) Лазаревич Эзов (Эзиянц),

¹ В Астраханском государственном музее-заповеднике хранится фотография (дар семьи Далингеров) детского праздника (костюмированного) 1.1.1914 в доме рыбопромышленника, члена городского самоуправления Михаила Акимовича и М.И. Шелеховых на набережной Кутума в 3-м городском участке, на которой среди детей из астраханских семей врача мужской I гимназии А.П. Далингера, врача Ф.Г. Фарманова, члена воинского присутствия надв. сов. ф. Бремзена, члена Комитета Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов И.В. Буданова, (?) В.С. Курдина, (?) Чаплыгиных и Шелиховых запечатлены Сережа, Нюра, Вера и Маруся Котельниковы.

заведовал богадельней Попечительства о бедных армянах; жил он в собственном доме на Николо-Часовенной улице [15], и астраханский 2-й гильдии купец Давид Газарян Эзиянц, крестный отец своего племянника Сергея Котельникова [48]. Оба оставили потомство, в отличие от третьего брата Иосифа. Сестра Мария была замужем за Георгием Юсбашевым [64 – С. V-62].

Умерла после 17.4.1915 [48] и до августа 1917 [19; 48].

28/12. Екатерина (Катюша) Назарьевна Котельникова.

Родилась в Астрахани 29.9.1861. Крещена 8.10. того же года в армяно-григорианской Успенской соборной церкви. Восприемником при крещении был тифлисский гражданин Сергей Григорьевич Придонов [10 – л. 45].

Определением Астраханского дворянского депутатского собрания 24.9.1864 сопричислена к роду отца с записью в 3-ю часть дворянской родословной книги Астраханской губернии [3; 10].

В 1917 жила в Астрахани по адресу: Армяно-Успенская улица, дом 3 (Красильникова) [48 – л. 2].

Музыкальный работник [18].

Умерла в Астрахани в 1942, девицей [19].

29/21. Вячеслав Григорьевич Котельников.

Родился в Ростове-на-Дону 17.6.1879. Крещен 23.6.1879 по православному обряду в церкви во имя Казанской иконы Божией Матери. Восприемниками были губернский секретарь Иван Матвеевич Котельников (*родной дядя младенца?*) и жена священника Фекла Александровна Дикова [29; 51 – л. 3; 49 – л. 8].

Обучался в Евпаторийской прогимназии (1 месяц), Ростовской-на-Дону гимназии (6 лет) и два года на гимназическом отделении Лазаревского института восточных языков¹, по окончании полного курса 27.5.1900 получил аттестат зрелости за № 1281. Продолжать образование предполагал в Имп. Московском техническом училище [29]. В 1900–1901 академическом году обучался в Имп. Московском университете, на математическом отделении физико-математического факультета. Был уволен из III семестра

¹ Пропшение о зачислении на гимназическое отделение Института 3.1.1898 подал родной дядя присяжный поверенный Мина Матвеевич Котельников.

университета за невзнос платы за слушание лекций в осеннем полугодии 1901 (свидетельство от 14.12.1901) [49; 51]. В июле 1901 поступил на механическое отделение Училища, но уже в марте 1902 за участие в студенческих беспорядках был уволен. Предложением попечителя Московского учебного округа от 2.4.1902 подлежал высылке в пределы Иркутского генерал-губернаторства [51].

Жил в Москве по адресам:

В 1900/1901 – Остоженка, 2-й Ильинский пер., дом Варваринского общества, кв. 12 [49],

в 1901 – угол Медвежьего и Скатертного пер., д. 3 [51],

январь 1902 – Садовая ул., дом Соловьевых, № 329 [49].

30/21. Константин Григорьевич Котельников.

Родился в Ростове-на-Дону 14.4.1882. Крещен 2.10.1882 по православному обряду в Покровской Свято-Димитриевской церкви. Восприемниками при крещении были исполняющий должность псаломщика при этой же церкви Василий Васильев Попов и ростовская мещанка Клавдия Григорьева Иванова-Григорьева [30; 47 – л. 25].

Обучался в Евпаторийской прогимназии (1 месяц), Ростовской-на-Дону гимназии (6 лет) и три с половиной года на гимназическом отделении Лазаревского института восточных языков¹, по окончании полного курса 26.5.1901 получил аттестат зрелости за № 1369. Продолжать образование предполагал на юридическом факультете Имп. Московского университета [30]. В августе того же 1901 поступил на математическое отделение физико-математического факультета Имп. Московского университета, но в феврале 1902 за участие в беспорядках был уволен по распоряжению министра Народного просвещения (свидетельство от 28.2.1902 за №2098; без права поступать в другие высшие учебные заведения и с воспрещением всякой педагогической деятельности). Был подвергнут 6-ти месячному тюремному наказанию. В сентябре 1902 г. подал прошение об обратном приеме в университет с пе-

¹ Пропшение о зачислении на гимназическое отделение Института 3.1.1898 подал родной дядя присяжный поверенный Мина Матвеевич Котельников.

реводом на юридический факультет. В январе 1903 г. был принят в число студентов университета, а в июле 1903 вторично уволен из университета на основании Особых правил, утвержденных министром Народного просвещения 14.5.1882 (свидетельство от 1.7.1903 за № 4421). В августе 1906 г. вновь поступил в университет, но уже на юридический факультет. Был увольняем из университета за невзнос платы за слушание лекций в осеннем полугодии 1909 г.; принят вновь 13.3.1910. Уволен из университета по прошению летом 1911 (свидетельство от 7.10.1911 за № 10909) [47].

Был приписан ко 2-му призывному участку гор. Москвы в ноябре 1899 г. В 1903 г. получил отсрочку по воинской повинности, а летом 1911 г. возникли претензии со стороны Московского городского по воинской повинности присутствия [47].

Жил в Москве по адресам:

в 1901 – угол Медвежьего и Скатерного пер., д. 3,

в 1910 – Владимиро-Долгоруковская, д. 9, кв. 154,

в 1911 – Плющиха, д. 32; Дорогомиловская, д. 4 [47].

Жена: (разрешение на брак дано 21.5.1909) *Елизавета Ильинична* [47].

5-е поколение

31/27. Никоганос Арутюнян Котельникянц/Николай (Кока) Артемьевич Котельников (1894–1934).

Родился в Санкт-Петербурге 29.9.1894. Крещен в армяно-григорианской церкви св. Екатерины 9.10.1894. Восприемником при крещении был дворянин Дртат Левонян Абрамян [7 – л. 4; 7 – л. 4].

Воспитывался в одной из петербургских гимназий, а с 1.10.1910 по 31.5.1913 в Астраханской I гимназии. Полный гимназический курс окончил с золотой медалью (аттестат от 2.6.1913 за № 1008). 6.6.1913 подал прошение о зачислении на юридический факультет Имп. Санкт-Петербургского университета. В Петербурге жил по адресу: Зверинская ул., дом 7, кв. 33. 7.5.1914 и 16.6.1914 подавал прошения о переводе на II курс юридического факультета Имп. Московского университета. Летом 1914 жил в Астрахани по адресу: Армяно-Успенская ул., дом Смолинской. В

сентябре 1914 был зачислен по переводу в Имп. Московский университет. В Москве поселился по адресу: Брюсовский пер., д. 6, кв. 11 [7; 8]. В 1917 жил на Зубовском бульваре, дом 37. Окончил полный курс университета и получил выпускное свидетельство за № 488 от 5 сентября 1917 [8].

Был причислен к 1-му призывному участку города Астрахани; в 1915 получил отсрочку до окончания курса наук [7; 8].

В 1923 жил вместе с семьей в Астрахани: Сталинградская ул., д. 26 [63].

Кооператор [64 – С. V-65]. Юрисконсульт, журналист [19].

Умер в Москве в 1934 [19] или 1935 [64 – С. V-65]. Похоронен на Армянском Ваганьковском кладбище (2 участок, № 659-486).

Жена: NN.

В декабре 1941 вместе с сыном выбыла в эвакуацию в гор. Пенза: Садовая ул., д. 6, кв. 5 [21; 63].

32/27. Георгий Артемьевич Котельников.

Родился в Астрахани.

Умер до 1910 [19].

33/27. Назарий Артемьевич Котельников.

Родился в Астрахани.

Умер до 1910 [19].

34/27. Анна (Нюра) Артемьевна Котельникова.

35/27. Саргис Арутюнович Котельникянц/Сергей (Сереза) Артемьевич Котельников (1899–1983).

Родился в Санкт-Петербурге 19.7./1.8.1899. Крещен в армяно-григорианской церкви св. Екатерины 5.9.1899. Восприемником при крещении был астраханский 2-й гильдии купец Давид Газарян Эзиянц (*родной дядя младенца*) [48 – л. 5].

Армяно-григорианского вероисповедания [48].

Армянин, родной язык русский. Служащий-полуинтеллект. Никогда, нигде ни в какой партии не состоял. Свободно владел латинским, французским и немецким языками. Холост, имел не-самостоятельных одну сестру и одного брата. [17 – *Из анкеты от 18 мая 1926 года*].

С 1.9.1910 по 1.5.1917 обучался в Астраханской I гимназии, кончил полный курс (аттестат зрелости от 1.5.1917 за № 647;

документ выписан на его армянское имя). Жил в это время при родной тетке, Екатерине Назарьевне Котельниковой, по адресу: Армяно-Успенская улица, дом 3 (Красильникова). 24.8.1917 был зачислен на Историко-филологический факультет (по словесному отделению) Московского университета [48]. Летом 1918, после перевода на II курс, оставил университет «ввиду полной материальной необеспеченности». В 1918 поступил в канцелярию Астраханского краевого «Топрокома», затем служил в юридическом и кооперативном отделах краевого Совнархоза. Член профессионального союза Совторгслужащих. В 1919 служил в Астраханском губернском статистическом комитете счетчиком. В том же году добровольцем поступил в РККА: «деловод» Астраханского укрепрайона, «вольномор» и «приказист» штаба десантных отрядов, затем при штабе десантного отряда Кожанова Волжско-Каспийской военной флотилии. Побывал в Персии, один год провел в Баку, где сотрудничал в газете «Красный Иран» (под псевдонимами). Красноармеец. После мобилизации, с мая 1922, инструктор-организатор и ревизор в астраханских губернских кооперативных союзах (1922–1923 в «Губсельскосоюзе», 1924–1925 в «Кредитсоюзе»). Получил учебную квалификацию инструктора по сельскому хозяйству. В промежутках в кооперативной работе около 6-ти месяцев занимал должность секретаря гражданской кассационной части Астраханского губернского суда. 26.11.1925 (заявление подал 17.8.1925) был зачислен в орготдел Астраханского губернского исполкома в должность делопроизводителя I разряда по юридической части. Также выполнял техническо-секретарскую работу в Губернской арбитражной комиссии. Отдыхал в летние месяцы в хуторе Долинском под Нальчиком. 1.4.1928 был уволен по сокращению штатов, что не было «никаким образом не связано с личными служебными качествами тов. Котельникова». Был рекомендован для использования на работе в аппарате Горсовета [17]. С 1930 – заведующий отделом информации газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» в Нальчике¹, с 1937 по 1942 – корректор газеты «Ударник транспорта» в Минеральных

¹ Переезд на Кавказ был обусловлен болезнью жены.

Водах. После оккупации Северного Кавказа немецкими войсками – сотрудник органа немецких оккупационных властей газеты «Кавказская новь». Через два дня после освобождения Минеральных Вод, 19.1.1943 был арестован особым отделом 37-й армии. По статье 58, п. 1-а УК РСФСР (измена родине) был приговорен к ссылке на поселение (Инта Коми АССР, затем Талажский лагпункт Архангельской области). После освобождения вернулся в Астрахань. Работал в «Облсправке» [12 – С. 199–200].

Один из крупнейших астраханских краеведов, биограф и историк Астраханского армянского общества, театровед. Печатал статьи в газетах, выступал на радио. Оставил большую картотеку на замечательных астраханцев-армян, хранил архив отца [12; 16]. Его личный фонд ныне хранится в Астраханском музее-заповеднике (Краеведческий музей, отдел фондов).

Умер в Астрахани в 1983. Похоронен на Новом городском кладбище (ул. Рождественского).

Жена: (1935) *Татьяна Исаевна И л ь я с о в а, по мужу Котельникова* [18].

Астраханская уроженка. Всю жизнь работала машинисткой [18].

После ареста мужа в 1943 некоторое время жила с детьми на Северном Кавказе, а затем переехала к родным в Астрахань [12].

36/27. Вера Артемьевна Котельникова.

37/27. Мария (Маруся) Артемьевна Котельникова.

38/27. Тамара Артемьевна, в браке Мошадова.

Видимо, она жила в 1926 при брате Сергее [17].

Музыкальный работник, преподаватель Астраханской музыкальной школы (в Кремле).

Умерла около 1990 [19].

Муж: Степан М о ш а д о в.

Их дочь, также преподаватель музыкальной школы, замужем за выпускником Ленинградской государственной консерватории Бакулевым [18].

39/27. Никита Артемьевич Котельников.

Видимо, он жил в 1926 при брате Сергее [17].

6-е поколение

40/31. Артемий Николаевич Котельников (1923–2005).

Родился в Астрахани 7.12.1923.

По военной учетной карточке – русский, из служащих. Беспартийный [62].

В декабре 1941 выбыл в эвакуацию вместе с матерью [21; 63]. 5.6.1942 окончил 10-й класс в 4-й средней школе имени КИМа гор. Пензы. 6.6.1942 призван в РККА. 13.6.1942 зачислен курсантом Пензенского миномётного училища. В декабре 1942 окончил курс училища и 1.1.1943 выпущен из училища лейтенантом (приказ командующего Приволжского военного округа). Служил в 266-м миномётном полку¹ 3-го гвардейского танкового Котельниковского корпуса 1-й танковой армии генерала Катуква (Воронежский фронт) – командир взвода управления. С марта 1943 полк был направлен под Белгород; участник сражений на Курской дуге. С июня 1943 командир взвода управления 265-го миномётного полка. 18.8.1943 под Богодуховым был легко контужен. С дек. 1943 командир взвода управления 491-го минометного полка 1-го Украинского фронта. Боевой путь: Белгород – Сумы – Полтава – Карпаты – Сандомирский плацдарм – Висла – Одер – Берлин. С сент. 1944 в составе 258-го стрелкового полка 140-й стрелковой дивизии 38-й армии того же фронта, с ноября 1944 в составе 201-го минометного полка 12-й минометной бригады – командир огневого взвода (батареи «Катюш»). В боях за Берлин полк находился в составе 12-й миномётной Киевской Краснознамённой бригады Резерва главного командования (1-й Украинский фронт). Освобождал Чехословакию; до 12.5.1945 участвовал в боях с частями корпуса фельдмаршала Шернера под городом Кладно². С

¹ Формировался в Молотовске (ныне Северодвинск) Архангельской области, на 70 % из осуждённых за воровство и хулиганство, которым предлагали искупить свою вину кровью.

² В батареях, где служил Котельников, все были награждены орденами и медалями. А он за три военных года не получил ни одной награды, и не потому, что плохо воевал. Просто его дядя, которого он почти не знал, около полугода находился в зоне оккупации на Северном Кавказе и был осужден в 1943 по 58-й статье (контрреволюционная деятельность). Поэтому все представления к наградам на «родственника изменника Родины» оставались без рассмотрения и рецензии. Начав войну лейтенантом, так и закончил войну с лейтенантскими погонами.

августа 1945 командир взвода разведки 154-го минометного полка 350-й стрелковой дивизии Львовского военного округа. С июля 1946 командир огневого взвода 4-го отдельного минометного дивизиона 10-й механизированной дивизии Прикарпатского военного округа. Демобилизован с тем же званием лейтенанта 20.3.1948. Уже после войны он получил медали «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги», «За победу над Германией» [21; 62].

Член ВКП (б) с 1946 [63].

Позже, когда закончились все реабилитации в честь дня Победы, ему дали орден Отечественной войны II степени как офицеру – участнику войны. Демобилизован в 1948 [21].

С 1948 учился на двух факультетах Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова – на политэкономическом и юридическом. В 1952 окончил оба факультета. В 1952–1956 работал следователем и прокурором в органах прокуратуры на Чукотке. В 1956 вернулся в Ленинград, работал юрисконсультom. С 1965 – в адвокатуре. Выступал защитником по «делам диссидентов». В 1970 был арестован по сфабрикованному обвинению в получении взятки по статье 173 УК РСФСР, но осуждён по 174 статье (дача взятки). Был осужден на три года лишения свободы. По протесту Председателя Верховного суда России В. М. Лебедева Президиумом Ленинградского городского суда реабилитирован, решением президиума Ленинградской городской коллегии адвокатов восстановлен ее членом. После освобождения работал юрисконсультom в системе здравоохранения. В 1988¹ организовал первый в СССР юридический кооператив «Товарищество юрисконсультomов» (документы на регистрацию кооператива были представлены 26 мая 1988 – в день вступления в силу Закона СССР «О кооперации»), стал его председателем. Работал юрисконсультom депутатов Верховного Совета СССР Ю. Ю. Болдырева, Г. В. Старовойтовой, М. Е. Салье. Затем был помощником депутата Государственной Думы РФ, члена комитета по законодательству и судебно-правовой реформе С. А. Попова. В 1990 совместно с

¹ Документы на регистрацию кооператива были представлены 26.5.1988 – в день вступления в силу Закона СССР «О кооперации».

Ю.А. Ильиным организовал первую в стране независимую Ленинградскую объединенную коллегия адвокатов и стал заместителем председателя президиума этой коллегии. В 1993 с большой группой адвокатов Эстонии и России создал Международную коллегия адвокатов «Санкт-Петербург». Был избран её первым президентом. Член исполкома Гильдии российских адвокатов, вице-президент Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. В 1998 «за вклад в развитие адвокатуры и повышение роли престижа адвокатской деятельности» удостоен Золотой медали имени Ф.Н. Плевако. Удостоен звания «Почетный адвокат» [20; 21].

Умер 5.2.2005 [69].

1-я жена: NN.

2-я жена: NN.

41/35. Николай Сергеевич Котельников.

Родился в Минеральных Водах Северо-Кавказского края в 1938 [18].

Агроном. Бывший преподаватель Камызякского сельскохозяйственного техникума (Астраханская область). Живет в Камызяке Астраханской области.

Жена: Нина Ивановна ..., по мужу Котельникова.

Брак бездетный [18].

42/35. Вера Сергеевна Котельникова.

Родилась в Минеральных Водах Северо-Кавказского края 6 сентября 1939 [18].

Училась в Астраханской вечерней школе рабочей молодежи № 14 [12 – С. 200]. Работала секретарем-машинисткой.

Была замужем, но фамилии не меняла. Детей не имеет.

Инвалид II группы. Живет в Астрахани [18].

7-е поколение

43/40. Артемий Артемьевич Котельников.

От первого брака отца. Родился 5.2.1958.

Служил в Советской армии.

44/40. ... Артемьевна Котельникова.

От первого брака отца.

45/40. ... Артемьевна Котельникова.

От второго брака отца.

46/40. ... Артемьевна Котельникова.

От второго брака отца.

* * *

Котельников.

В 1836 – учитель чистописания Лазаревского института восточных языков [40 – 15 об.].

М. В. Котельников.

Преподаватель французского языка в Московской 4-й гимназии и на гимназическом отделении Лазаревского института восточных языков (1860/61 академический год) [34 – л. 21 об.].

Использованные источники и литература

1. РГИА, Ф. 1343 (Департамент Герольдии Правительствующего Сената). Оп. 23. Д. 2226: О дворянстве Котельниковых, 1852 г., по Астраханской губернии.

2. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 613: Списки сопричисленных по Астраханской губернии. Л. 212, 225 об.

3. Список потомственных дворян Астраханской губернии, составленный по самым последним переменам к 1 января 1900 г. Представлен Астраханским губернским предводителем Хлебниковым герольдмейстеру Ф. М. Шамраю при письме от 30. VI. 1900 г. за № 295. С. 72–75.

4. Список потомственных дворян Астраханской губернии, записанный в дворянскую родословную книгу. Составленный по самым последним переменам к 1 марта 1910 года. Астрахань, 1910. С. 89-91.

5. Дворянская летопись, составленная из дел Астраханского дворянского депутатского собрания с 1801 по 1902 г. секретарем дворянства К. А. Николаевым. Астрахань, 1902. С. 36-37, 50-56, 58, 63-64, 66-68, 72.

6. ЦГИА СПб. Ф. 14 (Имп. Санкт-Петербургский университет), оп. 3, д. 21201: Артемий Назарьевич Котельников, 1880 г.

7. ЦГИА СПб. Ф. 14 (Имп. Санкт-Петербургский университет). Оп. 3. Д. 61724: Николай Артемьевич Котельников, 1913 г.

8. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 418 (Имп. Московский университет). Оп. 328. Д. 1079: Котельников Николай Артемьевич, 1914 г. С фотографией 1914 г.

9. ГААО. Ф. 374 (Канцелярия Астраханского губернского предводителя дворянства). Оп. 1. Д. 823: Предложение Астраханского военного губернатора и переписка с Астраханским губернским правлением об увольнении от должности депутата коллежского асессора Котельникова и выборе других депутатов, 1856 г.

10. ГААО. Ф. 375 (Астраханское дворянское депутатское собрание). Оп. 1. Д. 1132: По прошению коллежского асессора Артемия Котельникова о записке его с родом в дворянскую родословную книгу в Астраханской губернии, 1848-1894 гг.

11. ГААО. Ф. 375 (Астраханское дворянское депутатское собрание). Оп. 1. Д. 1990: Постановление Дворянского депутатского собрания о представлении к награждению орденом Св. Владимира Явленского, Котельникова, Сузиманова, 14 мая 1871 г.

12. *Марков А. С.* Сквозь времена и годы: Исторические очерки. Астрахань, 2003. С. 198-235: Исторические россыпи (о С. А. Котельникове с рисунком А. С. Маркова – с. 198-200, о краеведческой работе Котельникова – с. 201-235).

13. *Марков А. С.* Найдено в Астрахани. Астрахань, 1988.

14. *Марков А. С.* Говорят документы // Литературная Армения. 1976. № 8. С. 47-52. Краткий вариант ранее был опубликован в газете «Волга» от 28 янв. 1973 под заголовком «Издатель, редактор, публицист», а несколько более полный – под названием «Из семейного архива» был помещен в книге «Найдено в Астрахани» (Волгоград, 1988. С. 163-174; на С. 165 – фотопортрет А. Н. Котельникова); в 1997 материал был перепечатан в газете «Возрождение» (№ 6, ноябрь. С. 2) под заголовком «Человек сердца».

15. Памятная книжка Астраханской губернии на ... [1873-1918] год. Астрахань, 1873-1918.

16. *Марков А. С.* Реликвии театральной славы // Волга. 1964. 19 февр. № 42 (13337). С. 4 (заметка о собрании С. А. Котельникова по истории театра в Астрахани).

17. ГААО. Ф. Р-1 (Астраханский губернский исполком Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и ловецких депутатов). Оп. 13. Д. 204: Личное дело тов. Котельникова С. А., 1925-1929 гг.

18. Сообщение Веры Сергеевны Котельниковой (Астрахань, 5.3.2008).

19. Сообщение Артемия Николаевича Котельникова (Санкт-Петербург, 1995).

20. Кто есть кто в Санкт-Петербурге: Биографический справочник. Вып. 7/В.К. Васильев, О.В. Кузин, В.Б. Угрюмов, Ю.И. Светлов. СПб., 2002.

21. http://www.mka-spb.ru/o_kollegii/istoriya_vozniknoveniya/biografiya_kotelnikova.php

22. Исторический очерк Астраханской I мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год/Сост. Т. Остроумов. Астрахань, 1914.

23. Современное слово. 1910. 9 (22) июня.

24. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 200: Журнал записи исповедующихся и причащающихся, 1844 г. (на арм. яз.). Сообщено Р.М. Абрамяном.

25. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 209: Различные свидетельства о браке, 1850-1874 гг.

26. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 221: Свидетельства о бедности, данные для поступления в учебные заведения, 1851-1868 гг.

27. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 172: Метрические записи и прочие свидетельства, 1854 г.

28. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 243: Метрические и прочие записи, 1863-1872 гг.

29. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 2. Д. 2270: Котельников Вячеслав Григорьевич, 1900 г.

30. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт вос-

точных языков). Оп. 2. Д. 2271: Котельников Вячеслав Григорьевич, 1901 г.

31. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 185: О доставлении попечителю списка духовных, лазаревских, приготовительного отделения и своекоштных пансионеров из армян, 1854–1859 гг.

32. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 204: О предоставлении попечителю списка Лазаревских, духовных, приготовительного отделения воспитанников и платящих пансионеров, 1855 г.

33. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 246: Рапорты и донесения директора Института попечителю Московского учебного округа об исполнении его предписаний, 1858 г.

34. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 290: О годичных испытаниях воспитанников гимназических классов в 1860/61 академическом году, 1861 г.

35. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 300: О годичных испытаниях воспитанников за 1861/62 академический год, 1862 г.

36. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 324: Ответы на предписания господина попечителя *Московского учебного округа*. Реестр капиталов и подробные сведения об учащих, 1864 г.

37. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 338: Материалы к отчету *о состоянии Института* за 1865 год, 1866 г.

38. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 169: Переписка по поводу предоставления записей об исповеди и причащении, 1853–1860 гг.

39. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 15: Журнал метрических записей московских церквей, 1775–1848 гг. (на арм. яз.). Сообщено Р.М. Абрамяном.

40. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт

восточных языков). Оп. 1. Д. 10: Штатное положение Института, 1833-1837 гг.

41. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 34: Об открытии и деятельности Касперовского приюта для бедных армян при Лазаревском институте, 1842-1863 гг.

42. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 69: Отчет в Министерство народного просвещения за 1847 год.

43. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 98: Переписка о преподавателях и воспитанниках Института; Списки кавказских учеников с указанием кто откуда и в каком классе учится, 1849 г.

44. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 213 (Лазаревский институт восточных языков). Оп. 1. Д. 112: Отчет о состоянии Института в Министерстве народного просвещения за 1850 год.

45. ГААО. Ф. 687 (Астраханская казенная палата). Оп. 2. Д. 670: Ревизские сказки 7-й ревизии об армянах мужского и женского пола города Астрахани, 1817 г. Именной реестр сказок.

46. ГААО. Ф. 687 (Астраханская казенная палата). Оп. 2. Д. 669: Ревизские сказки 7-й ревизии об армянах мужского и женского пола города Астрахани, 1817 г.

47. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 418 (Имп. Московский университет). Оп. 315. Д. 457: Канцелярии инспектора студентов о принятии в студенты Котельникова Константина, 1901 г.

48. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 418 (Имп. Московский университет). Оп. 331. Д. 1447: Канцелярии инспектора студентов о принятии в студенты: Котельников Сергей Артемьевич, 1917 г. С фотографией 1917 г.

49. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 418 (Имп. Московский университет). Оп. 314. Д. 407: Канцелярии инспектора студентов о принятии в студенты: Котельников Вячеслав, 1900 г. С фотографией 1900 г.

50. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 418 (Имп. Московский университет). Оп. 293. Д. 248: Канцелярии проректора о принятии в студенты Котельникова Артемия, 1879 г.

51. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 372 (Имп. Московское техническое училище). Оп. 3. Д. 1386: Вячеслав Котельников, 1901 г.

52. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 138: Документы о смерти архидиакона Аламханьянца, 1865 г.

53. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 176: Переписка о предоставлении в Консисторию Нахичевани и Бессарабии списков духовных лиц Москвы, 1855-1859 гг. (на арм. яз.). Сообщено Р. М. Абрамяном.

54. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 212: Метрические и прочие свидетельства, 1851 г.

55. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 227: Метрические и иные свидетельства, 1852 г.

56. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 234: Переписка Московского армяно-григорианского духовного правления с губернскими статистическими комитетами, 1860–1865 гг. Сообщено Р. М. Абрамяном.

57. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 242: Документы по переводу священника Хичеанца из Москвы в Нахичевань, 1863-1865 гг. (на арм. яз.). Сообщено Р. М. Абрамяном.

58. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 269: Переписка о предоставлении списков московских священников католикоосу Матфею, 1860-1867 гг. Сообщено Р. М. Абрамяном.

59. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 272: Документы о протодиаконе Мкртиче Погосяне, 1860-1861 гг. (на арм. яз.). Сообщено Р. М. Абрамяном.

60. ГААО. Ф. Р-1 (Астраханский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и ловецких депутатов). Оп. 2. Д. 126. Л. 83 об.

61. ЦГАМ, ЦХД до 1917 г. Ф. 2050 (Московское армяно-григорианское духовное правление). Оп. 1. Д. 189: Метрические и прочие свидетельства, выданные Московским армяно-григорианским духовным правлением, 1846-1850 гг.

62. ЦАМО. 11-й отдел. Картотека учетно-послужных карточек офицерского состава. Учетная карточка А.Н. Котельникова (А-748727).

63. ЦАМО. 11-й отдел. Картотека учетно-послужных карточек офицерского состава. Учетная карточка А.Н. Котельникова (картотека Управления кадров артиллерии).

64. Ягодовский П.В. Семья Марины и Аглаи Ягодовских (сборник генеалогических материалов). Часть V: Астраханская армянская колония: Турпаевы (Турповы), Мизандронцевы, Деляновы, Саядновы (Арзаянцы), Поповы, Ивановы и их потомки. Версия 2006 года.

65. ГААО. Ф. Р-1 (Астраханский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и ловецких депутатов). Оп. 2. Д. 2-а. Л. 336 об.

66. ГААО. Ф. Р-1 (Астраханский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и ловецких депутатов). Оп. 2. Д. 9. Л. 49 об.

67. Траурное сообщение о смерти // Новое время. 1910. 8 июня. № 12297. С. 1.

68. Траурное сообщение о смерти и погребении // Новое время. 1910. 9 июня. № 12298. С. 1.

69. News.spbland.ru. 7.2.2005 (<http://viperson.ru/wind.php?ID=611448>).

70. ГААО. Ф. 687 (Астраханская казенная палата). Оп. 2. Св. 297, 1204: Посемейные списки астраханских мещан города Астрахани, 1832 г. Л. 115-115 об.

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. М. Абрамян
(г. Москва, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАРОДОВ КAVKAZA

Опыт изучения кавказской генеалогии показал, что полноценное исследование невозможно без глубоких знаний истории, соционормативной культуры – особенностей общественной организации, правовых институтов и представлений, религиозной практики того или иного народа, владения соответствующим языком. Одновременно Кавказ в силу своего исторического прошлого и географического положения является местом пересечения христианской, арабо-мусульманской, иранской, тюркской культур и генеалогических традиций. Это требует от исследователя дополнительных знаний и навыков.

Частые нашествия и войны сопровождались разрушением историко-культурных памятников, библиотек и документальных собраний, насильственной либо вынужденной миграцией населения. Все это заставляет исследователя, далеко не всегда имеющего возможность опираться на архивные материалы и литературу,

вести поиск дополнительных источников и разрабатывать новые методы сбора и обработки генеалогической информации.

В предлагаемой вниманию читателей статье автором принята попытка обзора «нетрадиционных» генеалогических источников и описания возможностей, которые открывает их изучение исследователю.

Генеалогические предания, фольклор

С фамильными преданиями приходится сталкиваться любому генеалогу. На Кавказе, как в регионе с развитой генеалогической традицией, они также чрезвычайно распространены. Генеалогические легенды активно привлекаются кавказоведами при освещении вопросов этногенеза, этнической истории, миграций, межэтнических связей, датировке времени создания фольклорных памятников, постройки архитектурных сооружений, основания населенных пунктов и т.д. Большой массив таких текстов опубликован в работах историков, этнографов и краеведов.

Разумеется, у каждого народа сложились собственные традиции устной фиксации и передачи генеалогических сведений. При этом глубина исторической памяти и набор значимой с точки зрения сказителя информации отличается в разных этносах и сословных группах.

Среди черкесов бытовали песенные описания известных сражений прошлого (Зео оред). В случае споров между родами «*были призываемы певцы и заставляли их петь эти песни, и та сторона из спорящихся, которой предки более оказали услуг родине и которой подвиги более упомянули в народных поэмах, приобретала более успеха в спорном деле*» [1]. Песню о взятии Дербента черкесы называли «*как бы родословной книгой их дворянства. Те фамилии, которые не поименованы в этой песне, не могут считаться коренными дворянскими фамилиями*» [2].

Значительной глубиной отличались генеалогические предания ингушей. По словам профессора Н. Яковлева, изучавшего ингушей в 1920-е гг.: «*Здесь [в Ингушетии. – Р. А.] вообще любят поговорить о старых временах. ... Но стоит вам только завести*

речь о предках и о происхождении фамилий ваших новых знакомых, как тотчас с увлечением начнут они рассказывать вам о своих «фамильных» предках, или «отцах», как они их называют. Редкий ингуш не насчитает до восьми-десяти таких «отцов» (или поколений). Каждого из них он назовет по имени и расскажет в придачу о подвигах и личных достоинствах многих из них. В этом перечне где-нибудь на десятом предке ваш собеседник остановится и скажет: вот от этого «отца» и пошла наша фамилия, названная так по его имени. ... Но словоохотливый рассказчик не остановится и на этом. Он перечислит вам еще нескольких предков и дойдет до родоначальника нескольких «фамилий» и, может быть дальше, до родоначальника всего народа ингушей, или «галгаев», и даже до общего предка всех соседних родственных народов. Этого общего родоначальника, а вместе с ним и самого себя теперешний ингуш-мусульманин постарается, конечно, возвысить до небес. Он выведет его прямо из божественного рода самого основателя мусульманской веры – пророка Магомета. ... Такой рассказчик говорит медленно, с достоинством роняя повесные слова. Слушатели серьезно внимают ему, изредка обмениваясь замечаниями и прищелкивая языком от восхищения и удивления ... Надо видеть оживление и горячность его слушателей, других ингушей, когда разговор заходит о том, чей род древнее и почетнее. ... Разгорается жаркий спор, и, глядя на лица собеседников, нетрудно понять, что в таких спорах о древности и славе предков дело может дойти и до кинжалов» [3].

Обладание человеком генеалогической информацией воспринималось как престижное качество, а в некоторых случаях необходимое условие для совершения определенных действий, в т.ч. правового характера. Адыгский мужчина был обязан знать прямую, восходящую линию своего родства до седьмого поколения – лѣтѣхъѣгъуиѣл, называя имена семи предков по отцовской линии – адѣѣиѣл. В противном случае его считали безродным и отказывали даже в праве быть свидетелем в суде. По сообщению К. Ф. Сталѣя: «Жѣнѣциѣны черкѣсѣские очень горды своим происхождением; кѣнягини и дворянки отлично знают старшинство родов кѣняжѣских и дворянских, важность кѣждоѣго рода; все это изуст-

но передается из поколения в поколение – истинно аристократическая черта» [4].

Особое распространение устные генеалогии получили в аристократической среде. Эти предания были призваны обосновать привилегированное положение отдельных династий и кланов [5]. Для них характерно повышенное внимание к вопросам сословного статуса, связи с владетельными династиями прошлого (местными либо иноэтническими), а также, часто завуалированный, религиозный аспект [6].

Кроме того, существовали группы населения, привилегированное положение которых в обществе было полностью увязано с их (реальным либо легендарным) происхождением (сеиды в Дагестане и Азербайджане, Чингизиды-хануко среди адыгов и ногайцев и т.д.).

Обобщая, можно выделить ряд ключевых сюжетов, присутствующих в большинстве генеалогических преданий: происхождение родоначальника; этимология фамильного прозвания (как правило, «народная этимология»); обстоятельства его переселения; перечень потомков (собственно родословная).

При работе с устной генеалогической информацией нужно учитывать следующие ее особенности: изменчивость фольклорного текста, его связь с личностью рассказчика и обстоятельствами записи.

Часто фольклорные тексты содержат «бродячие сюжеты». У представителей разных этносов можно встретить совпадающие в деталях рассказы об обстоятельствах переселения предка либо его чудесном рождении, последнем выжившем наследнике рода, повсеместно распространены предания о братьях-родоначальниках, переселении по мотивам кровной мести и т.д.

Следует с большой осторожностью относиться к содержащимся в преданиях этимологиям родовой фамилии или имени предка. Мне приходилось сталкиваться с ситуациями, когда сюжет «родового предания» кардинально менялся в зависимости от предлагаемого информатором варианта этимологии фамилии.

Также исследователи заметили, что в зависимости от степени доверия можно получить больше или меньше информации. Ге-

неалогии, записанные представителями общины, много богаче и длиннее. Короткая родословная возникает в равной мере из обстоятельств современного «большого общества», предписывающего короткую память, и из законного желания не делиться с посторонним человеком тем, что составляет свой, интимный фонд памяти. Если спрашивающий вызывает больше доверия, он может и услышать больше.

Родственные объединения

Родство играло и продолжает играть большую роль в общественной жизни народов региона, и родственные структуры сохраняются, возрождаются или даже вновь возникают, сопровождаемые свойственными им институтами родственной взаимопомощи, самоуправления, взаимозащиты, брачного регулирования, а иногда и особыми культами [7].

По справедливому замечанию исследователей, кавказцев сближает горячая приверженность своим кланам, для обозначения которых у народов региона существуют разные названия: тухум (Дагестан, Чечня, Карачай), кьибил (произносится как тлибил, аварцы), джинс (даргинцы), сака (лакцы), сихил, миресар (лезгины и народы лезгинской группы), лъэпкъ (произносится как тлепк, адыги), ажвла, абипара (абхазы), азг, гердастан (армяне), тайп (чеченцы, ингуши), арвад, мыггаг (осетины) и т.д.

На Северном Кавказе, где клановая организация общества дольше сохраняла свое значение, выделяют две основные разновидности тухумов.

Первая характерна для Дагестана, где население каждого аула обычно состояло из нескольких небольших тухумов. Основной социальной ячейкой кланов здесь была малая семья. Семьи объединялись в патрилинейные объединения – субкланы, или патронимии, а несколько патронимий уже составляли тухум. Отличительной чертой дагестанских кланов, которую необходимо учитывать генеалогу, являлась внутритухумная эндогамия (предпочтительность браков с родственницами, начиная с двоюродных сестер). Строго соблюдалась эндогамия внутри сельской общины

– джамаата. По адату внеаульные браки считались преступлением против родной общины.

Следует отметить, что в условиях Дагестана достаточно часто фиксируются случаи приема в тухум посторонних лиц, добровольное объединение в один тухум выходцев из разных селений при заселении нового аула, искусственное разделение многочисленных тухумов и т.д. Т.е., несмотря на сохранение генеалогического принципа, дагестанский тухум являлся не только родовой, но и социальной структурой.

Среди народов Северо-Западного Кавказа, осетин и вайнахов получила распространение иная форма родовой организации. Основную ячейку кланов здесь составляли большие семьи, состоявшие из трех-четырех поколений и объединявшие несколько десятков родственников по мужской линии. Такие кланы могли включать в себя огромные фамилии, по несколько тысяч человек каждая, селения которых были разбросаны на обширной территории. По подсчетам Б. Далгата, ингушская тайпа Таргимхоевых составляла в конце XIX в. почти 2000 дворов, т.е. $\frac{1}{3}$ всех равнинных и $\frac{1}{4}$ всех ингушей [8]. Вся Нарская котловина (Осетия) и примыкающие к ней ущелья были заняты одной родственной группой, считавшей себя потомками легендарного Хетага. Современная кабардинская фамилия Кардановых насчитывает более 12 тысяч человек.

Кланы второго типа были экзогамны. Обычное право строго запрещало браки не только между родственниками в любой степени родства, но и однофамильцами, родственниками по материнской линии, искусственному родству (род аталыка, кормилицы, кунака и т.д.). Нарушение клановой экзогамии считалось величайшим преступлением и строго наказывалось. Случаи приема посторонних лиц в тухумы такого типа случались намного реже, а в некоторых традициях были невозможны.

Считалось, что некоторые кланы обладают лишь им присущими качествами и характеристиками. Например, члены андийского тухума Унсурилал имели репутацию неустрашимых, по родовому преданию, в их среде не мог родиться, а родившись – жить, человек, в сердце которого есть *«крохотное место для вмещения*

чувства страха величиной с муравья». О кабардинских князьях Татлостановых говорили, что это род одиноких воинов, имея в виду, что, отличаясь необычайной храбростью на поле боя, большинство из них погибает в молодом возрасте, не успевая обзавестись семьей, оставить потомство. По замечанию А. Б. Крылова, и в наши дни исторически сложившиеся в среде абхазов устойчивые стереотипы восприятия тех или иных родов играют большую роль в отношениях между их представителями [9].

Некоторым кланам приписывались магические качества. Считается, что кровь людей из абхазского рода Ацанба служит очень хорошим лекарством от женских болезней, при отравлении, при каких-либо кровотечениях. У этих людей их кровь покупается. Целебные свойства приписывались слюне кабардинских княгинь. В селе Ннги (Нагорный Карабах) проживал священнический род Дэрунц, представители которого из поколения в поколение лечили от колдовства и испуга.

В некоторых традициях до сих пор соблюдаются фамильные табу на совершение некоторых видов работ в определенные дни, убийство и употребление в пищу отдельных видов животных и т.п. «Запретные дни» широко распространены среди абазин. Для рода Экзеховых таким днем считается вторник, в который ничего не шьют и не вяжут. Чуковым нельзя работать, особенно носить глину, а также стирать и мыть голову в воскресенье. Женщинам рода Гумжачевых нельзя брать в руки иголку в понедельник и т.п. При этом у каждой фамилии имеется предание, объясняющее причину возникновения своего «запретного дня» [10]. Осетинский род Хубиевых из Ксанского ущелья не только «никогда не убивает медведя, но даже не употребляет их шкур и не держит в доме. В определенный день в мае месяце все члены фамилии Хубиевых устраивают в честь медведя, как своего родоначальника и покровителя, праздник» [11]. Осетины Кесаевы никогда не убивали воронов, Тукаевы – змей и т.д.

Существовали представления о родовом имуществе, которое не должно было покидать клан. У черкесов это были особо ценные доспехи и оружие. По словам Хан-Гирея: «лучшие оружия... со тщанием хранятся, переходя от предков к потомкам и составляя

драгоценный клад каждого семейства...и поныне о фамильных оружиях ведутся родословные с объяснением тех цен, какие за них даны были, и прочее» [12]. Родовыми реликвиями могли быть и священные книги. Например, известный Коран кабардинского рода Халилэ из Сармаково и т.д.

Членов клана, помимо экономического единства, объединяла, конечно, идеология. Выражалась она, прежде всего, в общей генеалогии и родовых культах. В Осетии вплоть до начала XX в. у каждого клана было родовое святилище – дзуар, на котором ежегодно справлялся праздник и устраивался родовой пир (кувд). В Абхазии до наших дней функционируют родовые, сельские и общеабхазские святилища – аныха. Причем жрецами последних могут служить только представители определенных фамилий: Гочуа (Лдзаа-ныха), Харчлаа (Лашкендар), Чичба (Дыдрыпш-ныха), Шакрыл (Лыхныха) и Шинкуба (Ылыр-ныха) [13]. Темиргоевский род Дзибе ежегодно проводил моления богу Ахину в священной роще Тхачег, а фамилия Унаруковых ежегодно в начале сенокоса, в понедельник – день, в который два ее представителя погибли от удара молнии, – устраивала на их могиле пир и танцы в честь бога Шибле.

У народов Дагестана чисто языческих родовых культов не сохранилось. Под влиянием ислама эти культы сменились почитанием мусульманских шейхов и местных святых. Однако и здесь существовали тухумы, выполнявшие в силу своего происхождения некоторые религиозные функции. Например, в ауле Чох ежегодно в день ураза-байрама из квартальной мечети выносили саблю и знамя Абу-Муслима, которые считались сильным оберегом от природных и общественных невзгод. Причем участвовать в обряде могли только представители тухума Османовых, ведущего свой род от арабов-сеидов. Хранителем еще одного «меча Абу-Муслима» в ауле Чурдаф мог быть только мужчина из тухума Букяр, родословная которого выводится от одного из сподвижников шейха [14].

Переселяясь, кланы не расставались с куклами своих святых и переносили их на новое место поселения. Таких примеров очень много среди осетин, выселявшихся на территорию со-

временной Южной Осетии и на равнину. Общность фамильных культов в этих случаях служит важным свидетельством общности происхождения родов, а также указанием на пути их миграции. Встречающееся в письменных источниках упоминание о некогда едином происхождении Лорис-Меликовых и Калантаровых подтверждается общим родовым культом, описанным Е. Лалаяном в XIX в. [15].

Естественно, советская власть не могла оставаться нейтральной по отношению к горским кланам, затрудняющим процесс «обострения классовой борьбы». Уже с 1920-х годов начинается активная пропаганда реакционности, отсталости и пагубности поддержания так называемых родовых пережитков [16].

Однако, несмотря на репрессивную политику властей в послереволюционные десятилетия, родственные объединения и в настоящее время продолжают играть весьма существенную роль в сфере семейного и общественного быта народов региона.

Наиболее ярким проявлением возрождения родовых традиций в постсоветский период являются т.н. фамильные сходы.

Насколько можно судить, первые фамильные сходы начинают организовываться в Абхазии в 1960-е гг., а к 1980-м гг. в республике около 40 фамилий ежегодно проводили подобные мероприятия. В Чечне за 1992-1993 гг. по оценкам исследователей прошло более 100 тейповых съездов, на которых были избраны тейповые лидеры, созданы тейповые кассы взаимопомощи (тейповые банки).

В Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии фамильные сходы начали проводиться с конца 1980-х гг. На них, как правило, приглашаются родственники и однофамильцы из соседних республик, а также Турции, Иордании, Сирии, других регионов. Фамильные сходы таких многочисленных кабардинских фамилий, как Кардановы или Кушховы, явились заметными явлениями в общественной жизни КБР и подробнейшим образом освещались в местных средствах массовой информации. Активистами фамильных сходов разрабатывались и утверждались уставы родовых объединений. Некоторые из них прошли государственную регистрацию, как, например, общественное объединение «Къардэн». Основаны собственные родовые средства массовой

информации – газета «Голос Кушховых». Задачи, которые ставят перед собой организаторы семейных сходов, многообразны: от взаимопомощи и поддержки друг друга до «содействия стабилизации обстановки в регионе». Очень важной представляется та роль, которую играют семейные сходы в воспитании молодого поколения.

По справедливому замечанию Л. Т. Соловьевой: *«Возрождение и воссоздание социальных структур, основанных на принципе кровного родства, которые, как считалось историками, стадийно изжили себя и, казалось, должны были вскоре исчезнуть из быта народа, отнюдь не случайный факт. Этому способствовал крах СССР, устоявшегося социального и идеологического устройства общества. Период утраты прежних ориентиров и институтов активизировал присущую человеку потребность найти ту группу, с которой можно себя соотнести, в рамках которой можно чувствовать себя относительно защищенным».*

Поселения, некрополистика

Источником дополнительной информации для генеалога могут стать аулы горцев.

Простудировав этнографическую литературу, узнаем, что первоначально небольшие одотухумные аулы дагестанцев в XV в. сменяются относительно крупными поселениями территориально-тухумного типа, объединявшими представителей нескольких семейно-родственных групп. В XVI-XVII вв. складывается противоположная тенденция разукрупнения аулов через образование хуторов и отселков. Выводы историков в данном случае позволяют датировать события, упоминаемые в семейных генеалогиях.

Практически повсеместно на Кавказе в прошлом был распространен принцип тухумного расселения. Как правило, родственники селились вместе, а их дома составляли обособленные кварталы, границами которых служили улицы аула [17].

При этом следует иметь в виду, что в соответствии с традицией верхние кварталы аула считались «лучшими», а их жители, объединенные в тухумы, более «сильными» по сравнению с таковыми нижних кварталов. В верхних кварталах в прошлом прожи-

вали члены наиболее влиятельных тухумов, как правило, являвшихся потомками основателей аула. Ниже их расселялись тухумы поздних переселенцев и рабов. У проживающих на плоскости адыгов жители аулов также делились на две группы – «верховую», к которой причислялось население восточной части селения, и «низовую», которую составляли жители западной его части. Дворянские фамилии всегда занимали ту часть села, которая традиционно именуется къуэжъапще, что означает «верхняя, более почетная треть села».

Таким образом, представляя месторасположения родового квартала, можно сделать вывод о значимости рода, его положении в общине (джамаате), сословной принадлежности и т.п.

Изучая архитектуру этих кварталов, можно воссоздать процесс сегментации клана, выделения его новых ветвей. В некоторых случаях полезным для генеалога может оказаться изучение горских домов [18].

Одним из основных символов силы и могущества клана у вайнахов, осетин и ряда других народов Северного Кавказа являлись родовые жилые и боевые башни. Наличие башни делало фамилию равноправной среди других подобных ей, а в перспективе позволяло завоевать власть над соседями. В свою очередь, отсутствие башни навечно оставляло членов фамилии в подчиненном положении. Следовательно, наличие семейной башни позволяет генеалогу делать вывод о значимости исследуемого клана.

Нет необходимости говорить о важности данных некрополистики для генеалогии. В прошлом на Кавказе были распространены тухумные некрополи. В дагестанском селе Шиназ их было 13, в Кубачах – 12 и т.д. В случае, если в населенном пункте было общее кладбище, то и там выделялись обособленные родовые участки. Захоронению члена тухума на своем кладбище придавалось большое значение. Основывая отдельные хутора, горцы долгое время не создавали там кладбищ. Для родичей умерших на чужбине на тухумном кладбище создавались специальные склепы. Существовали и ограничения, например, для рабов, которых было запрещено хоронить на кладбищах свободных общинников.

В устной традиции каждого клана большое место отведено

информации о родовых землях. Приведем характерный пример из абхазской действительности в описании этнографа А. Б. Крылова: *«После февральской революции 1917 года князя Ачба продали крестьянам-анхаю большой участок земли в долине реки Аапста... Позднее этот участок перешел в колхозную собственность... После распада СССР крестьяне вновь разделили поле между потомками тех фамилий, которые когда-то купили участок у князя... Когда старики делили поле на участки, к ним подошел подросток Ахба – ученик восьмого класса местной школы и заявил, что здесь есть принадлежащая ему земля. Поначалу взрослые посмеялись над мальчиком: как он может помнить дела столь давних лет? Однако тот сумел показать границы своего земельного участка и забил колышки, обозначающие его размеры. После этого старики признали за подростком права на данный участок земли. Мальчик сумел сориентироваться на ровном поле благодаря тому, что отец (умерший за несколько лет до этого) приводил его и показывал границы семейного участка внутри колхозного виноградника еще в раннем детстве. То же делают все местные крестьяне...»* [19].

Изучение топографии фамильных владений с привлечением данных микротопонимики и фольклора помогает составить представление о роде занятий, роли в обществе, родственных связях клана, его сегментации и т.д.

Родовые башни, кварталы, земли и кладбища служили своего рода материальными символами, в которых овеществлялось достоинство и знатность каждого клана. Для генеалога же они могут явиться источником уникальной дополнительной информации.

Формы брака

В этнографической литературе подробно описаны различные формы брака, практиковавшиеся среди народов Кавказа. Для христиан армян и грузин были запрещены браки между родственниками до седьмого колена. Этот запрет соблюдался весьма строго. Так, влиятельнейшее семейство Лазаревых, желая выдать последнюю представительницу фамилии замуж за родственника князя Абамелек, было вынуждено не только вести длительную

переписку с Эчмиадзинским престолом, но и заказать подробное исследование по данному вопросу. Интересно отметить, что упомянутое исследование включает в себя специальную записку с перечислением многих неканонических браков, заключенных армянами в Тифлисе и на Кавказе.

В отличие от христианства, ислам позволяет заключать браки с двоюродными сестрами, весьма распространенные среди азербайджанцев и курдов Южного Кавказа [20].

Еще одной особенностью мусульманской традиции является многоженство. Согласно шариату, любой мужчина мог иметь до четырех законных жен, и в случае смерти или развода с одной из них ему было дозволено заменить ее другой женщиной. Также не существовало ограничений и в отношении непостоянного брака, и мужчины, обладавшие материальным достатком, могли иметь неограниченное количество временных жен.

По настоящему многочисленные гаремы на Кавказе были скорее исключением. Можно указать на эриванского сардара Хусайн-кули-хана (имел в своем гареме 60 женщин) и Бахман-мирзу Каджара (16 жен). На Северном Кавказе наиболее известен гарем имама Шамиля, у которого было восемь жен.

Об эндогамии и экзогамии народов Северного Кавказа упоминалось выше.

Значительным своеобразием отличалась система брака у проживающих на Кавказе езидов. Езидское общество основано на кастово-теократическом принципе, согласно которому все езиды делятся на три сословия: шейхов, пиров и мридов. Принадлежность к тому или иному сословию передается по наследству от обоих родителей, т.е. браки между кастами запрещены. Помимо общего для всех езидов запрета на браки с иноверцами в касте шейхов соблюдается строгая внутрикастовая брачная эндогамия. Браки возможны только между представителями одного рода шейхов [21].

Следует отметить, что браки, заключавшиеся в аристократической среде, зачастую отличались своей спецификой. Здесь, как правило, чаще допускались отступления от установленных норм. Так, среди армянских и грузинских аристократов средневекового периода чаще можно встретить неканонические близкородствен-

ные браки, а также в целом не одобрявшиеся церковью браки с иноверцами.

Браки княжеских и дворянских родов Северного Кавказа заключались в рамках одного сословия, либо равного ему по статусу сословия соседних народов. Дети кабардинских пши (князей), рожденные от брака с женщинами низшего (в т.ч. дворянского) сословия, назывались тума. Для приобретения княжеских прав тумам необходимо было добиться признания со стороны князей своей фамилии и совершением каких-либо подвигов приобрести народное уважение. *«Потому-то в прежние времена все тумы отличались наездничеством, щедростью, отвагою в набегах, ловкостью в воровстве и каждое мгновение права свои подкрепляли силой оружия»* [22]. Черкесским тумам соответствуют дагестанские чанка. Так назывались дети от браков феодалов с женщинами низших сословий. При этом речь идет не о бастардах, а о детях, рожденных в законном (с точки зрения местного права), но неравнородном браке.

Весьма своеобразным было сословное положение осетинских домашних рабов – кавдасардов. Согласно материалам «Абрамовской комиссии», кавдасард – это *«сын владельца и женщины свободного сословия, отданной в номлус (именная жена) ... малолетние кавдасарды росли в доме своего отца, вместе с детьми старшей жены хозяина дома и назывались их младшими братьями. После смерти своего отца кавдасард мог оставить его дом, чему всеми мерами препятствовали его названные родственники, что весьма понятно: дом терял с кавдасардом рабочие руки ... при этом кавдасарды доказывали, что обязательные их отношения к владельцу, в доме которого они родились, прекращаются со смертью того, между тем как последние присваивали себе право владения кавдасардами, по крайней мере, в течение трех поколений, считая от первого владельца, приобретшего кавдасардов»* [23].

Генеалогу важно учитывать особенности, связанные с наступлением брачного возраста у разных этносов и сословных групп. В крестьянской среде браки заключались очень рано (иногда в 13-16 летнем возрасте), что было связано с причинами экономического характера. В то время как, например, у черкесского и аб-

хазского дворянства брачный возраст был сильно завышен. Мужчина должен был проявить себя, путешествовать и лишь потом заводить семью.

Антропонимика

По мнению некоторых исследователей, Кавказ является одним из древнейших регионов появления фамилий. Фамилии армянских нахараров (Багратуни, Мамиконян, Камсаракан и т.д.) упоминаются в исторических сочинениях V в. Вместе с тем, возникновение большинства современных фамилий народов региона (в т.ч. армян) относится к середине XIX – началу XX вв. и связано с внедрением русской системы паспортизации населения.

У некоторых народов Северного Кавказа фамилии долгое время являлись сословной привилегией. Низшие категории зависимых крестьян, рабы, пленники и их потомки, как правило, были лишены своего родового имени. В переписях населения и официальных документах русской администрации в Абхазии фигурируют т.н. «бесфамильные холопы». А у курдов, народа с очень развитой патронимической системой, фамилий в современном понимании никогда и не существовало.

Очень часто в документах и генеалогических преданиях упоминаются случаи, когда люди, боясь преследования кровников, переселялись и меняли свою фамилию. Интересно, что каждая такая семья помнила свою прежнюю фамилию, и память об этом передавалась из поколения в поколение.

Кавказская антропонимика чрезвычайно богата. Народами региона, помимо собственных антропонимических моделей, активно использовались персидские, христианские, арабо-мусульманские, тюркские и русские традиции.

Разобраться в этом многообразии помогут изданные в последние десятилетия специализированные справочники, в которых можно найти сведения об этимологии, ареале распространения и времени возникновения интересующих имен и фамилий.

Любой генеалог сталкивался в своей практике с ситуацией, когда из-за отсутствия прямых указаний в источниках, либо их противоречивости приходится реконструировать родословное

древо на основе косвенных данных. В этой связи особенно продуктивным может явиться обращение к данным антропоники.

В армянской и грузинской традиции было принято называть детей именами предков (как правило, дедушек и бабушек). Таким образом формировался набор родовых имен, повторяющихся на протяжении поколений (Ашот, Баграт, Смбат у Багратуни, Вардан, Артавазд, Васак у Мамиконянов, Липарит, Иванэ, Эликум у Орбели и т.п.). При этом называть детей по имени отца избегали. Исключения делались в том случае, если ребенок родился в год смерти отца. Также обычай называть детей в честь предков был распространен среди некоторых народов Дагестана. В то время как у адыгов, абхазов или осетин такие примеры единичны и являются исключением.

Имя и фамилия могут служить указанием на этническую и религиозную [24] принадлежность человека. Определенные трудности представляет проблема перевода имен при их написании в иноязычных документах. Например, армянское имя Аствацатур (формы – Асатур, Цатур, буквально «Божий дар») соответствовало русскому Богдан, грузинскому Гвтисцкалоба, тюркскому Аллахверди, Ахверди, персидскому Ходедан, греческому Феодор и т.д. Тот же принцип распространялся на фамилии (Туманян – Туманишвили – Туманов – Туман-оглы). Некоторые генеалогические «загадки» легко решались, когда выяснялось, что армянин Карпет в русском документе XVIII-XIX вв. будет записан Герасимом, а, например, Мкртыч – Никитой.

Если имя зафиксировано в диалектной форме, то, зная ареал его распространения, можно уточнить район проживания его носителя. Например, армянское имя Арутюн амшенскими армянами произносилось как Ардын, в Тифлисе – Арутина, в Карабахе – Тюни. Аналогично: Григор – Киркор – Кюки и т.д.

Значительный интерес в этой связи представляют исследования В. А. Никонова, позволяющие выделить зоны распространения грузинских фамилий с окончаниями на -дзе (Нижняя Имеретия, Гурия, Тушетия), – швили (Кахетия, Мцхета, Казбеги), – иа, – уа (Мегрелия), – ани (Сванетия), – ава (Мегрелия), – ули, – ури (Душети и Тианети), – ти (Мцхета) [25]. Аналогично армянские

фамилии с формантами -унц, – енц характерны для зоны Карабах-Зангезур и т.д.

Зная особенности антропонимики интересующей этнической группы, можно получить дополнительную генеалогическую информацию. Приведем примеры. У абхазов выделяли «большие» и «маленькие» имена, которыми называли соответственно представителей дворянских и крестьянских фамилий. А в случаях, когда в азербайджанской семье женщина рожала несколько девочек подряд, то последней давали имя Оглан-герек (Нужен сын), Кызтаман (Хватит девочек) или Оглан-беги (Мальчик-князь).

Необходимо учитывать влияние русского языка на написание и произношение кавказских имен и фамилий. В русском языке отсутствуют многие специфические звуки, а письменность не располагает возможностью адекватно воспроизводить содержащие их антропонимы [26]. В результате у русскоязычного читателя часто нет даже приближенного понятия об оригинальном звучании большинства подобных имен. С другой стороны, под влиянием русского языка изменилось написание имен и фамилий, а в некоторых случаях и их произношение. Кабардинская фамилия Уанацце (Уаначевы) семантически соответствует русской Седельниковы, но в настоящее время эта фамилия пишется как Уначевы, что означает «строющий дом» (буквально – домостроитель). Также в адыгских языках имеются имена с разницей в одну гласную букву: Пат – Пата, Кад – Када, Бат – Бата и т.д. Записанные на русском языке как отчество (Патович, Кадович, Батович), они становятся неразличимы. В документах XVIII-XIX вв. можно встретить почти два десятка вариантов написания фамилии кабардинских князей ХьэеЮхьуцокьуэ и т.д.

У многих народов титулы и почетные звания превращались в составную часть личного имени. Приведем несколько примеров: *тер* (перед именем, армяне) – священник; *махтеси*, *мугдуси* (перед именем, армяне) – человек, совершивший паломничество; *хаджи* (мусульмане) – совершивший хадж; *ходжа* (армяне) – крупный купец; *сеид* (мусульмане) – потомок пророка Мухаммеда; *кербалай* (мусульмане шииты) – человек, совершивший паломничество в Кербелу; *мешади* (мусульмане шииты) – человек, совершивший

паломничество в Мешхед; *мирза* (персы) – перед именем – писарь, после имени – член шахского дома; *ага* (мусульмане) – после имени – уважаемый человек, титул, перед именем – евнух и т.д.

Родовая символика, геральдика.

Наибольшее распространение геральдика (европейская) получила в Грузии. Впечатляет исключительное эмблематическое многообразие грузинских гербов, которое объясняется, на мой взгляд, их крайней «генеалогизированностью». Эмблемы родового герба сконцентрированно отображают происхождение рода (арфа и праща Давида – Багратионы, двуглавый орел Комнинов – Андроникашвили, Самсон, разрывающий пасть льву, – Аматуни и т.д.), ключевые события из его истории (лежащий в кровати пронзенный мечом человек – Амилахвари, конь и скрещенные сабли – Абашидзе), характер службы при царском дворе (чернильница и рука с пером – Туманишвили, сапог амилахора – Амилахвари) и т.п. Наличие одинаковых геральдических эмблем может свидетельствовать об общем (реальном либо вымышленном) происхождении семей (Багратионы, Орбелиани-Бараташвили, потомство Иотама Зевдгенидзе).

В средневековых источниках упоминаются ншаны (знаки, метки) армянских аристократических династий. Описания некоторых ншанов встречаются в летописях (орел, когтящий добычу – Мамиконяны), их изображения часто присутствуют на архитектурных сооружениях (лев – Багратуни, парные орлы – Арцруни и т.п.). Важно отметить, что ншаны княжеских домов, имеющих общее происхождение, как правило, совпадают.

Одним из сложных, так до конца не разрешенных вопросов являются кавказские родовые тамги (знаки собственности). В основном тамги использовались при клеймении домашнего скота. Вместе с тем их изображения помещались на знаменах княжеских дружин, надгробиях, фасадах домов и родовых святилищ, печатях, оружии и т.д. В некоторых случаях совпадение тамговых знаков может служить указанием на родственные связи между фамилиями. Приведем два примера. Использование одинаковой тамги абазинскими владельцами Лоовыми и абхазскими князьями Ачба

привлекается в качестве аргумента общего происхождения двух династий. В письменных источниках и фольклоре сохранились противоречивые сведения о происхождении известного кабардинского общественного деятеля Джабаги Казаного (XVIII в.). В решении этого вопроса помогает тамга, изображенная на его могильном памятнике, идентичная тамге бжедутских дворян Казановых (Къэзаныкъу) и т.д. [27].

Знание особенностей традиционного быта позволит извлечь дополнительную генеалогическую информацию и при работе с изобразительными материалами. По особенностям одежды изображенных на фотографии лиц можно определить их этническую принадлежность и сословный статус. Белая повязка на чалме указывает на то, что изображенный совершил хадж. Если вся чалма белого цвета – перед вами сейид, потомок пророка Мухаммеда. По форме прически и головного убора можно определить, замужем ли изображенная на фотографии девушка, и т.д.

Использованные источники и литература. Примечания

1. *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик, 2008. С. 149.

2. *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.1. Нальчик, 2001. С. 250-251.

3. *Яковлев Н. Ф.* Ингуши. Популярный очерк. М.; Л., 1925. С. 44-45.

4. *Сталь К. Ф.* Указ. соч. С. 242

5. В эпоху «горских революций» генеалогические предания могли использоваться противоборствующими группировками в политической борьбе. Так, истребление целых кланов горской знати при имаме Шамиле оправдывалось в т.ч. тем, что предки ханов и беков были разбойниками, людьми «без закона и религии», грабившими путешественников и жестоко притеснявшими своих менее знатных односельчан. Чтобы дополнительно очернить кла-

ны горской знати, некоторые рассказчики выводили их из «неверных христиан» – грузин или русских.

6. Армянские раннесредневековые аристократы связывали свою генеалогию с лицами, упомянутыми в Священном писании, мусульманские правители Северного Кавказа активно поддерживали версию об арабском курайшитском происхождении и т.д.

7. О значимости даже весьма отдаленных родственных связей свидетельствует заявление обвиняемого в воровстве кабардинца Увжуко Шеретлова. Требуя в 1893 г. отвода назначенного судом присяжного, он пишет: «... родная сестра потерпевшего А. Пшебиева замужем за односельцем же М. Бикановым, а родного брата М. Биканова – Али Биканова – дочь в замужестве за родным братом потерпевшего А. Пшебиева; братья же Бикановы – родственники Пшебиевых – имеют ближайшее родство с односельцем же Х. Афауновым, а последнему присяжник К. Гудов доводится родным племянником». (Цит. по Соловьева Л. Т. Родственные объединения адыгов: традиции и современность // Расы и народы. Вып. 26. М., 2001. С. 219.)

8. *Бгажноков Б. Х., Берзегова С. Д.* Семантика и прагматика адыгских терминов родства // Исторический вестник. Вып. 1. Нальчик, 2005. С. 338-339.

9. *Крылов А. Б.* Постсоветская Абхазия (Традиции. Религии. Люди). М., 1999. С. 55-56.

10. Подр. см.: *Куначева Ф. Г.* Религиозные воззрения абазин (с древнейших времен до наших дней). М., 2006. С. 88-90.

11. *Калоев Б. А.* Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 2004. С. 347

12. *Хан-Гирей.* Указ. соч. – С. 279.

13. *Крылов А. Б.* Указ. соч. С. 115.

14. *Бобровников В. О., Сефербеков Р. И.* Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 209.

15. *Лалаян Е.* Труды. Т.3. Ереван, 2004. С 152-155 (на армянском языке).

16. По словам одного из идеологов того времени, традицион-

ные фамильно-родовые связи ведут к тому, что «бедняк и кулак, комсомолец и мулла, партиец и белый офицер, принадлежащие к одной фамилии, считают себя братьями, выручают друг друга, не дают в обиду. Это своего рода круговая порука, связанность на фамильной почве была желательна перед лицом такого врага, как царизм и буржуазно-помещичий строй, но в условиях советской власти превратилась в свою прямую противоположность, стала выгодна только кулаку, мулле и другим антисоветским элементам аула». Соловьева Л. Т. Указ. соч. С 220.

17. Описание патронимического квартала шапсугского рода Гвашевых в ауле Б. Кичмай приводит В. А. Дмитриев: «Квартал Гвашевых имеет вполне законченное пространственное решение, содержащее множество значимых компонентов. В глубине квартала находится площадка с ореховым деревом, где собираются мужчины, она имеет значение реального центра фамильного участка и средоточия пространства Гвашевых. Через квартал протекает речка, названная по фамилии, и это дает основание для воспроизводства установок традиционной культуры на образование у водного источника центра женского пространства фамилии. Ниже у реки находится площадка для общественных праздников, площадка выделена с учетом возможности проведения на ней конных скачек. Летом 2001 года ее использовали для проведения свадьбы одного из представителей фамилии Гвашевых. Кварталу соответствует и участок собственного родового кладбища фамилии. Сохранились представления о семиотике верхнего и нижнего концов поселения. Более почетной и важной частью квартала считается верхняя. При рассказе об истории образования селения или об особенностях организации фамильного квартала обязательно подчеркивается, что более правильным местом было то, которое находилось выше, что «сползание» квартала вниз явилось результатом естественного процесса, при котором каждый младший домохозяин занимал место ниже, чем то, на котором стоял дом его старшего родственника». См.: Дмитриев В. А. Личность в изменяющемся социокультурном окружении. Черноморские шапсуги: от традиционного социора к современному // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб., 2004. С. 290.

18. По замечанию Н. В. Ханыкова: «Хотя Дагестан опустошало постоянное состояние войны, там находились дома простых хозяев, которые на протяжении семисот лет спокойно переходили от отца к сыну, – пример древности владения, подобный которому трудно найти среди высших фамилий Европы». Цит. по: Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007. С. 64.

19. Крылов А. Б. Указ. соч. С. 70-71.

20. Приведем пример из родословной азербайджанцев Талышинских. Родители Сары-ханым (1904-1973) приходились друг другу двоюродными братом и сестрой. Также двоюродными братьями и сестрами являлись оба ее деда и бабушки. Причем все они были внуками по мужской линии Мир-Мустафы-хана Талышинского (ум. 1814).

21. Из этого правила есть исключения. Так, шейхам Раш (шейхи Джентайяр) разрешено заключать браки только внутри своей семьи и запрещено даже с другими представителями своего рода – Шешамс. Определенные брачные избегания есть и в других кастах. Пирам Хасмаман («Пирь сорока пиров») и женщинам рода Йакнави касты мридов дозволяется вступать в брак только внутри своего дома и т.п.

22. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Т. I. Нальчик, 2003. С. 27.

23. Там же. С. 40.

24. Здесь тоже есть исключения. Например, если в армянской семье дети умирали в младенчестве, то новорожденному могли дать мусульманское имя в надежде обмануть злых духов. Аналогично азербайджанцы в таких случаях называли детей армянскими именами.

25. Никонов В. А. География фамилий. М., 2007. С. 164-165.

26. Современный абхазский алфавит состоит из 64 знаков. При этом русская буква *к* заменяет восемь буквенных знаков абхазского алфавита, *г* – шесть, *х* – пять, *т*, *ц* и *ч* – по четыре, *ж* – три и т.д.

27. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 106.

В. Атабекян
(г. Ереван, Армения)

АРХЕТИПЫ ПЕРВОПРЕДКА-ПАТРИАРХА У АРМЯН И ИРАНЦЕВ: ХАЙК И ХАОШЬАНГА

Ключевым персонажем в армянской традиции этногенеза является Хайк [1], наапет-патриарх армян. Образ Хайка дошел до нас благодаря трудам армянского историка Мовсеса Хоренаци [2], а также более поздних армянских и грузинских историков – Себеоса, Иоаннеса Драсханакертци, Товма Арицруни, Мовсеса Каланкатуаци, Леонтия Мровели, Степаноса Орбеляна и других. Образ Хайка также получил яркое отражение в устных народных преданиях армянского народа; сохранилось множество мифов, легенд, сказаний об Хайке и его потомках.

Несмотря на обилие источников, в преданиях сохранилась обрывочная информация о Хайке. Известно, что он был потомком богов или же имел божественное происхождение, что, среди прочего, засвидетельствовано эпитетом Дюцазун [3]. Согласно армянской этногенической традиции, Хайк был среди строителей Вавилона [4], однако восстал против тирана Бэла [5], и вернулся на родину предков – Харк [6], где построил Хайкашен, своего рода идеальный город – миропорядок армянства. Таким образом, Хайк упорядочил сакральное пространство и разделил время на месяцы и дни; согласно средневековому ученому Анании Ширакаци [7], названия месяцев традиционного армянского летосчисления [8] даны по именам сыновей и дочерей Хайка. Названия ряда сакральных географических объектов Армянского Нагорья (волость Харк, гор Великий Арарат,

Арагац, Араилер, священного города и первой столицы Армении – Армавира и др.) произошли от Хайка или его потомков.

После того, как войско титанида Бэла вторглось в Армению, Хайк вместе со своими сыновьями и домочадцами воевал против месопотамских завоевателей и победил, сразив Бэла стрелой с трехгранным наконечником [9]. Согласно некоторым преданиям, наконечник этой стрелы был сделан из железа, в то время как латы Бэла были из меди; сама эта история часто интерпретируется как символическое начало железного века на Армянском нагорье.

Любопытны параллели, проведенные некоторыми исследователями [10] между противостоянием Хайка и Бэла и индоевропейской мифологемой борьбы бога грозы (в ипостаси Индры и др.) с драконом или демоном Валом (Велес и др.). При этом семитский эпоним Бэл (Ваал) созвучен индоевропейскому Вал.

Обеспечив независимость страны, Хайк основал первую династию правителей и будущих царей Великой Армении – род Хайказуни [11]. Многие великокняжеские роды Армении (Сюни, Бзнуни, Хорхоруни, Слкуни, Вахевуни, Ордуни, Варажнуни, Арраншахики-Вахтангяны, по некоторым версиям и Багратуни и Арцруни) также произошли от Хайка Наапета или его потомков [12]. Поскольку Хайк был отпрыском богов, посредством родства с его потомками вышеупомянутые великокняжеские роды также декларировали божественное происхождение. Подобная божественная родословная (часто опосредствованная) также характерна для мифологем многих древних народов и аристократических родов мира. Так, японский императорский род возводит свое происхождение к Дзимму Тенно – праправнуку богини солнца Амаатэрасу Оо-миками [13]; в имени основателя первой царской династии древнего Китая Хуан-ди иероглиф «ди» обозначает не только «императора», но и «божество», и соотносится с божественным желтым драконом [14]; а в Европе княжеский и царский род Лузиньян ведет свое легендарное происхождение от божественной феи Мелузины.

Таким образом, в эпической традиции Хайк выступает в качестве божественного этногенического культурного героя, породившего армянский народ, выступающего в роли демоноборца – бор-

ца против зла, упорядочившего сакральное пространство и время армянского миропорядка.

В иранской традиции в качестве одного из этногенических культурных героев выступает Хаошйангха в авестийской передаче; он же Хушанг в пехлевийских источниках и в средневековой персидской поэзии [15]. При ближайшем рассмотрении обнаруживаются удивительные параллели в образах армянского Хайка и иранского Хаошйанга.

Согласно Бундахишну, Хаошйанга является родоначальником иранцев [16], хотя его имя оказывается то в начале, то в конце списка легендарных царей [17]. Так же как и Хайк, Хаошйанга строил Вавилон (а также Сузы и Дамган, что бесспорно является поздним добавлением, ввиду того, что эти города моложе Вавилона). Он также выступает в качестве культурного героя, упорядочившего раннеиранское общество, давшего законы, открывшего огонь, железо и обучившего людей земледелию.

Другой ключевой страницей в легендарной биографии Хаошйанги является его война против демонов-дэвов (в частности, черного дэва) [18]. Благодаря своим деяниям, Хаошйанга получил от богов символ царской власти – хварно [19], и дал начало роду Парадата [20], ставшей легендарной царской династией Ирана.

Если подытожить образы армянского Хайка и иранского Хаошйанги, то можно выделить следующие параллели:

Хайк	Хаошйанга
Культурный герой	Культурный герой
Строитель Вавилона	Строитель Вавилона, Суз, Дамгана
Воевал против полчищ Бэла	Воевал против дэвов
Предположительно открыл железо	Открыл железо
Законодатель	Законодатель
Упорядочил календарь	Упорядочил календарь
Основатель династии (Хайказнунни)	Основатель династии (Парадата)

Перечислив вышеизложенные параллели, можно было бы ограничиться констатацией типовых корреляций в архетипах культурных героев-первопредков – Хайка и Хаошйанги, если бы не дополнительные любопытные обстоятельства.

Изучая образ Хаошйанги, некоторые исследователи высказывали вполне обоснованное предположение о его возможном иноземном происхождении [21]. В частности, отмечалось, что образ Хаошйанги получил особое распространение на западной окраине иранской ойкумены. В то же время большинство исследователей не ставит под сомнение автохтонность образа Хайка для армянской этногенической традиции. Эти обстоятельства, вместе с наличием очевидных параллелей в образах, дают основание выдвинуть предположение о том, что в действительности образ Хаошйанги мог быть экстраполяцией образа Хайка, патриарха армян, на иранскую мифологическую почву.

Дополнительным аргументом в пользу выдвинутой гипотезы служит лингвистический анализ имени Хаошйанги. Лингвисты считают, что это авестийское имя происходит от древнеиранского *Haūšyahah*, где корневое *hau* (ср. с армянским *hay*/Наук) обозначает «хороший», «хорошо».

Дальнейшие исследования, включая изучение возможной связи между мифологизированным образом потомка Хайка – Хайкака и упомянутого в хеттском договоре хайасского царя-вождя Хукканаса [22], могли бы пролить дополнительный свет на корреляции между армянским Хайком и иранским Хаошйангой.

Использованные источники и литература

1. Հայկ, Наук. Ввиду придыхательного *h*, по-русски имя также часто передается как Айк или Гайк.
2. Именно Хоренаци пользовался первоисточником, содержащим раннюю родословную армян, – трудом ассирийского историка Мар Абаса Катины, о чем пишет сам автор.
3. От древнеармянского *դիւց* и *ազն* (*diwc* – *azn*), т.е. «отпрыск богов».
4. Вероятнее всего, данное обстоятельство является результатом влияния библейской традиции.
5. В образе Бэла персонифицируются владыки Ассирии и Месопотамии, с которыми враждовали протоармянские индоевропейские племена Армянского нагорья.
6. Харк (*Հարք* – дословно «земля отцов») – волость в исто-

рической армянской провинции Тауруберан (Туруберан), в Великой Армении (современная восточная Турция).

7. Анания Ширакаци. Космография. Ереван, 1962.

8. Բոլն Թալիշն շայնց

9. Историки Гевонд Алишан и Микаел Чамчян упоминают дату этого эпического сражения – 11 августа 2492 г. до н.э.

10. *Петросян Армен*. Армянский эпос и мифология. Ереван, 2002.

11. *Эмин Н. О.* Династический список Хайкидов в истории Моисея Хоренского. Москва, 1884.

12. *Мовсес Хоренаци*. История Армении. Книга Первая: Родословие Великой Армении. Ереван, 1990; также см.: *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алунак. Ереван, 1984.

13. Кодзики, свиток 2; см. также: *Синицын А. Ю.* Рыцари страны восходящего солнца. Санкт-Петербург, 2001. С. 8.

14. *Лисевич И. С.* Древние мифы о Хуан-ди и гипотеза о космических пришельцах // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Москва, 1974. С. 40-42.

15. В частности, авестийской традиции, в «Шахнамэ» и в других источниках.

16. Бундахишн 15, 28, 103; см. также: *Чунакова О. М.* Пехлевийский словарь. Москва, 2004.

17. Яшт XIII 130-138.

18. Яшт XVII 23-26, Яшт XIX 25-26, «Суждения Духа разума» (XXVII 19-20); см. также: Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. Москва, 2006. С. 44.

19. Фарр, аналог армянского փարր (дословно «слава», «божественное благословение»).

20. Род Парадата, позже превратившийся в пехлевийский Пешдадит – «поставленные впереди».

21. *Лелеков Л. А.* Мифологический словарь. Москва, 1990.

22. В договоре между Хеттским царством (Суппилиума-са I) и Хайасой, Хукканас упомянут как царь Хайасы в 1370-х – 1340-х гг. до н. э. См.: История Древнего Востока. Кн. 1. Ч. 2. Москва, 1988. С. 145-146.

А. М. Гарсаев, А. М. Гарасаев,
Т. С. Шаипова, М. М. Гарсаева
(г. Грозный, Россия)

ЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ГОРДАЛОЙ (ГЮРДАЛОЙ). (ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

В ходе полевой работы (а также и по А. С. Сулейманову), в окрестностях Гюьрдала зафиксированы следующие топонимические названия, многие из которых устарели, утратили смысл и значение или возникли в наше время:

Попин агло «Попи сторона» – урочище на западе села.

Гүдин ирзо «Гуди (л.) поляна» – урочище на западе села.

Хоти чу «В лесу» – урочище на западе села. *Хоти* – дебри лесные.

Байракхан ирзо «Байракха (л.) поляна» – на западе села.

Къайсаран клотар лăьттинчу «Кайсара хутор где стоял» – урочище на западе села.

Баларна ара «Ореховая поляна» – урочище на западе села.

Чарташ долчу «Там, где могильные стелы стоят» – на востоке.

Юмечу «Озеро к» – урочище на северо-востоке села.

Тайна басса «Тайна (?) склону к» – урочище на северо-востоке села.

Ахк «Речка (ущелье)» – пастбище на юге села.

Песин ирзо «Песи (л.) поляна» – пашни на юге от села.

Босьха ирзо – «Бёха (л.) поляна» – урочище на юго-востоке села.

Алмасин ирзо – «Алмастов (л.) поляна» – пастбище на юго-востоке села. Алмаст – человекоподобное существо.

Дукъуш берд «Дукуш склон» – урочище на левом берегу Ясси. *Дукъ* – хребет.

Дукъал тIехъа «За хребтом» – урочище на севере села и др.

Хутора, от которых остались лишь одни названия, были основаны еще в XIX веке, в период Кавказской войны.

Каждый раз после нападения царских войск и разгрома аулов чеченцы уходили в лесные дебри, вырубали, выкорчевывали леса, закладывали новые хутора и жили там до очередной трагедии. Хутора, заложенные в лесных дебрях, являлись временным убежищем для горцев от неприятеля, который перманентно вел боевые действия против незащищенных мирных жителей Чечни.

Согласно полемому материалу, гордалоевцы пришли из древнего Нашха (прародина нахов. – *Прим. авт.*) примерно девять веков назад и являются коренными чеченцами, имеющими свою родовую гору – *Гордалой лам*.

Гордалой – один из наиболее крупных чеченских тайпов. *Гордалоевцы, энгиноевцы, чиччалхой, даттахой* считают себя кровнородственными. Подтверждением вышесказанному является то, что у имама мечети с. Энгиной Ножай-юртовского района Самада до сих пор хранится тайповая рукопись (таьптар) с записью о кровном родстве между названными тайпами, сделанной еще в XIX веке.

Тайповое многообразие на территории Чечни – давняя особенность региона. Любой тайп у чеченцев ассоциируется конкретно с селом. Таким образом, духовным центром тайпа Гордалой является село *ГПьрдала* (Ножай-юртовский район ЧР). Оно расположено в трех км к северу от Цюьнтара и шести км к западу от Энгана, на левом берегу реки Ясси. Жители ГПьрдала считают себя отдельным этническим обществом и говорят о генетическом родстве с энгенойцами. Что легло в основу этнонима, остается непонятным, но *гIорда, гIурда* (древневайнахское) – меч, т.е. меченосцы [1].

Действительно, в ауле Гордали жила большая династия масте-

ров-умельцев по изготовлению холодного оружия, которая помимо знаменитых шашек и кинжалов изготавливала плоские стальные напильники высокой закалки, имевшие еще по бокам бугорки металлических зубьев. Напильники назывались *Г'ордаз* (*Г'орда*) по имени того же изготовителя шашки Гурды (*Г'орда*) [2].

В памяти глубоких стариков из тайпа гордалой остались, к сожалению, очень скудные предания об оружейном производстве и мастерах села, ограничивающиеся только лишь констатацией факта о существовании у них оружейного промысла. При этом о знаменитой шашке и мастере говорят без сомнения и с гордостью. Их предания гласят, что мастер, изготавливавший знаменитые на всем Кавказе клинки, был в ауле последним из некогда большой оружейной династии. Он один знал секреты их изготовления, перешедшие к нему от предков. С его внезапной смертью была утрачена технология изготовления Гурды. Гордалинцы считают, что последний мастер жил и работал в 19 веке. По их мнению, имя оружейника было Горда (*Г'орда*) – соответственно названию тайпа. Примечательно и то, что гордалоевские старики шашку называют не Гурда, а Горда (*Г'орда*).

Термины *Гур да*, *Г'урда*, *Гурду*, *Г'ор да*, *Г'орда*, *г'ордалой* имеют разные смысловые значения. Их произносят с различными ударениями и интонацией. Наряду с ними *Ц'ийна да*, *Кхела да*, *Ц'ера да*, *Ц'ийна (Ц'е) нана*, *Мехка да*, *дай* – владелец, отец очага; владелец судьбы; владелец, хозяин огня; мать очага; владелец, владельцы края – относятся к древним вайнахским словам и именам [3].

По мнению лингвиста А. Вагапова, производной основой слов: *г'ордала* (аул); *г'ордалой* (название тайпа); *г'орда* (меч, шашка) – является *г'орда*, семантика которого затемнена. Предположительно, оно может быть однокоренным с другими чеченскими словами – *г'ора* (сила, мощь); *г'аг'л* (кольчуга, как средство боевой защиты) и *г'а* (лист, листва). Ученый С. Умаров считает, что *Г'орда* происходит от слова «*г'а*» (защита, защитник, опора, прикрытие). Производные от «*г'а*» слова: *г'о* – защита, поддержка, подмога; *г'ора* (*г'оралла*) – сила, мощь; *г'ора да* – владелец

мощи; *Ларол* – защитник и стражник; *Ларолла* – защита и стража; *Лаж* – палка как орудие защиты; *Лан* – крепостное сооружение защитно-оборонительного значения; *Лала* – укреплённое поселение или башня с защитно-оборонными функциями; *Лал* – кольчуга как средство боевой защиты; *Лама* – клинок (шашка); *Льорда* – меч; *Льордалой* – меченосцы и т.д. Слово «*Ла*» двузначно. Его второе значение – **лист** и **листва**. Но и в этом значении оно воспринималось первоначально как название средства защиты и прикрытия листовенных растений от природных стихий (в первую очередь от зноя и жары) [4].

В произведениях русского писателя Л. Н. Толстого, близкого кунака чеченца Садо Мисирбиева из древнего чеченского тайпа Элистанжой [5], аул Гордали имеет название *Гурдали*, соответственно шашке Гурда. В свою бытность в Чечне он, как никто другой, доподлинно узнал историю края. Он зачастую из первых уст слышал о центрах оружейного производства, о мастерах оружейниках, воочию видел и знал чеченское оружие, не жалел денег на приобретение его. Перед написанием знаменитой повести «Хаджи-Мурат» Толстой изучил практически всю литературу, посвященную Кавказу. Об этом пишут биографы писателя, это доказывает его творчество. Немало произведений Толстой написал в Чечне. Они отражают реальные исторические события, происходившие на ее территории, повествуют о нравах, обычаях народа, его культуре, предметах национального быта и вооружения. Рассказы «Набег», «Рубка леса», дневниковые записи писателя (1851-1854 гг.), его походы под предводительством князя Барятинского, участие в боях на реке Мичик и в ауле Гордали, безусловно, свидетельствуют о компетентности Толстого:

«...25-го (февраль 1852 года) выступление из крепости Грозная, лагерь у разоренного аула Устар-Гордой»;

«...в виду упорного сопротивления горцев князь Барятинский послал приказание полковнику Бакланову выступить к нему навстречу через реку Гонсаул к аулу **Гурдали**... Колонна эта... на рассвете спустились в долину Мичика и, быстро перейдя через эту реку, почти без боя заняла аул **Гурдали**...»;

«...21 февраля (1853 год) были уничтожены Гурдали и Мазлагаш...».

При этом обращает на себя внимание то, что аул Гордали у Л.Н. Толстого имеет название Гурдали, соответственно шашке Гурда.

Аналогичное название аула мы встречаем и в материалах архива 20-й артиллерийской бригады, в составе которой Л.Н. Толстой принимал участие в военных действиях против горцев [6], и в трудах А.П. Берже [7].

Описывая названия рек Большой и Малой Чечни, с находившимися на них укреплениями и аулами, в частности в Ичкерии, А.П. Берже отмечает, что на левой стороне реки Аксай (кум. белая вода, чеч. Яьсси. – Прим. автора) расположены:

1. Ножие (разрушен).
2. Тацен-Кале (разрушен).
3. Мискит (разрушен в 1857 году).
4. Белгатой.
5. Цонтерой.
6. Гурдали (*Гурдалой*).
7. Гвалдари.
8. Шуани.
9. Аллерой.
10. Шаухал-Берды.
11. Ишха-аул.

Последние пять аулов заселились везде после прохода наших войск в 1849 году. С той только разницей, что некоторые из них отодвинулись от Аксая далее в леса. Аул же Мискит (правильно – Мескеты. – *Прим. авт.*) заселили около 1849 года.

Согласно полевому материалу, тайп Гордалой делится на следующие некие и гары (сегменты тайпа): Оккхин некие, БучIин некие, Песин некие, Iаьжгин некие, Доьвлин некие, Бугин некие, ХIуцин некие, Этин некие, Ирбаьхьин некие, Басхой (возможно, чIабирлойский элемент), БохIин некие, Малсин некие, Маммин некие, Мисин некие, Мочин некие, Шемин некие, Саьлмирзин некие, Хакин некие, Гуьржин некие, ГIудин некие, Дасай некие,

Джабай некие и входит в тукхум *Нохчмахкахой* (Страна чеченцев), являющимися нациобразующим этническим обществом.

Гордалинец У-А. Н. Аткаев сообщает, что его сородичи имели земли не только в горной части Чечни, но и на равнине. В районе нынешнего села Мелчхи (Исти-Су) Гудермесского района, на северном склоне Качкалыкского хребта (чеч. ГПачалкха дукъ) располагалось одноименное селение гордалинцев. До сталинской депортации вайнахов в 1944 году на южном склоне Качкалыкского хребта, на берегу речки Мичик, на окраине современного села Бачи-Юрт располагалось также село Гордали-Юрт. Оба вышеуказанных селения царскими колонизаторами в XIX веке были несколько раз сожжены. Их жители, согласно «Хронологии истории Чечено-Ингушетии», составленной писателем, историком Абузаром Айдамировым, оказывали яростное сопротивление российским войскам в 1785, 1819, 1821, 1852 и 1854 годах.

Постоянно находясь в эпицентре театра военных действий в Ичкерии, представители тайпа и аул Гордали относятся к числу наиболее пострадавших в Кавказскую войну [8]. Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что только в район Гордали (в юго-восточную часть Ичкерии) с 1821 по 1857 годы русскими войсками было совершено 15 карательных экспедиций, в том числе:

март 1821, февраль 1837 гг. – походы полковника Грекова, генерала Фези;

март 1837 года – бой между отрядами генерала Фези и Уди-Муллы Гордалинского;

январь 1840 года – разорение генералом Пулло аулов Гуржи-Мохк, Зандак-Ара, Гендарген и других (названные аулы соседствуют с Гордали);

май-июль 1845 года – экспедиция Воронцова в Ичкерию, его поражение (отступление с боями в районе аула Гордали);

август 1852 года – разорение полковником Баклановым Гордали на реке Мичик, его поражение при обратном движении;

декабрь 1853 года – сражение между отрядами наиба Талхига и генерал-майора Бакланова у аула Гордали-Юрт.

Карательные экспедиции сопровождалась не только разорением аулов и убийством мирных жителей, но и насильственным переселением уцелевших чеченских семейств на территории, занятые русскими завоевателями.

В ауле Гордалой проживал видный чеченский предводитель, священнослужитель Уди-Мулла Гордалинский. С 1837 по 1857 гг. аул многократно уничтожался русскими войсками, но вновь отстраивался гордалинцами на прежнем месте. Одновременно беженцами из Гордали строились аулы как в непосредственной от него близости, так и в различных других отдаленных местах (Шалинском, Гудермесском, Ножай-юртовском, Грозненском районах) преимущественно под тем же названием: Гордали, Устаргардой-аул [9] (Аргун), Гордал-юрт, Баса-Гордала, Новые Гордали, Хьашта-Мохк, а также и Бердыкель [10].

По мнению А. Сулейманова, в основу названия *Устаргардой-аул*, вероятно, легло *уста*, *устар* – мастер, оружейник и *Гюьрда* (*гюьрда*) – название особого клинка. *Устарггардой* – мастера-оружейники, кующие особой марки клинки *гюьрда* (*гюьрда*)». *Уста* (тюрк.). Название *Устарггардой-аул* могло быть дано кумыками, проживающими по соседству.

Таким образом, гордалинцы широко расселились в горных и равнинных населенных пунктах Чечни и в Ингушетии в селении Пседах (каб. живая вода. – *Прим. авт.*), где гордалинцы носят фамилию Гардалоевы. Основателями ряда населенных пунктов, входящих ныне в состав современного Гудермесского района, являлись в прошлом именно выходцы из тайпа Гордалой. Это такие населенные пункты, как Исти-Су (Мелчхи – теплая вода. – *Прим. авт.*), Умахан-Юрт (Кундухово). В те далекие времена не существовало даже аула Гуьмсе (Гудермес). Здесь, по рассказам стариков, на склоне, где расположен сегодня этот аул, на берегу реки Гумса примерно 300 лет назад стояло чеченское укрепление Гордали, где жили представители разных тайпов и этносов, но в основном гордалинцы. Эти и другие сказания, предания косвенно подтверждаются наличием в указанном месте старого, заброшенного кладбища, называемого в народе «Гордалойн

кешнаш» (кладбище гордалинцев. – *Прим. авт.*), – рассказал У-А. Н. Аткаев.

Со второй половины XVIII века на территории современного Гудермесского района проживало, как и в наши дни, много гордалинцев. И естественно, что часть земель здесь принадлежала именно им. Сегодня из 21 села, входящего в состав Гудермесского района, нет такого, в котором не проживали бы представители этого тайпа.

Гордалинцы глубоко почитали эвлия, Великого гуманиста Кунта-Хаджи Кишиева, так же, как и всех других святых. До переезда в Исти-Су его предки жили в Гордали. С начала XIX века в Исти-Су в основном проживали гордалинцы. Дедушка эвлия Кунта-Хаджи Шовхал был похоронен здесь же в селе. На Гордалинском хребте также похоронены эвлии, три брата – гордалинцы – Асандар, Арскъи, Асанчи. Из них у двух первых имеются зияраты (мавзолеи) в Бас-Гюьрдала. Третий, Асанчи, похоронен в с. Гордали без зиярата, так как перед смертью он просил не воздвигать его в свою честь (араб. хьурмат). После смерти эвлиев многие их потомки переселились в Иорданию и в данное время проживают там. Остальная часть их родственной ветви сегодня проживает в селении Бердыкель Грозненского района и селе Нойбер Гудермесского района Чеченской Республики.

Некоторые известные наибы, шейхи и мюриды, прославившиеся в период Кавказской войны XIX века, наряду с другими приближенными имама Шамиля, являлись представителями тайпа г1ордалой, служивших верой и правдой «Имамату» горцев. Легендарный Уди-Мулла, а также Байсолтин Malca, Ойшин Акбар, Джаммалтан Алхот и многие другие находились в авангарде борьбы с царской экспансией на Северном Кавказе, и в частности, в Чечне. Они же, наряду с другими известными личностями Чечни и Дагестана, являлись видными участниками Мехкан-Кхеташо (Совета страны), который собирался на знаменитой горе Кхетааш-Корта на окраине селений Гордали и Центорой, где в 1840 году имамом Чечни и Дагестана был избран аварец Шамиль Гимринский,

вытесненный дагестанцами и поддержанный чеченцами, как говорится, на свою голову.

Представители тайпа гордалой, как и представители других чеченских тайпов, оставили яркий след в истории чеченского народа, добиваясь больших успехов в духовной жизни, науке, литературе, спорте, на военном поприще и т.д. Прежде всего, как было отмечено, это такие почитаемые священнослужители, как братья Асандар, Арсакхай, Асанчи, наиб Имама Шамиля Уди-Мулла Шейх, Ибрагим-Шейх, Бата-Шейх, алим Джебархаджи, Кама-Мулла, Чанта-Мулла, Курбан-Али, Амархаса, заместитель муфтия Чеченской Республики Магомед Хийтанаев, писатели-журналисты Билал Чалаев, Джамалдин Махмаев, Саидбек Дакаев, Хамзат Талхадов; поэт, сатирик, художник Махаш Воздинго, художник Мохмат Ясханов, Уполномоченный по правам человека в Чеченской Республике Нурди Нухажиев, депутат Парламента Чеченской Республики, меценат Вахарбек (Ахмад) Катаев, заместитель министра по национальной политике, печати и информации Чеченской Республики Лема Гудаев, ректор Чеченского государственного университета Заурбек Саидов, ректор Чеченского государственного педагогического института Хож-Ахмед Халадов, государственный служащий, майор МВД ЧР в отставке Хусайн (Руслан) Гудаев, ученый, кандидат исторических наук Ваха Асталов; братья Майрбек и Гайрбек Мухтаровы (Алиевы), соответственно мастера спорта СССР по тяжелой атлетике и вольной борьбе.

Следует отметить боевые заслуги Себира Есаева, Цабатано Элирсахая, Тама Гайгинова, Ибрагима Кадырова, Исхака Салатаева, Закрей Айдаева, лучших сынов Отечества, воевавших на стороне «Белого Царя», служивших в составе чеченского конно-иррегулярного полка в ходе русско-турецкой войны (1877 г.).

Таким образом, гордалинцы завоевали достойное место в созвездии многочисленных чеченских тайпов своим мужеством, патриотизмом, крепким иманом и милосердием.

Использованные источники и литература

1. Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. С. 313.
2. Юсупов Азим. Клинки чеченских мастеров // Грозненский рабочий. 1998. Июль.
3. Асхабов И. Чеченское оружие. М., 2001. С. 67.
4. Там же. С. 72.
5. Гарсаев Л. М. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX-нач. XX вв. Саратов, 2014. С. 30.
6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 46. М., 1937. С. 373, 374, 416 (из книги Асхабова И. Чеченское оружие. М., 2001. С. 69-70).
7. Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1895. С. 29.
8. Айдамиров А. А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 36-64.
9. Сулейманов А. С. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. С. 174.
10. Гарсаев Л. М. Об основании, тайповом составе и топонимии села Бердыкель // Вестник Чеченского государственного университета. 2014. Вып. 2. С. 97

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта основных тайпов Ножай-юртовского района ЧР

Зияраты эвлияов братьев Асандара и Арсакхая из тайпа Гордалей

с. Гордали

с. Даттых

с. Энгеной

В Ножай-юртовском районе ЧР имеются 2 села под названиями: **с. Гордали, с. Бас-Гордали.**

Мечеть в с. Гордали – май 2011 г.

*Обелиск при въезде в с. Ца-Гордали и с. Бас-Гордали,
установленный в память о гордалинцах, погибших в период
депортации чеченцев и ингушей с 1944 года по 1957 год
в Среднюю Азию и Казахстан.*

Потомки Гуды. Снято в мае 2011 года у мечети с. Гордали

А. М. Гарсаев
(г. Грозный, Россия)

ЭТНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО БЕНОЙ (ИСТОРИЯ, ТОПОНИМИЯ, ИЗВЕСТНЫЕ ЛЮДИ)

Актуальная во все времена и постоянно востребованная проблема генеалогии чеченцев в отечественной исторической науке не являлась предметом специального научного исследования, несмотря на не угасавший интерес к ней в чеченском социуме. Откровенно говоря, на нее было наложено табу существовавшими в истории чеченцев режимами. Вопросы генеалогии чеченцев затрагивались, причем в строго «регламентированных рамках» правящей верхушки.

В настоящее время благодаря мудрой политике, проводимой Главой Чеченской Республики, Героем России, настоящим патриотом нашей Великой страны, стало возможным и поощряемым обращение народов к своим корням, освещение истории, этнографии не только чеченцев, но и всех этносов, проживающих в Чеченской Республике.

Для меня как чеченца, как ученого-этнолога стало знаковым событием его обращение к научному сообществу на недавней встрече с профессорско-преподавательским составом вузов Чеченской Республики.

Он призвал нас всех, кому не безразличны свои корни, изучать историю своего народа, своего рода, своего села. Он отметил, что у чеченцев принято обязательно знать свою родословную и имена предков до седьмого колена, что это долг каждого из нас перед памятью наших предков.

Данная статья – это скромная попытка раскрыть важную тему, показать генеалогию чеченского этноса на примере крупного этнического общества Беной, к которому принадлежит мудрый политик, интернационалист, созидатель, руководитель региона, Герой России – Рамзан Ахматович Кадыров, сын Великого Ахмат-Хаджи Кадырова, первого Президента Чеченской Республики, Героя России.

На юго-востоке Чечни, в ее сердцевине – Нохчмохк (современный Ножай-Юртовский район), в верховьях рек Ак-сай и Яман-су (с тюрк. – *белая вода и плохая вода*. – Л. Г.), в котловине, окруженной буковыми лесистыми горами до самого Андийского хребта, сотни лет лежат больше десятка монотайповых поселений. Этот живописный уголок является этническим обществом Бена, который граничит на севере с Энгана и Гендаргана, на западе – с Даьргла (Веденский район), на востоке – с Даттах, на юге от него через хребет находится андийское село Гагатли (Республика Дагестан). Близкие соседи – дагестанцы называют это место Баян или Баини, а русскоязычное население Чечни – Беной.

По мнению А. Сулейманова, утвердившийся в литературе термин *бен* – гнездо, откуда якобы произошло *беной*, неприемлемо, так как на территории Чечни отмечено более двух десятков Бена, рельеф которых не напоминает гнезда [1, с. 330]. Вообще-то многие беноевцы эту точку зрения не разделяют.

Общеизвестно, что беноевцы – самый крупный из 164 тайпов в чеченском этносе, которые долгое время играли заметную роль в судьбе и общественной жизни народа. Беноевцы в силу различных многочисленных трагических причин широко расселились почти во всех населенных пунктах на равнине и частично в горах.

Исторически Беной, собственно, состоит из следующих монотайповых хуторов и отселков: Бенойн Ведана – «Бенойцев ровное (плоское) место» к западу от центра, на левом берегу реки Яьсси; Оьси юрт – «Оси поселение» – западная окраина (Оьси могло выражать как собственное имя, так и указательное *оьсси*, *оьссира* – туда, откуда); Ыожа юрт – «Яблоневоe поселение» – западная часть Бена; Котьрен Бена – «Ястребиное Бена» – хутор в двух км к западу; Гуьржийн мохк – «Грузина владение (страна,

место)» – в одном км. к западу от Беноя. О нем существует следующее предание. Во время набега на соседнюю Грузию беноевская дружина привезла грузинского мальчика. Подрастая, маленький пленник приобрел большую известность среди своих сверстников и взрослых своей силой, находчивостью, ловкостью, красотой. Он стал равным членом общества, в жены ему дали красавицу, выделили землю и помогли построить дом, дали рабочих волов, корову, коня. Впоследствии, когда семья грузина разрослась, выделились отселки, разросся и хутор. Тогда бенойцы называли это место Гуьржичун мохк.

Пхъачу – «Поселение» – расположено в двух км. к северу от центра. Это древнейшее поселение в обществе Бена, в котором обнаружены древние могильники. Представители соседних обществ Гендаргана и Энгана также называют Пхъачу в числе своих «родовых владений» и считают его своим древним очагом. Такое обстоятельство вызывает интерес в том смысле, что указанные этнические общества могут быть генетически родственными.

Оъла махка, О-махка (Ола махка, О-махка) – «Ола владения, О-владения» – хутор в трех км к юго-востоку от центра. (Собственное имя «Оъла» не встречается в вайнахской антропонимии). Вероятно, распространено было «эла махка», что означает «князя (феодала) владения», или «О-махка», что может выражать указательные местоимения: это, то, тот.

Вполне возможно, что в данном случае «оъла» – метрологический термин. Как пишет Т. М. Шавлаева, в метрической системе чеченцев имеет место мера – «оъла», для измерения всего того, что собирается в кучу – зерно, дрова, тыква, картофель и др. Они даже различались по занимаемой площади и объему [2, с. 138].

К тайпу Беной относятся и другие хутора: Денги-юрт «Поселение» (в одном км к югу от Бена. Денги – собственное имя); Льюма арц «Львиная гора» (в пяти км. к югу от Бена); Стерчийн керташка «Волов ограде к» (в 5 км к югу от Бена); Булг'ат ирзие «Булгата поляна» (в шести км. к востоку от Бена); Чилла к'лажа «Цикады пятачок» (на западе от Бена) [1. С. 330].

А теперь коротко остановимся на микропонимии Бена, которая подтверждает древность беноевского тайпа. Как известно,

топонимия – закодированная в древних названиях память родной Земли, судьба которой неразрывно связана с судьбой проживающего на ней народа. Так, название Горга лам могло обозначать «Круглая гора». Цолта «Цая (божества огня) возвышенность» – живописный холм на западе Бена, на котором обнаруживаются древние могильники.

Урочище Хьеха тле – «Пещерой над» – расположено в районе Гуьржийн мохк, на западе. Легенда гласит, что в Цолта и Хьеха тле жили два нарта. У них на двоих были один каменный топор, одна зернотерка, один лук и одна стрела. Каждый из них, сделав свое дело, бросал другому все эти предметы. Тот, который жил в местечке Хьеха тле, втайне замыслил завладеть всем богатством. Когда нарт, который живет в Хьеха тле, кончив свое дело, стал бросать вещи другому, он перебросил зернотерку, топор, а потом пустил в него стрелу из туго натянутого лука и пробил нарту из Цолта сердце и убил его. Так опустел Цолта.

Легенда представляет интерес в том смысле, что в ней говорится о предметах каменного и бронзового периода. В урочище Хьеха тле, а также и Пхьачу обнаруживаются древние могильники и предметы каменного века – кремневые скребки, ножи, топоры, бусы из зубов различных диких животных.

Зарга-зале – это живописное место на севере Бена, на котором был древний стадион для военных и спортивных игр. (*Зарг* – щит, *зал* – гребень хребта. Щит – хребет; Бляла хьех – «Войск пещера» – на юге; Зударийн лам – «Женщин гора» – на юге. Это древнее культовое место, куда собирались лишь одни женщины в период весеннего цветения; Гьоза тухучу – «Коновязь, где прибывают» – на юге, на подъеме к хребту Шоьрча глоне. В древние времена коновязь делали из меди и бронзы. О материале говорит и само название – *гоьза*, от *гез* – бронза. Позднее ее украшали рогами тура, оленя, барана. Вероятно, это было культовое место, куда приезжало много паломников. Здесь же мог собираться и Совет Страны (Совет Мудрецов).

Боьрзанан ков – «Бронзовые ворота» – узкий проход между высокими скалами на юге Бена в горах. Через эти ворота якобы не может пройти человек, совершивший грех или другое престу-

пление. Возможно, это было место испытания подозреваемого в преступлении – воровстве, убийстве и т. д. По легенде преступника эти скалы не пропускали. Они сходились и сплющивали его. Невинный мог свободно проходить.

Терга-дукъ – «Щит-хребет» – хребет, тянувшийся с юга на север между реками Яьсси и Ямсу. На склонах Тергадукъ разместились Бена, Гендаргана, Энгана, Сесана, Айти мохк, Билта, Була-хитла, Замай-юрт, Глалайтли и др. [1, с. 331].

Поселенцев этих мест называют беноевцами (чеч. – беной). Его представители поддерживают тесные взаимоотношения, где бы они ни находились, искренно и бескорыстно стараются помочь друг другу в случае опасности или нужды.

Тайп беной входит в тукхум Нохчмахкахой, являющийся ядром чеченского этноса, и делится на 9 крупных и основных ветвей (некъе):

1. Онжби-некъе;
2. Жоби-некъе;
3. Iасти-некъе;
4. Ати-некъе;
5. Чопал-некъе;
6. Очи-некъе;
7. Доввши-некъе;
8. Эди-некъе;
9. Гуьржмахкахой.

М. А. Мамакаев отмечает, что Беной и ЦІенторой – отдельные тайпы из нохчмахкхойского тукхума, они «настолько сильно увеличились, что давно уже забыли о своём первоначальном кровном родстве», и брак между ними стал обычным явлением. «...Нохчмахкхойцы своей древней родиной считают Нашха (местечко в районе Галанчож), хотя с незапамятных времён и живут на территории своего нынешнего поселения». Далее тот же автор пишет, что «выйдя за пределы своей древней земли, представители этих тайпов, уже, по крайней мере с XVI века, стали расселяться по другим районам современной Чечни. Трудно найти в наше время населённый пункт, где бы не было представителя, например, беноевцев» [3, с. 22].

В тайпе Беной все его представители считаются равными и нет среди них деления на лучшие и худшие гары и некъе (сегменты тайпа). Люди одного гара считаются родственниками (гергара нах). После расселения беноевцев в других аулах от больших гаров стали отпочковываться более мелкие некъе, имеющие название по имени первопоселенцев или отдельных долгожителей в роду. К примеру, в гар Жоби-некъе сейчас входят Жалпар-некъе, Джонха-некъе, Иски-некъе, Щаци-некъе, Литги-некъе и другие [4, с. 100].

Как было отмечено, Беноевцы – самый влиятельный и крупный по численности тайп в Чечне. Они долгое время играли, да и сейчас играют ведущую роль в общественной жизни народа. Они широко расселились в равнинных селах и других населенных пунктах Чечни. Наиболее крупными общинами беноевцы живут в родовом Беное, Шелковском и Гудермесском районах, селениях Гехи-чу, Новые Атаги, Шалажи, Гойты, Алхан-Юрт, в г. Шали и других населенных пунктах. Больше всего беноевцев несколько веков живут в г. Урус-Мартан. Там они представлены ветвями: Жоби-некъе, Довьши-некъе, Чопал-некъе, Гуьржмахкахой, Кхай-некъе и т.д. Представители тайпа Беной компактно проживают не только в Чеченской Республике, но и в Республиках Дагестан (часть из них здесь ассимилирована кумыками), Казахстан, Кыргызстан, в Иордании, Турции, Саудовской Аравии и в других странах.

Согласно полевому материалу, в чеченском представлении истинный беноевец (цлена бено) выглядит как человек крупного телосложения, высокого роста, с большими ногами (есть даже поговорка «баккхий когаш болу беной»). Отличительная черта беноевцев – это чистосердечность, доверчивость к людям и спокойный нрав, самокритичность. «Но если беноевца выведешь из себя, то его ничем не остановишь», – говорят в народе. Тому немало примеров из жизни чеченцев.

Отвечая на наш вопрос, что можно сказать о беноевском тайпе с профессиональной точки зрения этнографа/этнолога, Гранд-доктор истории Т.М. Шавлаева сказала дословно следующее: в народных сказаниях и притчах, как правило, подчёркивается бесхитрость, щедрость, прямолинейность и мужество

беноевцев. Внутри чеченского социума беноевцы имели положительное реноме. Согласно социальной оценке, им не были свойственны такие негативные черты, как коварство и подлость. Беноевцы пользовались доверием народа, их любили за доброжелательность. Как известно, в народной среде имеют место шуточные высказывания в адрес любого чеченского тайпа без исключения. Подобные шутки относительно беноевцев, типа, упрямые, «большешелاپые», найденные в гнезде (т. к. бен (чеч.) – это гнездо), не имели злобного умысла, а носили только юмористический характер, вполне допускаемый в чеченском обществе. Зная это, они и не обижались. Более того, эти и другие шутки о себе беноевцы сами охотно и озвучивают.

В местности Бена, как и во всей Чечне, люди живут с древнейших времен, по крайней мере, на протяжении сорока тысяч лет, со времен, когда люди пользовались еще каменными орудиями труда. Об этом говорят случайные находки каменных орудий труда в Беное и его окрестностях. К сожалению, пока никто из археологов еще не занимался здесь раскопками.

Бена – очень древнее чеченское селение. Что означает его название, пока точно никто не знает, но известно, что древнейшее государство Урарту на территории Закавказья на языке урартов, язык которых был схож с современным чеченским, называлось «Биайна». Некоторые ученые считают, что беноевцы – потомки урартов (проф. К. Чокаев, Л. Бабахян). По беноевским арабоязычным тептарам и генеалогическим преданиям стариков, беноевцы, как и другие родственные им чеченские тайпы (цлонтарой, гендергеной, энганой, зандакьой, билтой, лалларой, гуной, белгла-той, курчалой, харачой, эрсаной и другие), являются потомками сирийского шахиншаха (царя) Сайд-Али-аш-Шаами и, попав на Кавказ, поселились в X веке нашей эры в местности Нашха (Галанчожский район), откуда переселились в Махкеты, затем на реку Аргун и оттуда легендарный родоначальник беноевцев Биан через Тевзана переселился в место, где основал свой аул Бена более 1000 лет назад [2, с. 99]. Автор с таким мнением не согласен и считает, что чеченцы являются аборигенами и автохтонами Кавказа.

Это подтверждают и нашхойцы (Саламат Гаев, 70 лет и др.), указывая место, где проживали предки беноевцев. Оно находится в Галанчожском районе у бывшего нашхоевского аула Моцкъара и называется «Бена-кха». После расселения беноевцев на равнине, Тереке и в горах Чечни появляется много одноименных хуторов и сел: Бени-Юрт (Надтеречный район), Бенойн Атагла (Жима Атагла – Новые Атаги, Шалинский район), Бена (Шатоевский район), Бенойн к1отар (Урус-Мартановский район), Бенойн арц (Шалинский район) и т. д.

Селение Беной упоминается и в старинных арабоязычных источниках (тептарях) других народов. Селение «Баяни-Юрт» упоминается в книге об истории Дербента «Дер-бент-Намэ». О Беное упоминается также в книге 1-й половины XV века аланского путешественника и мусульманского миссионера Аздина Вазар [4, с. 100].

В ираноязычных источниках начала XVII века аул «Баян, где находится нефтяной колодец», упоминается как селение, на которое претендовали эндерийские князья (так же как на Аух и Салатавию). Борьба беноевцев с кумыкскими князьями в XVIII веке привела к тому, что в споре за гору Бенойн лам (гора беноевцев) беноевцы убили князя Хамзатхана, о чем стало известно российской администрации в Кизляре [2, с. 98].

Множившееся население Беноя вынуждало беноевцев переселяться на другие земли, где, живя своими общинами, они начинали играть заметную роль в социально-политической жизни чеченских селений. Так, по русским источникам, с середины до конца XVIII века в ауле Алды представители тайпа беной играли ключевую роль, а беноевец Ада долгое время был старшиной селения Алды, возглавляя борьбу алдынцев против князя Турлова. Кроме того, некоторые беноевцы, переселившиеся от малоземелья или по причине кровной мести на другие земли, смешивались с другими народами, основывая среди них новые фамилии. Так, по преданиям, андийцы происходят от беноевцев. Некоторые кумыки говорят о том, что их предки происходили из Беноя. Потомки беноевцев есть среди ингушей (Ахильговы, Цицкиевы и часть Джамбулатовых) и казаков [2, с. 101].

По данным беноевских тептаров, жители селения Беной одними из первых в горной Чечне приняли ислам. По крайней мере, один из беноевских предков Хурсул, живший в середине XVI века, уже считался мусульманином. В Беное Курчалойский Берс-шайх, женившийся на беноевке, принял ислам. Беноевцы активно участвовали в распространении ислама в Нохчмохке. А. Берже в своей книге «Чечня и чеченцы» называет тайп Беной среди коренных чеченских узденских фамилий [5, с. 30].

Из беноевцев вышли выдающиеся политические и государственные деятели, учителя, врачи, ученые, богословы, журналисты, рабочие, военные, артисты и другие, которые хорошо известны не только в Чеченской Республике и Российской Федерации, но и за их пределами. Большой гордостью чеченцев, России и мира являются первый Президент Чеченской Республики, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров, его сын Глава Чеченской Республики, Герой России Рамзан Кадыров, Председатель Совета Улемов Чеченской Республики Шейх Хож-Ахмед-Хаджи Кадыров.

В республике хорошо известны: депутат Государственной Думы Российской Федерации, доктор политических наук Адам Делимханов; известный кавказовед, доктор исторических наук, профессор, академик, президент Академии наук ЧР Шахрудин Гапуров, военный летчик Хайрудин Висангариев из Беноя; Ислам Кадыров, мэр г. Грозного из с. Хоси-Юрта; писатель Саидбей Арсанов и кандидат юридических наук, философ Адам Дудаев из Новых Атагов; писатель, основоположник чеченской советской литературы Саид Бадиев, художники Иса Ясаев и Харон Исаев, форматор по художественной скульптуре Дока Джабраилов, директор этнографического музея «Донди-юрт», заслуженный работник культуры Чеченской Республики Адам Сатиев, главный режиссер русского драматического театра им. М. Ю. Лермонтова Али Майрсултанов, боксер-профессионал, мастер спорта международного класса Альберт Гучигов, заслуженный учитель ЧИАССР Али Джанаралиев; писатель, кандидат филологических наук Лема Ибрагимов; заслуженный учитель РСФСР Адлан Ясаев из Урус-Мартана; оперный певец Мовсар Минцаев из Бено-Юрта Надтеречного района; известные общественные и политические

деятели Лечи Умхаев и Шамиль Бено, бывший министр легкой промышленности и вице-премьер Правительства ЧР Муса Дошукаев, бывший министр социального обеспечения ЧР Ваха Магоматов, бывший министр культуры ЧИАССР Ваха Татаев («большой министр в маленькой Чеченской Республике») из Толстой-юрта, Мулаев Имран – бывший зам. председателя Совмина ЧИАССР и многие другие. Особо следует отметить следующих легендарных личностей: наиба имама Шамиля Байсангура Беноевского и абрека Вара, сподвижника Великого гуманиста, эвлия (святого) Кунта-Хаджи Кишиева.

С хорошей стороны показали себя беноевцы-мухаджиры, оказавшиеся в Иордании. Из беноевцев на чужбине были: министром путей сообщения Саид Бено, заместителем начальника таможенной службы Амин Бено, бригадный генерал Абдул-Латиф Саид Батал (бывший военный атташе Министерства Обороны Иордании в СССР), Самах Муса Бено, Сами Абдель-Хади, Абдал-Межид (генералы в отставке). Мустафа Мусса Бено, генерал медицинской службы госпиталя им. Короля Хусейна Хашимитского Королевства Иордании; Алаутдин Мухаммад Отчгар, полковник, начальник ПВО ВС Иордании, Усман Халид Бено, бывший депутат парламента Иордании, Муса Юнус Бено, мэр г. Сувелех, Адаль Мухаммад Тахир Бено, доктор экономических наук, эксперт ООН, Мурад Бено, доктор химических наук, академик АН Хашимитского Королевства Иордании и многие другие.

Нами выявлено более 50 ярких имен беноевцев, прославивших чеченский народ в XIX-XXI вв. как в нашей стране, так и за рубежом. Однако формат данной статьи не позволил нам всех их перечислить. Их деятельность заслуживает персонального внимания ученых.

Беноевцы в чеченской общине Иордании и других стран Ближнего Востока составляют наиболее влиятельную часть. Со многими из них мне повезло встречаться благодаря моему брату Ходжа-Ахмеду, востоковеду-арабисту, в прошлом дипломатическому работнику Посольства СССР в Иордании и военного атташе СССР в Йемене.

Здесь же подчеркиваем, что вся история беноевцев, где бы

они ни находились, является неразрывной частью истории чеченского народа. Народная мудрость гласит: «Если корень кривой, то и всходы бывают кривыми». Нам всем необходимо разумно и энергично беречь славные корни наших предков.

Использованные источники и литература

1. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный, 2006.
2. Shavlaeva T. Traditional Metrology Chechens. The First International Conference on History and Political Sciences. 24 th March, 2014. Vienna, 2014.
3. Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009.
4. Хожоев Д. Роль тейпа Беной в истории чеченского народа. Грозный, 1993.
5. Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Д. М. Дасаниа
(г. Сухум, Абхазия)

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ АБХАЗСКИХ ФАМИЛИЙ

Институт «фамилия» (ажвла) у абхазов. Традиционный институт «фамилия» у абхазов с давних времён известен под названием «ажвла», что по смыслу соответствует понятию «семья». Термин «ажвла» в абхазском языке означает и архаический род, и фамилию, занявшую у абхазов место архаического рода. В понимании абхазов род, как и фамилия, является союзом кровных родственников, ведущих своё происхождение от общего предка или корня.

Строго научного определения термина «ажвла» (фамилия) в абхазоведении до сих пор не существует. Имеющиеся толкования данного термина указывают лишь на отдельные его характеристики, но не раскрывают его полного значения. По нашему же мнению, «ажвла» (фамилия) – это объединение близких родственников, считающихся «людьми одной крови и вены», ведущих своё начало от одного предка или корня, сохраняющих в той или иной форме общественное и идеологическое единство и носящих общее наименование.

Абхазы считают, что каждый абхазский род обладает своим эксклюзивным, только ему характерным семейным именем. Своими однофамильцами и, исходя из этого, кровными родственниками абхазы считают всех носителей их семейного имени,

находящихся как в составе своего народа, так и в составе чужой этнической общности.

Ажвла (фамилия) характеризуется: 1) предполагаемым или реальным единством происхождения; 2) строгим соблюдением правил экзогамии, распространяющейся на все виды кровного родства; 3) идеологическим единством, проявляющимся в обладании своим особым наименованием; 4) общностью территории, семейного культа, кровной мести и обычая гостеприимства; 5) организацией коллективной взаимопомощи её членов во всех важных случаях жизни; 6) наличием общесемейного знака (тамги); 7) существованием у семейной группы запретных дней различного происхождения.

Семейное имя принадлежит фамилии и передаётся внутри её группы от одного поколения к другому. Однофамильцы считают и называют себя близкими родственниками, братьями и сёстрами, даже в том случае, когда не помнят из-за давности лет реальной генеалогии родства.

Более или менее многочисленные абхазские фамилии подразделяются на «абипары» (патронимии). Абипара (патронимия) – это патрилинейная родственная группа, образовавшаяся в результате сегментации одной большой семьи, ведущая своё происхождение от реально существовавшего предка, обладающая своим особым наименованием и сохраняющая, в отличие от фамилии, более тесное хозяйственное, общественное и идеологическое единство. Наименование «абипары» (патронимии) образовывается в основном, от имени предка-родоначальника в сочетании с окончанием «-ипа» в значении «его сын». Предок фамилии, как правило, отстоял от ныне живущих людей на четыре-семь поколений.

Абхазские фамилии по своему внутреннему составу распадаются на две группы: 1) группу фамилий без разделения на патронимии (это т.н. апатронимичные фамилии), и 2) группу фамилий, состоящих из патронимий (патронимичные фамилии). К первой группе в основном относятся малочисленные, компактные фамилии, основной костяк которых проживает в каком-то одном селении, где они численностью, пусть не намного, но преобладают над остальными. Эти фамилии в подавляющем большинстве

сохраняют «чистоту» своей группы. В их среде почти нет лиц, воспитанных ими со стороны и, таким образом, не по «праву крови», с точки зрения абхазов, носящих фамильное имя. А если и есть в составе этой группы воспитанники, то их численность чрезвычайно мала, и они не играют внутри фамилии какой-либо заметной роли. Ко второй группе в основном относятся многочисленные фамилии, компактно проживающие в одном крупном или в нескольких небольших селениях, расположенных в нескольких регионах Абхазии.

Генеалогические институты абхазов отличаются ярко выраженной геронтофильной и даже геронтократической ориентацией. Однако геронтофильность абхазской этнокультурной традиции не носит абсолютного характера, так как, согласно И.И. Крупнику, «наличие в генеалогических институтах глубоких стариков является престижным, но не необходимым, поскольку в повседневной жизни решения принимаются обычно более активными людьми среднего и пожилого возраста, а все наиболее важные проблемы обсуждаются на групповом уровне при участии всех или большинства мужчин и нередко старших женщин, сохраняющих и после замужества определённую роль в делах своей прежней генеалогической единицы» [1].

Характерной особенностью всех генеалогических институтов абхазов является экзогамия – запрет браков в пределах одного коллектива (семьи, патронимии и фамилии). Экзогамия характерна и для фамилий, объединённых в рамках одного «братства» (ай-ащара). Но они более всего действуют в отношении именно тех фамилий, которые объединены в «братстве». К примеру, парень из фамилии А и девушка из фамилии Б не входят по отцовской линии к одному «братству». Но в одно и то же «братство» относятся фамилии их матерей, которые, тем не менее, не совпадают по имени. В соответствии с абхазскими обычаями, брак между А и Б не может быть заключён. Но на самом деле в Абхазии такие случаи бывают. И близкие родственники чаще закрывают на это глаза, при этом они просто разводят руками, дескать, «а что мы можем?», «некрасиво, да, но им с этим жить».

Экзогамные ограничения охватывают отцовский род, распро-

страняются на роды матери, бабушек и даже прабабушек, как по отцовской, так и по материнской линии. Строгие запреты действуют в отношении представителей двух фамилий, происходящих от одного родоначальника или единого корня (айашара); приёмных детей другой национальности, если они воспитывались и носят фамилию своих приёмных родителей; лиц, которые в силу определённых обстоятельств вынуждены были принять фамилию своей матери или бабушки по материнской линии; людей, связанных узами искусственного родства, в частности молочного родства, побратимства и воспитательства. Достаточным основанием для запрещения заключения брака между представителями двух родов могло стать бытование предания об их старинном однокоренном родстве.

Социальный статус абхазских фамилий. Сила и слабость, богатство и бедность абхазских фамилий, уровень их социального статуса в обществе издревле зависели от отношения однофамильцев к неписаному моральному кодексу абхазов «апсуара» (абхазству), от соответствия их духовного мира и деятельности с понятием об «апсуаре» (абхазскости) и от целого ряда факторов, среди которых наиболее значимы: 1) соблюдение фамилией всех норм и правил абхазства; 2) численность, устойчивость и степень организованности однофамильцев; 3) знание однофамильцами своей родословной; 4) древность и «чистота» происхождения; 5) отношение однофамильцев к правилам экзогамии, гостеприимства и долгу кровной мести; 6) наличие у фамилии развитого родового культа и фамильного знака.

Истоки социального статуса древнейших абхазских родоплеменных групп следует искать во времени перехода от матриархата к патриархату, усложнения структуры рода и становления новых форм отношений. В то далёкое время главенство в родовых общинах начинают занимать умудрённые опытом мужчины, представлявшие старшее поколение группы. Важнейшими качествами первых общинных лидеров считались жизненный опыт, знание традиций и обычаев, организаторские способности, культовые знания, обладание воинским искусством, щедрость, красноречие.

С объединением родов в племя появляется первая наиболее

влиятельная племенная знать, принадлежащая к авторитетной и многочисленной родовой группе. Лидера племени уже не выбирали. Он становился им благодаря своему высокому престижу, создававшему ему множество сторонников из числа сородичей и сообщинников. Потомки племенных вождей в более позднее время становятся представителями высшего сословия князей и дворян. Юридическим обоснованием их прав и привилегий было происхождение от бывших племенных вождей.

Привилегированному сословию для сохранения и упрочения своих сословных и владельческих прав было необходимо самым серьёзным образом позаботиться о культе своих родовых и патронимических предков. Народы Кавказа, среди которых бытовал этот культ, должны были чётко знать свои генеалогические корни, до мельчайших подробностей помнить историю своей фамилии и историю жизни реальных родоначальников своей группы, особенно тех эпизодов, которые, в частности у абхазов, были связаны с проявлениями «апсуары» (абхазства) со стороны предков. Исходя из этого, представители привилегированного сословия старались не терять своей родословной. Они цепко держались счёта своего старшинства, а значит древности, благородства и знатности своего рода.

Многие другие родовые группы часто теряли свою родословную, «отрывались не только от своего ствола, но и от земли своих предков» [2]. Таким группам приходилось объяснять своё происхождение миграцией, даже если в действительности не было какого-либо значительного перемещения, и род проживал, если уж не на своей исконной территории, то, по крайней мере, на земле своего народа.

В то время как значительное большинство абхазских фамилий устойчиво приписывает себе аборигенность на территории Абхазии с незапамятных времён, часть абхазов выводят свою родословную из-за гор, реке – с того берега моря. Безусловно, миграционное содержание определённой части генеалогических преданий абхазов соответствует исторической действительности. В то же время, значительная часть таких преданий, несомненно,

вымышлена, так как, по словам С. Л. Зухба, тенденция выводить свою родословную за пределы занимаемой фамилией территории как-то, почему-то, в какой-то степени считалась престижной. Делалось это из-за стремления идеологически обосновать занятие или удерживание определённого привилегированного положения в обществе, стараний сделать своё происхождение загадочным или покрыть своё неведение о происхождении рода миграционным содержанием, что было проще и правдоподобнее [3]. Причём, указывая, например, на северокавказское происхождение своей фамилии, абхазы гораздо чаще отмечали её конкретно-адыгское происхождение, реже – от карачаевцев и осетин.

Вынужденная миграция в подавляющем большинстве случаев понижала уровень социального статуса мигранта. Так, например, самурзаканские «пиоши» (чистые, свободные крестьяне), мигрировавшие в Западную Абхазию, становились на новом месте зависимыми крестьянами из категории «ахоую». То же самое в основном происходило при перемещении мигрантов с запада на восток, а также с юга на север или же с севера на юг. Здесь под «севером» мы подразумеваем территорию Северного Кавказа. Известно, что под «севером» в историко-этнологической литературе часто подразумевается и внутренняя территория Абхазии, например, район высокогорного села Псху, откуда происходят многие абхазские фамилии Бзыпской и Абжуйской Абхазии.

На уровень социального статуса абхазских фамилий влияли определённые стереотипы восприятия в абхазской среде тех или иных фамилий. По словам известного кавказоведа, доктора исторических наук А. Б. Крылова, «большинство стереотипов восприятия чужих родов и фамилий сложились в прошлом и свидетельствуют о чрезвычайно развитом у абхазов чувстве исторической памяти» [4]. «Особенности нынешнего положения различных фамилий, – пишет А. Б. Крылов, – во многом обусловлены тем местом, которое они занимали в социальной структуре абхазского общества в прошлом. Принадлежность предков к былому высшему сословию Абхазского княжества продолжает служить предметом гордости для их потомков» [5]. Тем не менее, по замечанию

автора, в самом благоприятном положении оказались представители бывшего сословия свободных крестьян – анхаю, на принадлежность к которому не без чувства гордости указывают многие респонденты.

Одним из факторов, определявших и во многом по сей день определяющих уровень социального статуса абхазских фамилий, является чёткое исполнение абхазами всех правил и обязанностей, проистекающих из закона кровной мести. Кровная месть возникла как эффективная форма самообороны. Её обязанность была священна, так как в народе она воспринималась в качестве нерушимого закона чести. Долг кровной мести не знал принципа давности. Он переходил по наследству от отца к сыну и преследовал не только кровного врага, но и членов его фамилии. До совершения акта мести человек, на котором лежит этот долг, считался отверженным. Он должен был покинуть родной очаг и скитался по лесам и горам, не мог появляться в обществе, участвовать в каком-либо торжестве, заботиться о благоустройстве своей жизни, заниматься полезной деятельностью, вступать в брак [6].

Особенность социального устройства Абхазии. По особенностям социального устройства своего общества Абхазия была наиболее близка к адыго-убыхскому миру. Здесь не существовало феодальной собственности на землю. Свободные общинники из так называемой категории «чистых крестьян» (анхаю цкя) составляли почти всё население страны. Не было здесь и крепостного права, что ставило низшие сословия вне зависимости от привилегированных. Даже абхазские рабы (ахашвала), прослойка которых сформировалась в результате пленения людей в Западной Грузии и на Северном Кавказе, в условиях Абхазии имели право жениться и обзавестись своей семьёй, причём владельцы рабов наделяли их землей и утварью, после чего они переходили в условно зависимую низшую категорию крестьянства («ахоуя» или «агыруа»).

После распада Абхазского царства в Абхазии появилось два рода князей, из которых первый состоит из представителей рода Чачба, а второй – из всех остальных княжеских родов. Князья из рода Чачба были наиболее могущественны. Наиболее старинны-

ми и уважаемыми считались князья из фамилий Ачба, Маршан, Инал-ипа, Дзапш-ипа, Эмхаа, Чаабалырхуа, Чхотуа. Исконными и наиболее влиятельными из дворян считались представители 11 фамилий, из которых старинными являлись Званба, Маан и Лакрба. Дворяне из других фамильных групп распадались на несколько категорий, среди которых немало было тех, кто в народе носил насмешливые наименования типа «короткий дворянин» (аамста кятж) или «застрявший в грязи» (хунтзвылаха).

Между княжеско-дворянским сословием и сословием крестьян в Абхазии имелась небольшая по численности прослойка так называемых «ашнакума», которые пользовались правами мелкого дворянства и появились в Абхазии не ранее конца XVIII – начала XIX веков. Сам термин «ашнакума» происходит от грузинского слова «шинакма», что означает «домашний раб». По словам Ш. Д. Инал-ипа, «шинакмы (или шинагмы) и другие прислужники прибыли в Бзыбский округ с упомянутой княжной Тамарой Даддани, которая была замужем за абхазским владетельным князем Сафарбеем в начале XIX века» [7].

Формирование представителей прослойки «ашнакума» в основном происходило за счёт выходцев из адыгских племён и Мегрелии. Численность представителей данной социальной категории в Абхазии была невелика. Она составляла в 1865 году от 910 человек до 1800 человек, претендовавших на принадлежность к категории «ашнакума». Статус «ашнакумы» считался выше статуса крестьянина из категории «анхаю», однако сами «чистые» крестьяне не признавали особых привилегий представителей этой прослойки. Более того, роль прислуги и надзирателя, которую «ашнакума» выполняли в имениях князей, вызвала у свободных крестьян чувство отвращения к их обязанностям. При всём при этом фактическими представителями прослойки «ашнакума» являлись, согласно существующим материалам, далеко не все представители той или иной фамильной группы, причислявшей себя к этому классу.

Среди всех представителей фамилии Пириа, причисляющих себя к категории «ашнакума», членами данного сословия могут

считаться только те, которые являются потомками Джогория Пилиа. А на звание «ашнакума» среди фамилии Гублиа имеют право «только потомки Софыджа», абрека, создавшего шайку разбойников, но «обласканного» последним владельцем Абхазии Михаилом Чачба-Шервашидзе и тем самым привлечённого к службе. Остальные же члены фамилии Гублиа «не имеют никакого права считать себя шинагами и должны оставаться в том же звании анхае, и до и после выхода Софыджа в абреки и поступления его на службу владельца» [8].

Представители крестьянского сословия «анхаю», численность которого в рамках всего крестьянского сословия до второй половины XIX века доходила до 90 и более процентов, зорко оберегали народный обычай от посягательств со стороны высших сословий. Гордясь своим чисто крестьянским происхождением и отказываясь от дворянских титулов, они во многом идеализировали легендарное прошлое, отмечали порочность века князей Чачба и прославляли век князей и царей Ачба.

Иначе обстоит дело с потомками зависимых сословий из категорий «ахоую», «амацуразку» и тем более «ахашвала». Сегодня они в тоне, не терпящем возражений, утверждают о своём «чисто» крестьянском происхождении. Причём любое сомнение собеседника в их принадлежности к указанному сословию они воспринимают как тяжкое оскорбление. А их соседи, односельчане и просто знакомые «во избежание конфликтов предпочитают не затрагивать этой опасной темы в присутствии представителей бывших зависимых сословий» [9].

Высшие и низшие сословия были связаны молочным родством (аталычество), сущность которого состоит в том, что ребёнок из привилегированного сословия вскоре после рождения отдавался на воспитание в крестьянскую семью. Непременным условием для установления между фамилиями аталыческих связей являлся факт отсутствия генетической близости между аталыком и воспитанником. Тем не менее, некоторыми полевыми материалами отмечаются немногочисленные факты родства по аталычеству представителей одной и той же фамилии.

Многие зажиточные крестьяне из категории «анхаю» старались никого не воспитывать, отказываясь от предложений взять на аталыческое воспитание детей представителей княжеско-дворянского сословия. Такое поведение крестьян свидетельствует о силе и влиянии их класса. Тем не менее, в Абхазии более характерно обстоятельство, при котором княжеско-дворянские и крестьянские фамилии становились родственниками, связанными по аталычеству на протяжении жизни большого числа поколений. В случае ослабления аталыческих связей представители сторон старались возобновить родство по аталычеству, повторно воспитав кого-нибудь из той же родственной фамилии.

Между фамилиями, связанными аталыческими узами, действовали строгие брачные ограничения. Такие ограничения, например, действовали в селе Звандрипш Гудаутского района в отношениях между княжеской фамилией Чаабал и крестьянской фамилией Дасания. По рассказам местных информаторов, в частности Дасания Сократа Алексеевича, союз фамилий Дасания и Чаабал вначале возник вследствие близости их фамильных характеров. Причём эта близость была установлена между ними несмотря на то, что представители фамилии Дасания были известны в народе как ненавистники князей и дворян. Говоря о взаимоотношениях указанных фамилий, следует отметить, что, исходя из аталыческих взаимосвязей, в присутствии представителей первой фамилии носители второго фамильного имени вели себя как «младшие» перед «старшими». В частности, они не садились в присутствии старших и даже младших представителей фамилии Дасания, не обходили их спереди, не перебивали, не произносили тост раньше них, первыми подавали им воду для омовения рук перед застольем и т.п. При этом Чаабаловы подчёркнуто заявляли, что все носители фамилии Дасания являются их самыми дорогими и уважаемыми воспитателями.

Время появления первых абхазских фамилий. Знакомство с генеалогическими преданиями и фольклорными материалами позволяет утверждать, что происхождение подавляющего большинства абхазских фамилий сравнительно древнее. В историко-этно-

логической литературе бытует мнение, что одним из первых народов мира, у которых возникли фамилии, являются франки. Иной точки зрения придерживается грузинский ученый П. А. Цхадаиа. Отметив, что, согласно распространённому мнению, фамилия возникла в Италии в XI веке, упомянутый автор утверждает о сложении родового имени (фамилии) у грузин в раннефеодальную эпоху и завершении этого процесса в VII-VIII веках. А к IX веку, согласно П. А. Цхадаиа, грузинская фамилия как антропонимическая категория уже была окончательно сформирована [10].

О древности происхождения фамилии у абхазов свидетельствует сама терминология абхазского языка. На это указывает и родство в абхазском языке понятий «фамилия» и «народ». «Фамилия» по-абхазски звучит как «ажвла», а «народ» – как «ажвлар», что в буквальном смысле означает «фамилии».

Интересно отметить, что модель, напоминающая современную абхазскую структуру образования фамильного имени, бытовала несколько тысяч лет назад на территории древней Анатолии. В частности, отметив модель образования абхазских патронимических имён путём сочетания имени родоначальника рода с формантом «-ипа» – «его сын» («-ипа», «-па», отсюда и фамильный формант «-ба»), Ш. Д. Инал-ипа обратил внимание на характерное сходство этой модели с формой образования хаттских (протоабхазо-адыгских) племенных названий типа Хутпа и Касипа, обитавших в Малой Азии в IV-III тысячелетиях до нашей эры [11].

Как известно, начало письменной фиксации абхазских фамилий относится к XI веку. Наиболее ранним источником, впервые зафиксировавшим фамильное имя абхазских владельцев из рода Чачба в грузинизированной форме «Чачас-дзе» и упомянувшим предводителя абхазских войск Куабулела Чачас-дзе Отаго, является «Летопись Картли» (Матианэ Картлиса) – одно из значительных сочинений в своде древнегрузинских летописей «Житие Картли» («Картлис цховреба»).

По мнению грузинского учёного XVIII века царевича Вахушти Багратиони, предки князей Бараташвили в лице Качибадзе, возможно, прибыли из Абхазии ещё в X веке [12]. Историк С. Н. Джа-

нашиа в одной из своих работ, подчёркивая абхазское происхождение носителей фамилии Бараташвили, пишет, что они происходили от Качибадзе-Гечба [13].

Качибадзе – это грузинизированная форма фамильного имени западноабхазских князей Гячба (Гъачба). Ассимиляция Гячбовых в грузинской среде, скорее всего, проходила в течение не одного десятка лет. Фамилия Гячба, безусловно, древнее фамилии Чачба, однако Гячба – это всё же далеко не самая древняя абхазская фамилия. Согласно преданиям абхазов, одной из самых древних и знатных абхазских фамилий является Ачба. По мнению профессора Ш. Д. Инал-ипа, «основатель Абхазского царства и другие национально-абхазские цари (апсха) принадлежали к роду Ачба» [14]. Напомним, что Абхазское царство образовалось во второй половине VIII века. Аргументируя своё утверждение, Ш. Д. Инал-ипа указывает на несколько фактов: 1) апсилы и абазги, согласно Агриану и Прокопию, выбирали себе правителей из местной знати, а согласно единогласному свидетельству исторических преданий, наиболее древним, многочисленным и влиятельным абхазским феодальным родом является именно Ачба; 2) существовавшая в средневековой Абхазии повинность или пеня в пользу феодалов называлась термином «ачбыр», что в дословном переводе означает налог или плату «в пользу Ачба»; 3) весьма характерным является абхазское выражение: «Не сказав Ачба, не скажешь Чачба».

Интересно, а является ли фамилия Чачба изначальной формой фамильного имени великокняжеского рода? И насколько взаимосвязаны фамилии Ачба и Чачба? В этой связи весьма примечательна заметка А. Н. Введенского, который отметил буквально следующее: «Абхазцы утверждают, что Ачба на старом их языке значит князь, а Чачба над князем князь» [15].

Вот ключ к разгадке значения фамильного имени абхазских владетельных князей: Ачба – это «князь» на старом абхазском языке, а Чачба – «над князем князь». Это означает только одно, что фамильное имя Чачба представляет собой редупликацию основы имени «Ачба» уже после того, как фамильное имя Ачба стало титульным именем, означающим «князя». Таким образом, нам

становится ясно, что Ач-ач-ба – это «сын князя (стоящего) над князем». Итак, в средние века, судя по материалам, любого князя абхазы могли именовать как «Ачба» (например, «уи Инал-ипацва дрейуоуп, д-Ачбоуп» могло означать – «он из фамилии Инал-ипа, он Ачба», т.е. князь). Среди абхазов Турции вместо грузинского по происхождению слова «атауад» (князь) для обозначения княжеского титула обычно использовали фамильное имя наиболее могущественных абхазских князей Маршан. И потому фраза о князе из рода Инал-ипа в языке абхазов Турции могла быть произнесена так: «Уи Инал-ипацва дрейуоуп, д-Марщануп» («Он из фамилии Инал-ипа, он Маршан», т.е. князь).

Но возникло ли фамильное имя Ачба в форме «Ачба», или оно также прошло через трансформацию? Возникнув ранее фамильного имени «Чачба», «Ачба» также было искажено до неузнаваемости. На факт искажения фамильного имени Ачба указывают грузино-мегрельские формы его написания – Анчабадзе и Анчбая. Фамильное имя Чачба произошло от Ачба уже после искажения этого фамильного имени. Исключив из грузино-мегрельских форм написания фамилии Ачба неабхазские форманты, мы получаем первоначальную абхазскую форму фамилии Ачба – это Анчаба – Анчба, что означает по-абхазски «сын Бога», «сын Анцва (Анча)». Поэтому становится понятным, почему Ачбовых считают в народе древнейшими жрецами наиболее могущественных абхазских святынь. Традиции обожествления царской власти, генеалогически происходившей от сословия жречества, связанного с почитаемыми в народе святилищами (Аныха), и предопределили возникновение фамилии Анчаба – Анчба.

Если бы первоначальная форма фамилии Ачба не звучала как «Анцваба – Анчаба» и не означала «сын Бога», то средневековые грузинские авторы, прекрасно знавшие абхазскую религиозную терминологию, вряд ли зафиксировали бы её в форме «Анчабадзе». Самое известное абхазское слово того времени «Анцва (Анча)» неоднократно упоминается в работах грузинского царевича Вахушти Багратиони в форме «Анча». Согласно Багратиони, в Грузии также имелась «католикосовская», «большая без

купола» церковь Анчисхати. Вахушти также объясняет и содержание религиозного термина «Анчи». Согласно ему, Анчи – это обозначение храмовой иконы анчийской, находившейся в тифлисском Анчисхатском соборе. А, судя по подиконной надписи, она (икона Анчи) была привезена из Эдессы в Константинополь, «но когда Лев Исавр (717-741) и другие иконоборцы появились, тогда её привезли в Кларджети и поставили в кафедральной анчийской церкви» [16].

Подводя некоторые итоги в проведенном нами исследовании, где мы хотели приблизительно определить время возникновения фамилии Ачба, становится ясно, что она образовалась задолго до образования Абхазского царства в VIII веке. Но Ачба, Гячба и Чачба, возможно, далеко не самые древние среди абхазских фамилий. Но это подтверждает, что среди абхазов довольно высок процент древнейших фамилий, чьи корни и генетические основы из-за давности лет попросту не поддаются хронологической периодизации.

Использованные источники и литература

1. *Крупник И. И.* Структурно-генеалогическое изучение абхазского долгожительства // Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования. Москва, 1982. С. 63.
2. *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. Москва, 1961. С. 16.
3. *Зухба С. Л.* Типология абхазской сказочной прозы. Майкоп, 1995. С. 152.
4. *Крылов А. Б.* Постсоветская Абхазия. Традиции. Религии. Люди. Москва, 1999. С. 55.
5. Там же. С. 57.
6. *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965. С. 436.
7. Там же. С. 502.
8. *Антелава И., Дзидзария Г.* Материалы к истории Абхазского княжества. Тбилиси, 1953. С. 256.

9. *Крылов А. Б.* Постсоветская Абхазия. Традиции. Религии. Люди. Москва, 1999. С. 61.

10. *Цхадаиа П. А.* История и структура колхских (занских) фамилий: к постановке вопроса // Этнографическое обозрение. 2002. С. 92.

11. *Инал-ипа Ш. Д.* Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 139.

12. *Царевич Вахушти.* География Грузии. Тифлис, 1904. С. 19.

13. Цит. по: *Инал-ипа Ш. Д.* Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 404.

14. *Инал-ипа Ш. Д.* Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 407.

15. Цит. по: *Акаба Л. Х.* Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984. С. 103.

16. *Царевич Вахушти.* География Грузии. Тифлис, 1904. С. 57, 174.

С. И. Мусаева
(г. Махачкала, Россия)

СЕМЬЯ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УРАХИНСКОМ СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

Семья является главной ценностью и главным стержнем любого общества, и она развивалась параллельно с развитием общества в целом. Каждый крупный эпохальный переворот в социально-экономической жизни общества вызывал соответствующие изменения в семейно-брачных отношениях и различным историческим периодам соответствовали различные типы семьи. Являясь первичной ячейкой общества, как писал К. Маркс, – «семья должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество, точно так же как это было и в прошлом. Она представляет собою продукт общественной системы» [1, с. 254].

В процессе развития семьи особое место в свое время занимала большая патриархальная семья. Характеризуя семейную общину и ее место в развитии общественных форм, Ф. Энгельс использовал материал известного русского ученого-кавказоведа М. Ковалевского, отметив, что «на Кавказе Ковалевский сам смог доказать ее существование» [2, с. 62].

Характеризуя семейную общину народов Кавказа, М. О. Косвен писал, что «семейная община представляет собой группу, состоящую из трех-четырёх-пяти, а иногда и более поколений ближайших родственников как нисходящих, так и боковых. Хо-

зяйственная сущность ее заключается в совместном, в общинном (коллективном) владении землей, орудиями производства, домашним скотом и другим хозяйственным имуществом, совместном производстве и совместном же потреблении. Эта хозяйственная сущность большой семьи составляет естественное основание и ее общественной сущности...» [3, с 6].

Население Урахинского сельского общества, как и другие народы мира и Дагестана, в своем общественном развитии прошло через этап «большой семьи», и об этом писали Р.М. Магомедов [4], С.Ш. Гаджиева [5] и др.

По мнению специалистов, установить, когда именно в Дагестане семейная община, или большая семья, уступила место малой семье, сложно. Как отмечала проф. С.Ш. Гаджиева, наиболее интенсивный процесс дробления большой семьи начался в IX-XIV вв. и был тесно связан с другим не менее важным социальным явлением – распадом родственных (тухумных) и образованием крупных территориальных поселений. Последнее принято относить к X-XIV вв. [6, с. 179]. Это был особый период в социально-экономическом развитии народов Дагестана. Именно этот период, когда происходили сравнительно заметные изменения в хозяйственной жизни населения края, в отраслевой специализации производства, в развитии ремесла, торговли и т.д. Эти процессы, естественно, отразились и на изменении семьи как одного из важнейших институтов общества. Но и в это время и позже большая семья продолжала сохраняться, хотя и в трансформированном виде.

Процесс распада большой семьи был не только длительным, но и имел свои локальные особенности. Как свидетельствуют данные этнографии, на территории Дагестана этот распад шел далеко не равномерно: у одних народов он завершался раньше, у других – позже. В результате у последних такая семья продолжала бытовать, хотя и в пережиточном виде, вплоть до второй половины XIX, а кое-где и до начала XX в. Эти различия коренились в конкретных условиях социально-экономической жизни каждого народа, и прежде всего в особенностях развития аграрных отно-

шений. Так, данные этнографии позволяют прийти к выводу, что большая семья начала раньше дробиться в горных малоземельных районах и позже – на плоскости [7, с. 113].

Что касается равнинных и предгорных районов Дагестана, по мнению С.Ш. Гаджиевой, особенность заключалась в развитии земледелия, а именно в необходимости применения при обработке земли большой тягловой и рабочей силы, так как почвы здесь с низким содержанием органических веществ (гумуса). Особенно уплотнялись и трудно поддавались обработке почвы в летний период. Все это вынуждало жителей равнины применять в качестве пахотного орудия тяжелый деревянный плуг («сабан»), в который, как правило, впрягали от 4 до 10 быков или буйволов. Таковую упряжку мог иметь только большой семейный коллектив, располагавший нужным числом людей и рабочего скота и большим наделом земли (до 5-10 и более десятин). Когда же с развитием товарно-денежных отношений завершился процесс дробления неразделенных семей и шел интенсивный процесс классовой дифференциации крестьянства, маломощные крестьянские хозяйства неслучайно объединялись для совместной обработки наделов в супругу («ортакь») [5, с. 28]. Система орошения также требовала усилий большого коллектива. Следовательно, и этот фактор также играл определенную роль в сохранении неразделенной семьи.

На затяжной процесс распада семейной общины на равнине могли повлиять и некоторые факторы политического характера, в частности неоднократные вторжения и частичное оседание (в отличие от горной зоны) кочевых племен (гуннов, болгар, хазар, кипчаков и др.) с иным укладом жизни, оказавших определенное влияние на общественный и семейный быт народов предгорного Дагестана [8, с. 95].

На наш взгляд, не менее важным фактором могла служить налоговая составляющая. После присоединения Дагестана к России население области облагалось не подушной, а подымной податью, которая могла способствовать в какой-то степени стремлению скрыть фактически уже состоявшийся раздел семьи, исходя из правила «меньше дымов – меньше податных единиц». В этих ус-

ловиях неразделенность семьи явилась в какой-то степени мерой, противодействовавшей все возрастающему социальному гнету и уменьшению налогового гнета.

Тем не менее, процесс разделения больших семей на малые шел интенсивно на территории Дагестана. Данные переписи 1886 г. показывают, что из 14263 всех учтенных семей Дагестана на день переписи, неразделенными являлись лишь 1906 [9; 5, с. 34] семей, или 13,4%. Из числа этих 1906 неразделенных семей, как отмечала С.Ш. Гаджиева, 474 (25%) возглавлялись отцами или дедами, а 1282 (67,4%) были братскими, в 74 (3,8%) семьях объединялись дяди и женатые и неженатые племянники, 76 (3,8%) составляли семьи двоюродных братьев с их потомством [5, с. 34].

Одним из важных показателей структуры семьи является ее численный состав и поколенный состав. Определенный интерес представил анализ поколенного состава этих же 1906 неразделенных семей. В результате такого анализа оказалось, что 1388 (72,8%) семей состояли из двух поколений родственников, 487 (25,5%) – из трех, 29 (1,6%) – из одного поколения и только 2 (0,01%) семьи – четырех. Однако анализ содержал ряд неточностей, который, по мнению С.Ш. Гаджиевой, был связан в основном с отсутствием полных данных о женщинах в семье, в том числе и сведений об их семейном положении. Тем не менее, в целом данные переписи позволяют, хотя и ориентировочно, воссоздать общую картину дагестанской семьи второй половины XIX в., в том числе – удельного веса неразделенных семей в общей численности семей [5, с. 34].

Как видно из приведенных данных, патриархальная большая семья, хотя и продолжала сохраняться, но уже не играла былой роли в обществе. Согласно тем же материалам, дробление или распад семейной общины наступали отнюдь не сразу после смерти старшего родственника – деда, отца. Чаще в этом случае образовывались братские семьи. Для неразделенных семей этого периода, как правило, был характерен малочисленный состав и большое разнообразие в соотношении различных групп родственников, образующих семью. Эти изменения отражали специфику

социально-экономических изменений эпохи, развитие в дагестанском дореволюционном ауле товарно-денежных отношений.

Социально-экономические условия обусловили сохранение в исследуемое время в Урахинском обществе, как и у многих других народов, большесемейной организации или неразделенной семьи, которая продолжала сосуществовать с малой семьей вплоть до конца XIX в. и отчасти в первой половине XX в. Такие семьи назывались «хъалибарг», «ца шанглибад буканти», «агълу» и т. п. Наличие таких семей в то время зафиксировано во всех селениях Урахинского сельского общества. Сохранение таких семей чаще всего объяснялось преобладанием натурального скотоводческо-земледельческого хозяйства, соединённого с домашними промыслами. Но вместе с тем могли влиять и другие причины: нехватка общинной земли, в силу чего община препятствовала большесемейным разделам, введенные после окончания Кавказской войны государственные налоги (подымные, а не подушные) и т. п.

Совместное проживание братьев, в том числе и женатых, с детьми было явлением весьма распространенным в Урахинском обществе, как и во всем Дагестане. Следует при этом отметить здесь некоторую закономерность; состоятельные семьи, как правило, жили малыми семьями, несостоятельная же часть объединялась и вела общее хозяйство. Объединения эти чаще всего были братскими, т. е. женатые и неженатые братья жили одним хозяйством.

Сохранились сведения о существовании больших или неразделенных семей в Урахинском обществе до конца XIX в. и даже в некоторых случаях до первой половины XX в. в работе Б. К. Далгата «Материалы по обычному праву даргинцев», где он подробно описал состав семьи и семейных чет. Он писал: «В Урахах иногда живут по несколько брачных чет вместе, но они не находятся под властью одного родственника, если не считать добровольного повиновения женатых сыновей отцу или деду. Большие семьи, в самом узком смысле этого слова, состоят также из отца или деда с сыновьями, но никак не из одних женатых братьев без отца, или из дяди с племянниками. Впрочем, и в последних двух случаях бы-

вает иногда некоторое подчинение старшему брату или дяде-старику. Всегда все члены такой семьи состоят в кровном родстве между собой. Большие семьи в собственном смысле (потому, что над семьею не бывает ограниченного главы), в Урахах нередки. В таких семьях обыкновенно члены состоят из отца и двух или трех женатых сыновей. Самая многочисленная семья имеет иногда до 5 и 6 женатых чет при одном отце» [10, с. 124]. Обычно в состав такой семьи входили дед и прадед, прабабушка и бабушка, если они были еще живы, отец и мать, сыновья – женатые и неженатые, дочери – незамужние и овдовевшие, внуки. Так, например, наш информатор Мусаев Ибрагим Мусаевич из села Сергокала (выходец из села Урахи-Аймаумахи) сообщил, что в семье Магомеда Ибрагимова было 33 человека. Ибрагымла Магомед с женою Салихат имели девять сыновей и одну дочь: Иса, Ибрагим, Магомед, Муса, Закарья, Муид, Дауд, Али, Хабибулла и Умужат, и каждый из них имел свою семью и детей. Все они жили в одном большом двухэтажном доме со своими семьями, за исключением Умужат, которая имела также шестерых сыновей и проживала в семье своего мужа [11].

Как писал Б.К. Далгат, в Урахинском обществе в тот период имелись, как правило, большие семьи во главе с отцом или дедом и не бывало состоящих «из одних женатых братьев без отца, или дяди с племянниками» [12, с. 124].

Развивая дальше тему о бытовании большой или неразделенной семьи в Урахинском обществе, Б.К. Далгат отмечал, что «Существует еще и теперь отец, у которого находятся пять сыновей женатых. Такие семьи большею частью живут в одном или двух домах. Подобная семья носит прозвище официально по имени отца или деда» [13, л. 52]. По сведениям наших информаторов, такие семьи назывались, например, так: «Сулайман Кыдихъала хъалибарг», «ИштIал МахIямадхъала хъалибарг» [11] и т.п.

На наличие подобных больших семей в горных районах Дагестана даже в середине 20-х гг. XX в. указывал исследователь Г.Ф. Чурсин. Он писал в 1928 г., что «В глухих районах Аварии до сих пор можно наблюдать семейную общину, состоящую из

30-40 человек, живущих под кровлей и составляющих одну хозяйственную и общественную единицу. Такие семейные общины сохранились, например, и в Гидатле» [14, с. 27].

О большой семье у даргинцев Урахинского общества села Нижний МахIарги, которая бытовала еще в первой половине XX в., писала С.Ш. Гаджиева, что «семья Сулеймана по прозвищу «Серьга» из хутора Нижний МахIарги сел. Урахи Даргинского округа еще в годы гражданской войны состояла из 25 человек. Это был сам Сулейман – старик, уже вдовый, его сын Газимагомед (глава семьи) и его жена Салимат, 10 внуков и 5 внучек, жены трех внуков, 5 правнуков и правнучек. В семье жили также двое детей дочери Марьям, муж которой погиб в гражданскую войну, и старая родственница с внучкой. Распалась семья в 1930-х годах» [5, с. 41].

Отец или дед, хотя являлись главарями таких семей, но они не носили никаких особых названий и не выделялись как «большаки». В Урахинском обществе, как отмечал Б.К. Далгат, подчинение старшим в таких неразделенных семьях в доме было добровольным, как принято по обычаю, и происходило от родства [13, л. 52]. Важным фактором, способствовавшим сохранению неразделённых семей, являлись адаты, по которым сыновья не могли самовольно при жизни отца отделиться и уйти из дома.

Анализ разнообразных источников дает основание считать, что во второй половине XIX – начале XX в. численный и поколенный состав большой семьи был невелик. Чаще всего такие семьи включали 20-50 человек. Под влиянием общего экономического развития, победы частнособственнических отношений естественный рост числа членов семьи, как отмечал М. О. Косвен, приводил либо к сегментации семейных общин, либо к их окончательному распаду [3, с. 547].

Выделившиеся семьи в этот период в основном были малыми семьями. Отделялись обычно братья со своими сыновьями, либо также и с внуками. Толчком для сегментации неразделенной семьи нередко могла служить смерть главы семьи – отца или старшего брата. После его смерти владение переходило без раздела к его

братьям, сыновьям и их потомству. Общим именем по традиции распоряжался старший мужчина из родственников, занимавший среди них особое положение.

В Урахинском обществе до конца XIX в., как свидетельствуют полевые данные, все еще наблюдались формы семьи, по своей сути являющиеся переходными к малой семье. В XIX – начале XX в. в основном во всех населенных пунктах Урахинского общества бытовали уже малые семьи, как это имело место у большинства народов Дагестана и Северного Кавказа.

Малая семья в строгом смысле этого понятия – это явление, характерное тому периоду, когда материальные возможности позволяли выделению женатых сыновей и ведению ими отдельных хозяйств. В новейшее время тенденция к отделению семей связана еще и с тем, что новые условия общественной жизни, разница во взглядах, вкусах, интересах и представлениях старших и младших поколений порождали определенные проблемы социально-психологической несовместимости.

Индивидуальная или малая семья имела несколько форм. Она могла быть «сложной» или «несложной» [8, с. 29]. В одних случаях она состояла из родителей и неженатых детей. Вторая форма семьи включала в свой состав кроме брачной пары родителей мужа и их несемейных детей. В третьих случаях малая семья могла состоять из супружеской пары с женатым сыном, неженатыми и незамужними детьми и внуками, а также с престарелыми родителями – бабушка или дедушка, или один из них, в зависимости от ситуации.

Наиболее распространенной формой семьи из вышеуказанных в исследуемое время была третья форма семьи. В основном малая семья состояла из двух или трех поколений близких родственников. В двухпоколенной семье проживали супружеская пара с неженатыми детьми, в трехпоколенной – сын с семьей и родители. Численный состав зависел от количества детей в семье. Если в семье было несколько сыновей, один из сыновей, обычно самый старший или младший, оставался жить вместе с родителями.

Таким образом, неразделенные семьи в Урахинском сельском обществе, как и у других народов Дагестана, имели в рассматриваемое время в основном двух-трех поколенный и редко четырех поколенный состав близких родственников, преимущественно по нисходящей прямой линии. Все эти семьи, несомненно, можно отнести к той форме семьи, которую М. О. Косвен назвал «отцовской» и определил как поздний тип патриархального переживания большой семьи [15, с. 103]. И в самом деле, многие из наших информаторов утверждали, что разделы при живом отце осуждались общественным мнением как отступления от общественных норм. Описывая семейные отношения урахинцев в предшествующий период, Б. К. Далгат неслучайно отмечал именно такого рода большие семьи [13, л. 53 об.].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в Урахинском сельском обществе неразделенная семья состояла из двух, трех и больше поколений близких родственников как прямой нисходящей, так и боковой линиями.

Использованные источники и литература

1. Маркс К. К конспекту книги Л. Моргана «Древнее общество» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45.
2. Энгельс Ф. Соч. Т. 21.
3. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
4. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XX веков. Махачкала, 1957.
5. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985.
6. История Дагестана. Т. 1. М., 1967.
7. Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Т. 2. Махачкала, 2005.
8. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 годах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). М., 1952. Т. 48.
9. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5, Д. 14, 28, 35, 52, 54, 57, 61, 64, 66-68;

Ф. 243. Оп. 1. Д. 1; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1; Ф. 250. Оп. 1. Д. 1; 253. Оп. 1. Д. 1; Ф. 260. Оп. 1. Д. 1.

10. *Далгат Б. К.* Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Составитель Омаров С. А. Махачкала, 1968.

11. Полевой материал. Инф. М. И. Мусаев, 1913 г. р., сел. Сергокала.

12. *Далгат Б. К.* Указ. раб.

13. РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 28.

14. *Чурсин Г. Ф.* Этнографический очерк. Авары // РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 65.

15. *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.

З. И. Хасбулатова
(г. Грозный, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ СЕЛЕНИЯ ХАРАЧОЙ И ТАЙПА ХАРАЧОЙ (ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

В представленном сообщении делается попытка дать некоторые материалы о происхождении селения Харачой.

Изначально селение находилось в юго-западной части современного Харачоя, у подножия горы Ціеча-Берд, на хребте у слияния двух речек: справа от хребта Ирзашка-Ахк и слева – Чаирзе-Ахк. Место на хребте, где первоначально находилось селение, по сведениям старожил, называется ГІалий-Дукъ. У подножия этого хребта в 60-х гг. прошлого века проводились археологические раскопки Е. И. Крупновым со своим отрядом, впоследствии В. Б. Виноградовым, М. Х. Багаевым и др., которые датируют появление села II тыс. до н.э.

Старожилы отмечают, что село первоначально называлось «Хорача»: «хора» – означает свирепый, воспаленный, «ча» – медведь. Якобы появление первопоселенцев – братьев из Нашаха и рождением у них ребенка совпало с выходом из спячки медведя. Такую версию появления села дают люди старшего возраста, и она передается из поколения в поколение [1].

Исследователь тайпа С. А. Натаев приводит на основе литературных данных иную этимологию. «Харачой, – говорит он, – от

слова «хара» – дупло, пещера, «чой» – внутреннего; жители пещер. По семантике близко древним троглодитам – пещерникам. Возможно, семантика «собиратели дикого меда» (у чеченцев в древности была профессия «нокхарой» – пчеловоды) или «жители пещер». Есть и другие версии: «ха» (чеч.) – дозор, стража, охрана, хара – дупло; хан+ара+чох дозора котловина. По мнению А. Д. Вагапова, Харачой произошло от названия села Хорачу. Ха – стража, р – суффикс местности, ча – человек.

Есть версия, – продолжает автор, – что Харача, скорее всего, образовано от «хара» – полость, дупло, «чу» – в внутрь, т.е. «селение в ложбине» (во впадине), откуда при помощи суффикса – уо получено харачуо «житель селения Харачу» [2, с. 174].

К.З. Чокаев связывает этноним Харачой со страбоновскими троглодитами (пещерниками), не исключает, что термин применялся и по отношению к племенам, населявшим горную Чечню. По его мнению, Харачой производно от названия сел. Харачой (по-чеченски Хара-чу). Этимология названия такова: хара обозначает «пещеру», или «полость», «щель», «дупло», чу – «в», следовательно, Харачу – «место пещер» [2, с. 175].

Старое селение постоянно подвергалось разрушениям, люди в период опасности уходили в отдаленные, более безопасные места, а затем вновь возвращались. Население занималось скотоводством, по мере возможности террасным земледелием, земли было очень мало, в крае собирали плоды, собиралось много меда. Скотоводство и земледелие было основой экономики. Впрочем, как земледелие, так и скотоводство имели глубокие исторические традиции.

Как предполагают старожилы-харачоевцы этого селения, последнее заселение и образование села (нынешний) Харачой расположено ниже бывшего Харачоя и многие его возраст приравнивают к возрасту Москвы, т.е. более 1000 лет [1].

По нашим полевым материалам были посевные площади в западной части Харачоя, назывались они «кхашкха» – участок пахотной земли, принадлежащие «Дишни кха», «Чунгурой кха». Исследователь тайпа С.А. Натаев пишет, что «общество Диш-

ний-мохк (Дишнийская земля) граничило на юге с Хильдехъароевским, на западе – с ЧӀаьнтийским и Хъачароевским, на севере – с ЧӀуохоевским обществами. Своим духовным центром жители общества Дишни-мохк считали аул Эзи. Аульный союз Дишни («Дишни-мохк» – земля дишнийцев) состоял из поселений: Тусхара, Амкхелла, Барсенаха, Цацан, Бечига, Юрдаха, Уган-кхелла, Тержи-гӀала, Чоьик-пхеда, Авет-кхелла, Кхьалта, Гучча-кхелла, Курш-пхати» [3, с. 79] и др.

Бесчисленные катаклизмы монгольских и других нашествий в XIII-XV вв. не прошли бесследно для всего Северного Кавказа, в том числе и для Горной Чечни.

По сведениям наших информаторов, харачоевцы имели хотя и мизерные посевные площади – «ирз», которых конечно не хватало для постоянно разрастающихся семян. Их также называли и «кхашкха» – участок пахотной земли, были Дишни-кха или Чунгурой-кха и т.п., впоследствии с расширением тайпов, гаров, некъи и доьзалы отделялись от отцовских семей и образовывали новые родственные поселения, Дишни-Ведено, Ведено и др. Харачоевцы после распада или женитьбы, если позволяли условия местности, строились вокруг отцовского дома, а если не хватало – то в другом месте.

Таким образом, вследствие раздела семейной общины выделяются несколько семей, которые с течением времени, вследствие дальнейшего естественного роста и размножения, в свою очередь образуют новые большие семьи. Спустя определенное время и эти постепенно разделившиеся семьи образуют родственную группу «цхана тайпана нах» – люди одного тайпа. Впрочем, ближайшие по крови у чеченцев называются «некъи», «гар».

Патронимия у чеченцев известна под именем «гара», «гары» делились на некъи (по-чеченски «линии», «дорожки», «дороги на распутьи»). Так, гар Уци делился в последующем на Тахи некъий, Мадии некъи, Вайтакх некъи и Билал некъи. Некъи в свою очередь делились на семьи, как большие (цӀа), которые в конце XIX в. существовали как пережиток, так и малые. Имя предка тайпа, как правило, было окутано легендой, но

родоначальниками гаров и некъий были реально существовавшие люди [4, с. 87].

Первоначально в течение многих поколений сел. Харачой населяли только люди одного харачоевского тайпа и его ответвлений. Но со временем произошло заселение села и другими тайпами.

В сельскую общину входили патронимии (патронимия – «гар» – по-чеченски это определенная группа семей, больших и малых, связанных между собой общностью происхождения от единого предка по отцовской линии). Гар образовывался вследствие разложения и сегментации тайпа. Члены гара сохраняли в разной форме между собой общественное, хозяйственное и идеологическое единство. Все члены родственной группы – гар носили общее наименование, т.е. их объединяло единство происхождения. Внутри гара происходили дальнейшие процессы разделения на более мелкие объединения «некъи» – «дорожки», линии. Они ближе, чем гар, стояли к основателю гара и могли состоять как из малых семей, так и из больших. Некъи со временем могли перерасти в гар, а гар в свою очередь в тайп, относиться к разным тайпам (тайп – это группа людей или семейств, выросших на основе низкой формы производства и производственных отношений). Члены этой организации связаны между собой кровным родством [5, с. 21], каждая семья, входившая в тайповую организацию, могла положить начало новому тайпу. За счет сегментации образовывалась очень сложная структура внутри тайпа (гары, некъи, большие семьи и малые семьи-доъзал).

Как было отмечено, каждый из тайпов в свою очередь делился на гары (отросток, ветвь). Их могло быть разное количество от 3 до 10 и более, видимо их количество зависело от роста поколения, количества мужчин в тайпе, их расселения.

Так, например, по нашей информации тайп Харачой распался на множество гаров, которые жили в прошлом в основном в селениях: Харачой, Ведено и Дишни-Ведено. Приведенная схема составлена на основе полевых материалов 80-х гг. прошлого века.

**Количество гаров в селе Харачой, Ведено
и Дишни-Ведено из тайп Харачой**

Название селений	Название гара										
	Пубай гар	Юнус гар	Кудай гар	Умар гар	Месалой гар	Чагай гар	Сунгнар гар	Байкаш гар	Апан гар	Силюцой гар	Калой гар
Харачой	30	-	-	30	10	10	-	24	-	30	13
Ца-Ведено	20	15	13	35	20	40	мало	-	20	-	-
Ведено	-	-	25	45	30	35	20	65	-	-	-
Дишни-Ведено	10	-	80	30	60	-	мало	10	-	40	30

Следует отметить и то, что в этих селах жили и люди, не относящиеся к тайпу Харачой. Так, например, в сел. Ца-Ведено с самого основания и до настоящего времени живут кзызаной некъи. О происхождении их тайпа и гара они сами не знают. Также почти во всех названных селах живут и проживали люди из тайпа Чермой и других тайпов. В Дишни-Ведено кроме перечисленных жили Белгатой гар, Блашк гар, Къоноси гар и др. Название сел. Дишни-Ведено дано по имени основателя тайпа, о чем говорят и наши современники. Житель аула М. Мусостов говорил, что здесь проживало 6 гаров из тайпа Дишни: Уци гар, Айси гар, Чиркх гар, Сослан гар, Ялмакх гар, Аптин гар.

Гары делились на некъи (линии). Так, гар Уци делился на Тахи некъи, Байтак некъи, Мади некъи и Билал некъи. Некъи в свою очередь делились на семьи как большие (цла), которые в XIX в. существовали как пережиточные явления, так и малые семьи.

Имя предка тайпа, как правило, происходило из древних легенд. Имена родоначальников гара и некъи были действительных, реально существовавших людей. Дальнейший процесс естественного развития и размножения членов родственной группы приводил к перерастанию гара в тайп, некъи в гар, а цла в некъи. Мы разделяем точку зрения исследователя Р.Л. Харадзе: «Сегмента-

ция семьи, образование некъи, превращение последних в гара, а после объединение в тайп представляло собой непрерывный процесс развития родственной организации, в которой трудно установить между звеньями грань, уловить моменты, когда одна норма переходит в другую» [6, с. 177]. Таким образом, родственные связи между членами тайпа действовали в ослабленном виде. У чеченцев тайпан ваша – тайповый брат, указывал на родство в прошлом между членами тайпа. Отношения между членами тукхумов всегда носили чисто общественный характер.

В чеченской патронимии – гаре, как и в тайпе, старшим – тхьамадой, т.е. главой – был гаран (тайпан) хьалхара стаг – главный человек гара (тайпа). Он обычно был представителем старшего поколения, и считалось, что он по прямой линии ближе всех стоит к основателю гара (тайпа). Как правило, это был человек, обладающий большим жизненным опытом. Но в рассматриваемое время старшими становились также и в зависимости от богатства. В их функции входило разрешение споров между отдельными семьями гара, с ним советовались по разным жизненным вопросам: постройке дома, организации свадьбы и пр. Даже до настоящего времени среди чеченцев сохранился обычай при решении важных семейных вопросов советоваться со старшими членами фамилии – мужчиной или женщиной. Глава гара выполнял также функции судьи по адату.

Наиболее важные вопросы, затрагивающие интересы жизни квартала, выносились на общеквартальное собрание. Обычно оно происходило у квартальной мечети. На это собрание приходили только мужчины – члены общины, т.е. коренные жители села. Круг вопросов был разнообразен: разделение семей, распределение между ними земельных участков, выделенных данному кварталу сельской общины на общесельском сходе, примирение кровников также происходило на общесельском сходе. Собрание разрешало всевозможные хозяйственные и другие проблемы [7, с. 93].

Вопросы, касающиеся всей сельской общины решались на сельском общинном сходе, который был основным органом самоуправления данного сельского общества [7, с. 93].

Существенное место в жизни тайпа Харачой с глубокой древности имел общественный орган управления, который назывался по сведениям людей старшего возраста этого селения в разное время по-разному. В одно время, видимо более ранний период, он назывался «къаной гулом» – сбор старшин, къано – человек старшего возраста, мудрый, умеющий говорить прямо, красиво и по существу, пхьогла – село, собрание. Этнограф И. Саидов писал, что сам совет старейшин назывался «пхье», «пъеха», «пхьехана», «пхье» – поселение людей, собрание. Наши информаторы называли место сбора не «пхье», а «пхьюгла».

В разные периоды времени функции пхьюгла были различны. В далеком прошлом, когда селение состояло только из родственников (кровнородственных), он был органом управления, основанный (как было сказано) на принципе кровного родства. Этот орган выполнял общественные потребности кровнородственной группы, регулировал все вопросы, включая и личноправные (кровная месть, брак, вопросы, связанные с землей), вопросы, связанные со столкновениями с другими тайпами, и многие другие проблемы, а вопросы, касающиеся всей страны, решались в Верховном органе всей страны «Мехк-кхел», «Мохк» – страна, «кхел» – совет. Так вот, выбирался в этот орган къаной, умеющий красиво и аргументированно говорить, доказывать, мудрый, умный и самое главное – он должен был говорить только правду.

Как и само название говорит, решались вопросы, связанные со всей страной. Этот институт общественного управления у чеченцев был открыт И. М. Саидовым.

Возвращаясь вновь к вопросу о тайповых сборах, в частности характерное для тайпа Харачой в более отдаленные времена, следует отметить, что возможно в те далекие времена собирались они (къаной) как в горных местностях, так и в плоскостных в определенном месте для сбора – пхьегла под открытым небом, удобное для сбора место.

«На площадках лежали камни разной величины для сидения старейшин. Часто встречались глыбы, которые, по словам информаторов, были привлечены издалека с помощью быков; иногда

сидения для самых старших были обработаны в ручную. В прошлом, каждый член общества считал почетом принести и обработать камни для пхьегла своего селения. Этим многие увековечивали свое имя» [8, с. 119].

По нашим полевым материалам, на площадке, где собирались къаной, лежали камни разной величины для сидения. Камни могли быть разной величины. Также они отметили, что на камни клали доску, вернее бревно из липы, и делали скамейку для более почетных старейшин [1].

Так, например, грузинский исследователь-этнограф пишет: «Естественные, «дикие» (тургаш-тлугаш) примерно 20-25 см к 20-25 см величины камни в один ряд длиной 20 м лежали на площадке с. Харачой (Чечня, Ичкерия), возле хозяйственных помещений (рагIу) Мавлуда и Османа Вашаевых. В один ряд располагались камни в сс. Макажой (Чеберловское общ.), Эрсеной, ЦIентарой (Ичкерия) и во многих селениях ущелий р. Чанты-Аргуна, Шаро-Аргуна и др. районов Чечни.

Наши информаторы из селения Харачой сказали, что название Харачой появилось, как было отмечено выше, в более позднее время, и правильное название села Хороча. И они дали такие тайпы, начало которым было положено тайпом Харачой.

Харачой тайп, нохчмахкой тукхум

Хъажхана

СугIур

Байкиш

Умара

Месадой

ГIаьзалой в 38 селах по их материалам проживают эти тайпы
Чагай

ГIубай

Кудай

Юнуса

Айдай

СугIур-некъе, Орцхоевский гар и 3-х семей галой.

Байкаш-некъи, есть Хъамай и 2 семьи андийцев.

Хъажхан-некъи, есть Байкиш некъи и 1 семья мисадой некъи. Умар-некъи. Есть несколько семей кенхи и глезалой.

А другие некъи расселились в Веденском р-не и равнинной территории Чеченской Республики.

Харачоевцы на территории Чеченской Республики 1990 г. проживали в 38 селах, от нескольких семей до 1 тыс. семей.

I. Веденский район Чеченской Республики:

1) Харачой, 2) Нефтянка (Маьхакдаьттан Ирзо), 3) Ведено, 4) Этилхотой, 5) Зелимхана-юрт, 6) Ца-Ведено – все эти села Харачоевские.

Элистанжи, с. Хатуни, с. Махкеты.

II. Шалинский район Чеченской Республики.

1) Сержень-Юрт 2) Автуры, 3) Шали, 4) Герменчук, 5) Мескир-Юрт, 6) Новые Атаги, г. Аргун.

III. Курчалоевский район Чеченской Республики.

1) Цацан-Юрт, 2) Курчалой, 3) Блаьчи-Юрт, 4) ОйсгIар.

IV. Гудермеский район Чеченской Республики.

1) Гудермес, 2) Комсомольское, 3) Хаьнгин-Юрт.

V. Грозненский район Чеченской Республики.

1) Старые Атаги, 2) Чечен-Аул, 3) Старая Сунжа, 4) Толстой-Юрт, 5) ст. Петропавловская.

VI. Надтеречный район Чеченской Республики.

1) Знаменское, 2) Надтеречное.

VII. Урус-Мартановский район Чеченской Республики.

Ачхой-Мартановский, Наурский, Шелковской районы.

Использованные источники и литература

1. Полевые материалы автора. Информатор Цадаев Башир, 55 лет, село Харачой, 2010.

2. *Натаев С. А.* Чеченские тайпы. Махачкала, 2013.

3. *Натаев С. А.* Об общественном институте «тукхум» у чеченцев. Махачкала, 2013.

4. *Хасбулатова З. И.* Структура сельской общины и патрони-

мия у чеченцев во второй половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. №1.

5. *Мамакаев М.М.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973.

6. *Харадзе Р.Л.* Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1962.

7. *Хасбулатова З.И.* Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1981. №1.

8. *Чиковани Г.Д.* Из истории общественного быта вайнахов // КЭС. Т. VI. Тбилиси, 1985.

А. С. Хатламаджиян
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

АРМЯНСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ДОНА ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

По разным причинам генеалогия армян Дона до недавнего времени оставалась малоизученной. К основным генеалогическим источникам – метрическим книгам – обращались, как правило, в сугубо прагматических целях: для уточнения даты рождения, для установления родства, при переезде в другой регион или страну, при поступлении на учебу и тому подобное. Об этом свидетельствуют, начиная с 1920 г., пометы на полях метрических книг с датами выдачи архивных справок.

Устойчивый интерес донских армян к генеалогии в течение длительного времени проявлялся не в поиске и изучении архивных сведений, а в собирании устных, реже письменных, историй-легенд, хранимых в семьях и передаваемых из поколения в поколение. Долгое время у армянского населения наибольший интерес вызывали рассказы о тех, «кто из нашего рода был переселен из Крыма, и кто первым родился на Дону?». На основании этих историй составлялись весьма приблизительные родословные, одна из них имеет трогательную надпись: «Потомкам продолжить, 1939 г.» [1], другая – рода Хатламаджиян – была изображена в 1921 г. знаменитым художником М. С. Сарьяном – уроженцем Нахичевани-на-Дону [2]. Зачастую в этих далеких от совершенства родословных нет датировки, как правило, отсутствуют женщины

и умершие в младенчестве дети. И все же пожелтевшие от времени листки с родовыми древами свидетельствуют о давнем стремлении армянских семей к знанию своих родословных и о том, что интерес к генеалогии имеет более глубокие корни, нежели распространившееся в последнее время модное увлечение многих наших современников генеалогическими изысканиями.

Введение в оборот архивных материалов способствует более глубокому, достоверному и серьезному изучению генеалогии армян Дона, к которым мы относим население города Нахичевани-на-Дону, существовавшего до 1928 г., и пяти сел: Чалтыря, Крыма, Больших Салов. Султан Салов и Несветая. О монолитности колонии свидетельствует то обстоятельство, что находившийся в Нахичевани-на-Дону магистрат управлял не только городом, но и названными селами, население которых почти на 100 % было армянским вплоть до начала XX века.

Естественно, генеалогию армян Дона можно изучать по архивным материалам, хранящимся в разных архивах не только России, и в частности Ростова и Ростовской области, но и Армении. Так, некоторые документы по генеалогии армян хранятся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО, или бывший партархив Ростовской области), в Архивном отделе управления ЗАГСа Ростовской области, в архиве ЗАГСа Мясниковского района. Мы же сосредоточимся на источниках, выявленных в Государственном архиве Ростовской области (далее ГАРО). Надо сказать, что в советское время значительная часть документов на армянском языке была передана из ГАРО в Армению, что, естественно, отрицательно сказалось на документальной базе ростовского архива, осложнив изучение не только истории региона, и в частности истории донских армян, но и составление родословных. Помимо генеалогического материала, «рассыпанного» по архивам и архивным фондам, локализовать поиск и направить его в нужное русло помогают справочники, имеющиеся в библиотеках, в том числе и в библиотеке ГАРО. К таким справочникам относятся «Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону», издававшийся в течение ряда лет, «Оценка недвижимых имуществ г. Нахичевани-на-Дону для взимания городского оценочного сбора и для раскладки зем-

ских сборов». Например, зная, что в Нахичевани-на-Дону, начиная с конца XVIII века, было 6 церковных приходов (Сурб Григор Лусаворич, Сурб Аствацацин, Сурб Амбарцум, Сурб Никогайос, Сурб Теодорос и Сурб Кеорк, седьмая – кладбищенская церковь появилась в последней четверти XIX века), а недалеко от города находился и монастырь Сурб Хач, и определив по справочникам место жительства того или иного человека, а следовательно, его принадлежность к тому или иному церковному приходу, можно сузить и упростить поиск генеалогической информации.

Начать обзор источников по генеалогии, пожалуй, нужно с ревизских сказок (народных переписей) как наиболее ранних из имеющихся в нашем распоряжении источников. Ревизские сказки хранятся в фонде Ростовского уездного казначейства (Ф. 376) ГАРО и содержат информацию, относящуюся как к г. Нахичевани-на-Дону, так и к армянским селам [3]. Как известно, в Российской империи было проведено 10 переписей, или ревизий, к сожалению, в ГАРО представлены не все ревизские сказки, а те, что имеются, сохранились не в полном объеме. Самая ранняя ревизская сказка относится к 1811 г. (Д. 643). Несмотря на то, что 6-я ревизия 1811 года не учитывала женское население, имеющаяся ревизская сказка является довольно «полной», включая в себя мужское население пяти армянских сел, а также купцов и мещан г. Нахичевани-на-Дону. Таким образом, она даст представление о сословной принадлежности людей.

Приведем несколько примеров из этого дела [4].

Куццы первой гильдии:

Агон Халаджов – 57 лет

сыновья его: Бедрос – 22 л.

Степан – 18 л.

Куццы третьей гильдии:

Кеворк Маркаров Адабашев –

по последней ревизии 35 л., ныне налицо 51 л.

сыновья его: Маркар – 2 л., 18 л.

Давид новорожденные 7 л.

Ованес новорожденные 5 л.

Мещане:

<i>Арутин Зурабов –</i>	<i>25 л.,</i>	<i>41 л.</i>
<i>сыновья его: Зураб</i>	<i>3 л.</i>	<i>19 л.</i>
<i>Торос</i>	<i>новорожденные</i>	<i>13 л.</i>
<i>Овагем</i>	<i>новорожденные</i>	<i>12 л.</i>
<i>Хачерес</i>	<i>новорожденные</i>	<i>8 л.</i>
<i>Алексан</i>	<i>новорожденные</i>	<i>6 л.</i>

В ревизии 1851 г., начиная с Тороса Арутиновича, появляется устойчивая фамилия Зурабов, он же Живилеков, внуком которого является родившийся в 1875 г. А. К. Дживилегов [5].

Таким образом, примеры из ревизских сказок дают представление о трех или двух поколениях какой-либо семьи: о детях, их отце и деде.

Проводившаяся в 1816 г. очередная ревизия нашла отражение в двух делах фонда Ростовского уездного казначейства, касающихся армян: Д.33 – «о купцах и мещанах» и Д.34 – «о цеховых». Надо сказать, что перепись 1835 г. представлена в ГАРО полнее, нежели другие переписи. В частности, в ревизской сказке за 1835 г. (Д. 674), содержащей сведения о жителях армянских сел, указаны нахичеванцы, ставшие «землепашцами сабанчи». Впоследствии эти землепашцы основали армянское поселение Екатериновку. Полностью сохранилась ревизская сказка «о купцах и мещанах» Нахичевани-на-Дону за 1835 г. (Д. 665). Документы 9-й и 10-й ревизий отложились в нескольких делах. В частности, 9-я ревизия представлена делами за 1850 и 1851 гг. (Д. 276, 277, 686, 687). По 10-й ревизии выявлены дела за 1858, 1860, 1864 гг. Народная перепись за 1858 г. (Д. 705), включающая в себя информацию о нахичеванских купцах и мещанах, а также о жителях пяти армянских сел, наиболее интересна тем, что у жителей сел появляются устойчивые фамилии, большинство из которых сохранились до наших дней. Работая с ревизскими сказками, надо иметь в виду, что по прошествии некоторого времени после очередной ревизии составлялись добавочные ревизские сказки, куда вносились пропущенные или неучтенные по тем или иным причинам люди.

Зачастую, начав генеалогическое исследование, всем хочется

«копнуть поглубже» и, как уже говорилось, узнать, кто из армян родился в Крыму и был переселен на Дон. Помимо недостатка источников, эта работа осложняется еще и тем, что в большинстве ревизских сказок за раннее время отсутствуют фамилии. Приходится опираться лишь на имя, отчество, а иногда прозвище людей, которое не всегда переходило в фамилию. Подобная картина имеет место и в метрических книгах, по которым фамилии в устойчивой форме фиксируются в селах с 1848 г.

В 130 делах, находящихся в описи № 2 фонда № 803 ГАРО, содержатся метрические книги армянских церквей. Эти метрические книги охватывают период времени с 1831 по 1924 гг. и представлены как оригиналами, так и консисторскими копиями. Еще совсем недавно эти материалы были недоступны для исследователей. Это связано с тем, что часть документов – 27 метрических книг – хранилась в архиве ЗАГСа Мясниковского района и была передана в ГАРО в 2003 и 2004 гг. Другая часть – более 100 метрических книг – находилась в Архивном Отделе областного ЗАГСа и поступила в ГАРО лишь в 2007 г. Имеющиеся в архиве метрические книги написаны на армянском языке, не отличаясь от книг православных церквей, составленных на русском языке, ни по структуре, ни по специфике информации. К сожалению, до нашего времени сохранились не все метрические книги: по всем армянским церквям имеются лакуны. Чаще всего это объясняется историческими событиями, которые переживала страна: революция и войны не способствовали сохранению документов. Из шести церквей наиболее полно сохранились метрические книги Соборной церкви (за 67 лет), а меньше всего – Вознесенской церкви (за 45 лет). Надо сказать, что метрические книги 1830-х годов несколько отличаются от книг за другие периоды. Так, в них содержится более подробная информация о «веровосприимниках» (крестных) и свидетелях. Скорее всего, это связано с тем, что стандартная форма метрических книг была утверждена в 1838 г. [6]. Что касается консисторских копий, то в них имеется значительное количество неточностей и ошибок. Возможно, это связано с тем, что копии переписывались с оригиналов писарями, которые не всегда были внимательны и допускали описки. Так, в консистор-

ской копии встречается одно и то же имя и отчество, повторенное на всей странице сверху донизу, или у всех перечисляемых людей проставлен один и тот же возраст. Таким образом, необходимо использовать генеалогические источники в комплексе, чтобы информация дополнялась, опровергалась или уточнялась разными свидетельствами.

Приведем стандартную запись из метрической книги за 1859 г. [7]:

№1 родился 5, крестился 9 января Мелкон – сын мещанина г. Нахичевани Микаела Карапетян (Карапетович) и его законной жены Такуги Арутюнян (Арутюновны). Крестный отец Гаспар Дзеронян (Дзенонович) Миганаджиян.

Помимо метрических книг в фонде № 803 хранится очень интересное в информативном плане дело за 1845 г. со списком жителей пяти армянских сел без указания их фамилий. К этому делу необходимо подходить с осторожностью, поскольку возраст 50-летних и более старых людей указан со значительными расхождениями – от 7-8 до 10 лет. Возможно, это обусловлено тем, что составлявший список письмоводитель не сверял возраст с метрическими книгами или их не было в его распоряжении. К такому выводу приводит анализ более ранних и поздних архивных документов. В это же дело внесены и семьи священников [8].

Кроме метрических книг на армянском языке, в ГАРО хранятся и переводы этих книг в количестве 86 дел, сделанные на бланках ЗАГСa в 1936 г. Эти документы лишь отчасти восполняют имеющиеся лакуны, поскольку переводы сделаны примитивно, а потому имеют массу неточностей и ошибок. Трудно сказать, почему именно в конце 30-х годов появляются переводы метрических книг. Возможно, это связано с сокращением количества людей, владевших армянским языком, или с увеличением бюрократических требований к персональным документам.

Обязательным для генеалогов источником являются брачные обыски. К сожалению, в ГАРО хранится лишь одно дело в фонде № 803 с брачными обысками, составлявшимися незадолго до венчания и содержащими сведения о женихе и невесте. Эти брачные обыски за 1904-1910 гг. составлены на армянском языке, как и

метрические книги армянских церквей. Структурно они ничем не отличаются от брачных обысков русских православных церквей. Возможно, брачных обысков сохранилось немного из-за того, что с них не снимались копии, как это практиковалось в отношении метрических книг. Приведем несколько примеров из этого дела, куда вошли брачные обыски и селян, и горожан [9]:

19. X. 1904 г. Землепашец Самбека [10]. Абраам Хачатурян (Хачатурович) Абраамян 25 л. намеревается жениться на Маркрит – дочери нахичеванского мещанина Аствацатура Карапетяна (Карапетовича) Саакяна, прихожанки церкви Сурб Аствацацин, родившейся 8 июля 1887 г.

1 II 1906 г. Прихожанин церкви Сурб-Амбарцум села Чалтырь Нерсес Мкртичян (Мкртичевич) Хатламаджиян 23 лет, намеревается жениться на Вардуги – дочери жителя Нор-Нахичевана Минаса Хачересяна (Хачересовича) Тацян прихожанки церкви Сурб Никогайос, родившейся 8 марта 1886 г. Священник Мартирос Гандзапетян.

Помимо метрических книг, значительный интерес представляют выписки из метрических книг, посемейных списков и брачных свидетельств. Два увесистых тома с подобными документами сохранились в фонде Нахичеванской городской управы [11]. Эти два дела охватывают период с 1851 по 1909 гг. и интересны не только генеалогам, но и историкам, изучающим историю города. В частности, в этих делах находятся паспорта людей, отправлявшихся в паломничества или в другие заграничные поездки. Фонд Нахичеванской городской управы является кладезем как прямой, так и косвенной информации на русском языке для исследователей и собирателей генеалогических данных. В нем имеются различного рода прошения и заявления разных людей, содержащие биографические данные. Также в фонде находятся посемейные списки купцов и мещан Нахичевани-на-Дону [12].

Если говорить о косвенных источниках, то надо упомянуть об архивных фондах нахичеванских учебных заведений, содержащих экзаменационные ведомости, журналы, списки учеников. Это такие фонды, как Нахичеванское приходское училище (Ф. 11), Екатерининская женская гимназия (Ф. 254), Нахичеванская муж-

ская гимназия (Ф. 255). В связи с тем, что Нахичевань-на-Дону и армянские села с 1807 по 1888 гг. входили в состав Таганрогского градоначальства, фонд этого учреждения (Ф. 579) также представляет интерес для составителей генеалогий. Источниками информации являются коллективные прошения армян-поселян по разным, главным образом земельным, вопросам. Иногда эти коллективные прошения заканчиваются списком домохозяев того или иного села [13]. Генеалогические данные содержатся также в фондах Ростовского уездного по крестьянским делам присутствия (Ф. 810) и Ростовского окружного по крестьянским делам присутствия (Ф. 98). В фонде окружного по крестьянским делам присутствия находятся более 9 тыс. дел, из них более чем в 500 выявлена информация, касающаяся армянской части населения округа. Во многих делах есть протоколы сельских сходов с подписями домохозяев. В случае неграмотности кого-либо из домохозяев за него подписывался писарь, о чем сообщалось в протоколе. В этом же фонде можно найти сведения о должностных лицах, об их возрасте, уровне образования и т.п. Важным источником, находящимся в 98-м фонде, являются «Данные обследования семейств ратников, призванных по мобилизации...» – это списки ратников Первой мировой войны и их семей, нуждавшихся в пособиях. Принимая во внимание то, что за время с 1890 по 1914 гг. по армянским селам сохранились метрические книги лишь за три года, документы фонда окружного по крестьянским делам присутствия восполняют достаточно большой информационный пробел. Помимо имени, отчества, фамилии ратников в документах приведены сведения о составе их семей с указанием возраста членов семей, а также сведения об изменениях в семьях за время нахождения ратников в армии. Рождение и смерть детей или родителей, другая информация влияли на размеры выдаваемого государством пособия.

Пример [14]:

*Хатламаджиев Вартерес Керопов [15] – жена Кегецик 27 л.,
отец Кероп 60 л.*

дети: Хачерес 7 л.

Пенямин 4 г.

Лусеген 1 г.

Как видим, дается полный состав семьи, вплоть до малолетних детей.

По некоторым селам сохранились податные тетради, в которых перечислены домохозяева с указанием имеющейся у них земли, количества недоимок и т.п.

Приведем одну выписку из «Податной тетради Большесальского сельского общества» на 1899 г. [16]:

	<i>число</i>	<i>кол-во</i>	
	<i>душ</i>	<i>земли</i>	
<i>Луспекаев Богос [17]</i>	<i>2</i>	<i>32 дес.</i>	<i>недоимки: с земли</i>
<i>Сагаков</i>			<i>61р.10 коп.;</i>
<i>с усадьбы 3 р. 68 коп.;</i>			
<i>со скота 3 р. 50 коп.</i>			

К сожалению, документов подобного рода сохранилось немного и не по всем селам.

Среди фондов ГАРО, содержащих документы по интересующей нас проблематике, надо назвать и фонд Областного войска Донского распорядительного по земским делам комитета (Ф. 52). В нем хранятся списки лиц, которым выделялось зерно для обсеменения за 1892 и 1899 гг. [18]. Как известно, Российская империя проходила через череду урожайных и неурожайных лет. Выдавая семена пострадавшему от неурожая населению, государство пыталось облегчить его участь и выйти из продовольственного кризиса.

Завершая обзор источников по генеалогии, хранящихся в ГАРО, можно сказать, что в совокупности они предоставляют как прямую, так и косвенную информацию генеалогического характера. Естественно, что архивные и библиотечные данные не могут быть исчерпывающими, поэтому нельзя отказываться ни от устных и письменных рассказов, ни от данных некрополистики, применяя к ним, как и к любым другим документам, критический метод изучения. Самые первые захоронения нахичеванского (ныне ростовского) кладбища при церкви Сурп Карапет, являвшегося кладбищем соборной церкви Сурп Крикор Лусаворич, датиру-

ются концом XVIII века. Таким образом, очевидно, что комплекс источников должен быть разнообразным. Поиск, анализ и сопоставление различных генеалогических источников делают работу по составлению родословных особенно интересной и увлекательной.

Несмотря на существующие лакуны, источниковая база ГАРО позволяет исследовать генеалогию армянских родов города Нахичевани-на-Дону и прилегающих сел достаточно полно и глубоко.

Свидетельством неиссякаемого интереса к истории армян Дона, и в частности к их генеалогии, является то, что люди, живущие в других регионах и странах, пытаются создать или дополнить свое семейное древо. К таким людям относятся представители родов Хаспекова и Сармакешева, проживающие в Санкт-Петербурге, Мержанова – в Москве, Ерицпox-Плотникова – в Твери, Балиева – в Греции, Гамалина – во Франции, Абеяна – в Швеции и т.д. Параллельно с составлением своих родословных, сохраняя связь с ушедшими и ныне живущими поколениями родственников, люди неизбежно расширяют свои представления не только по истории армянского народа, но и того места, где когда-то проживали их предки.

Использованные источники и литература. Примечания

1. Личный архив Г. А. Бабиана.
2. Коммунар, 25 мая 1958. № 63 (2967). С. 3.
3. С 1807 по 1888 гг. Нахичевань-на-Дону и армянские села относились к Ростовскому уезду.
4. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 643. Л. 248, 288 об.
5. Там же. Д. 277. Л. 18 об.–19
6. ПСЗ. Собрание второе. Т. XIII. СПб., 1839. № 10956.
7. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1860. Л. 1об.–2.
8. Там же. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1913.
9. Там же. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1894. Л. 82, 183 об.
10. Самбеком в простонародье называли деревню Екатери-

новка, заселенную нахичеванцами. Этот топоним сохранился до сегодняшнего дня.

11. ГАРО. Ф. 91. Оп. 4. Д. 13, 14.
12. Там же. Ф. 91. Оп. 4. Д. 27.
13. Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 219, 235, 226.
14. Там же. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8932. Л. 12об.–13.
15. В. Хатламаджиев погиб под Саракамышем в 1915 г.
16. ГАРО. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4659. Л. 16.
17. Актер Павел Луспекаев был внуком Богоса Луспекаева.
18. ГАРО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 245.

БИОГРАФИИ

М. С. Арсанукаева, Р. Б. Батаева
(г. Москва, г. Грозный, Россия)

ГЕНЕРАЛ ЭРИСХАН СУЛТАН-ГИРЕЙ АЛИЕВ – ГЕНЕРАЛ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Горцы Северного Кавказа, включая чеченцев и ингушей, с давних пор служили в Российской армии, принимали участие во многих внутренних и внешних войнах России, показывая образцы верности присяге, мужества и героизма. Изучение этой темы длительное время ограничивалось публикацией трудов лишь небольшого круга авторов. В последние годы отмечаются некоторые положительные сдвиги в этом важном деле, которые во многом объясняются годовщинами судьбоносных для российского государства исторических событий и возросшим интересом общественности.

Так, в июле 2014 г. отмечалось 150-летие начала Первой мировой войны (1914-1918 гг.), вызвавшей глобальные изменения в судьбах многих стран и народов. Представители народов Кавказа, включая горцев-мусульман, служили как в составе Кавказской туземной конной дивизии, так и в других частях Российской армии. Не стали исключением также чеченцы и ингуши. Благодаря усилиям историков и архивистов нам стали известны обстоятельства

службы и подвиги некоторых офицеров и всадников из вайнахов. Однако еще предстоит установить немало новых имен и проследить судьбы тех, чьи заслуги по разным причинам замалчивались.

В настоящем небольшом исследовании хотелось бы остановиться на основных этапах военной службы Эрисхана Султан-Гирея Алиева (20 апреля 1855 – 1920), генерала от артиллерии, происходившего, как указано в личном деле, из «дворян Кавказа», уроженца Терской области [1, л. 32]. Э. Алиев прошел Русско-турецкую (1877-1878), Русско-японскую (1904-1905) [1, л. 2 об.] и Первую мировую (1914-1918) войны [2, с. 18-19].

Авторами использованы в основном архивные документы, исторические материалы и воспоминания участников военных действий последней четверти XIX – начала XX вв.

По некоторым данным, Э. Алиев родился в семье офицера милиции Султан-Гирея Алиева из чеченского селения Старые Атаги. В 1862 г. поступил в пробную школу для чеченских детей, открытую в кр. Грозной. Здесь обучали грамоте с помощью первого букваря на родном языке, подготовленного ученым-просветителем П. К. Усларом совместно с прапорщиком милиции К. Досовым, хорошо знавшим русский язык, и муллой Я. Хасановым [3, с. 41, 53; 5, с. XLV1]. В 1863 г. школа была закрыта и вместо нее учреждена трехклассная горская школа, в которой обучались на русском языке дети местных чиновников, «почетных туземцев» и мещан. Завершив учебу, в 1865 г. Эрисхан поступил в Ставропольскую гимназию, в которой учились многие представители горской интеллигенции, включая чеченцев и ингушей [4, с. 48, 81-83; 6, с. 177-189; 7, с. 357-359].

Окончив гимназию, Э. Алиев выбирает военное поприще и поступает во 2-е Военное Константиновское училище [1, л. 11]. Там же 31 августа 1873 г. вступает в службу юнкером [8, с. 774]. Портупей-юнкером – с 11 января 1875 г. 20 августа переведен с тем же чином в Михайловское артиллерийское училище. По окончании училища (по 1 разряду) 10 августа 1876 г. произведен в подпоручики с назначением в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду, где служил в различных батареях [1, л. 3].

Э. Алиев принимал участие в Русско-турецкой войне

1877-1878 гг. При штурме хорошо укрепленного турецкого селения Зиван 13 июня 1877 г. получил свое первое боевое ранение, в связи с чем был взят под покровительство Александровского комитета раненых [1, л. 16]. За мужество и храбрость, оказанные в разновременных делах с турками, 11 июля 1877 г. награжден орденом Святой Анны III степени с мечами и бантом. Отличился при отражении вылазки Карского гарнизона 3 июня 1877 г. у селения Аравартан, за что 22 января 1878 г. награжден орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом. 26 декабря 1877 г. произведен в поручики [1, л. 3]. В Русско-турецкой войне, как известно, прекрасно себя показали все полки народов Северного Кавказа, принимавшие участие в сражениях на Балканском и Кавказском театрах военных действий.

После завершения основных военных действий 2 февраля 1878 г., Э. Алиев продолжает службу в 4-й батарее 1-й Гренадерской артиллерийской бригады, а из нее 23 марта откомандирован к 4-й батарее 3-й резервной артиллерийской бригады. Уже вскоре, 25 июля 1878 г., как один из лучших боевых офицеров, отправлен в Санкт-Петербург для поступления в Михайловскую артиллерийскую академию. После успешной сдачи вступительного экзамена 31 октября прикомандирован к академии [1, л. 3]. Показав блестящие знания, Э. Алиев заканчивает Академию «по первому разряду» [2, с. 18]. С 24 августа 1881 г. состоит на службе в 3-й Гвардейской артиллерийской бригаде до 31 января 1887 г., когда был прикомандирован к Михайловскому артиллерийскому училищу. В личном деле Э. Алиева указана цель его нового назначения: «...для усиления воспитательного персонала этого училища...». На новом месте 24 апреля 1888 г. он произведен в штабс-капитаны. В академии занимал различные должности. Последняя из них – исполняющий обязанности заведующего обучающимися офицерами (20 марта 1895 г.) [1, л. 21].

Особые качества Э. Алиева как преподавателя и воспитателя будущих офицеров русской армии не остались незамеченными. 30 августа 1890 г. он награждается орденом Святого Станислава II степени, а 30 августа 1894 г. – орденом Святой Анны II степени [1, лл. 3-4]. То, что эти награды были заслуженными, подтвержда-

ют воспоминания бывших воспитанников. В частности, Н. С. Батюшин, генерал-майор, известный деятель русской разведки начала XX века, писал: «Эрис-Хан Алиев имел военную жилку и обладал большим здравым смыслом» [9]. Э. Алиев служил также примером отличной физической подготовки. Известно, что 23 ноября 1898 г. он получил 1-й Императорский приз за бой на рапирах [1, л. 21].

Дальнейшая карьера Э. Алиева развивалась стремительно. Приказом от 1 октября 1895 г. Э. Алиев назначен командующим 7-й батареей лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады. 6 декабря произведен в полковники с утверждением в должности командира 7-й батареи. Вскоре последовали новые награды и продвижения по службе. Так, 14 мая 1896 г. он награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира IV степени; 17 марта 1897 г. – серебряной медалью в память императора Александра III. Высочайшим приказом от 25 февраля 1900 г. Э. Алиев назначается командиром 2-го дивизиона 20-й артиллерийской бригады; от 14 июня 1902 г. – командующим всей бригадой [1, лл. 4-4 об.]. 23 сентября 1903 г. награжден очередным орденом Святого равноапостольного князя Владимира III степени [1, л. 5].

Приказом от 13 ноября 1903 г. Э. Алиев назначен командующим 26-й артиллерийской бригадой с назначением полевой артиллерии. С этой бригадой он прошел всю Русско-японскую войну. 6 декабря того же года за отличие по службе произведен в генерал-майоры и утвержден в указанной должности. Вместе с бригадой прошел всю Русско-японскую войну. В частности, 6 августа 1904 г. высадился в Мукдене. Участвовал в Лаоянском сражении 19-21 августа того же года. В личном деле генерала отмечено умелое руководство им огнем батарей в бою под Бенсиху (Шахэ) с 26 по 29 сентября 1904 г. Уже в первый день участия в данном сражении, 26 сентября, Э. Алиев, будучи на наблюдательном пункте, был легко ранен и тяжело контужен, но продолжал командовать соединением. За проявленный подвиг приказом Главнокомандующего 30 ноября 1904 г. за № 215 он награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени. С 11 по 17 ноября 1904 г. участвовал в сражении под Цинхенченом

[1, лл. 5, 12; 10]. Отличие в этих боях, показанное генералом Алиевым, отмечено новой наградой – золотым оружием с надписью «за храбрость» [1, л. 23].

Приказом от 18 января 1905 г. Э. Алиев прикомандирован к Цинхченскому отряду генерал-лейтенанта П. К. Ренненкампа с назначением и. д. начальника артиллерии. Вместе со своими подчиненными воевал под Мукденом (8-25 февраля 1905 г.). В ходе боев за Ключевую сопку командир 26 артбригады генерал Э. Алиев, вступив в командование дивизией вместо заболевшего генерала Э. В. Экка, «собрал 8 знаменных взводов, со знаменами и музыкой лично повел их в атаку и занял левый гребень сопки, приостановив дальнейшее движение японцев» [10]. Генерал А. И. Деникин, вспоминая Мукденское сражение, писал: «... фронт дрогнул. В это время храбрый артиллерийский генерал Алиев повел в контратаку последние четыре знаменные роты четырех полков, отбил сопку и водрузил знамена на ней. Этот символический жест ничтожной горсти атакующих подбодрил занимавшие позиции войска, которые приостановили японское наступление» [11].

По имеющимся данным, в Русско-японской войне погиб брат генерала Магомед-хан [3, с. 561]. В телеграмме д. т. с. А. И. Нелидова от 9 февраля 1905 г., отправленной министру внутренних дел А. И. Булыгину, в числе раненных в боях с японцами офицеров указан подъесаул Магомет-хан Алиев [12]. Возможно, речь идет о брате генерала Э. Алиева. В этой войне участвовал также его старший сын – Эксан.

Высочайшим приказом о чинах военных от 16 мая 1905 г. Э. Алиев назначается командующим 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией с зачислением по армейской пехоте [13, л. 25 об.]. Приказом главнокомандующего от 13 июля 1905 г. за № 1353 Э. Алиев допускается к должности временно и. д. начальника артиллерии 7-го Сибирского армейского корпуса. Новое назначение произошло по ходатайству командующего Маньчжурской армией [1, л. 5 об.]. Огромные трудности, которые испытывала русская артиллерия, ее победы и неудачи описаны в трудах очевидцев тех трагических событий и военных историков [14].

В конце войны, 13 августа 1905 г., Э. Алиев поступает в рас-

поряжение Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии генерал-адъютанта Н.П. Линевича. За отличие в делах против японцев высочайшим приказом от 25 сентября 1905 г. он награждается орденом Святого Станислава I степени с мечами, а 5 мая 1906 г. – орденом Святой Анны I степени с мечами. В 1906 г., 11 апреля, он пожалован светло-бронзовой медалью на Георгиевской и Владимирской ленте в память войны с Японией в 1904-1905 гг. [1, лл. 5 об.–6].

Приказом командующего войсками на Дальнем Востоке 1906 г. Э. Алиев за № 165 назначается временно и. д. коменданта крепости Николаевск и вр. генерал-губернатором в отношении крепости г. Николаевска, поста Де-Кастри и всех населенных мест по р. Амуру, от устья этой реки до с. Мариинска включительно. В соответствии с приказом от 1906 г. за № 363 становится временным начальником всех сухопутных и морских войск крепости и укрепленного района с правами командира неотдельного корпуса и правами временного генерал-губернатора по отношению крепости г. Николаевска, поста де-Кастри и всех населенных мест по р. Амуру, от устья этой реки до с. Мариинска включительно. С 9 октября 1906 г. по 4 января 1907 г. Э. Алиев занимает должность начальника всего Читинского района [1, лл. 6-6 об.].

В личном деле генерала Э. Алиева, командующего 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией, составленном 5 мая 1907 г., имеется отзыв командира 2-го Сибирского армейского корпуса: «В службе сего генерала не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы, или отдаляющих срок выслуги к оному» [1, лл. 12-12 об.].

В ноябре 1907 г. на имя Николая II прошение подается о зачислении его в списки 7-й батареи 26-й артиллерийской бригады. Находясь в Петербурге для участия в Георгиевском празднике, проходившем ежегодно 9 декабря (26 ноября ст.ст.) в Зимнем дворце, Э. Алиев изъявляет желание присутствовать на высочайшем выходе, будучи в специальном мундире, заслуженном за боевые отличия [1, лл. 35, 38]. Просьба была удовлетворена.

Вскоре высочайшим приказом от 6 декабря 1907 г. Э. Алиев

производится в генерал-лейтенанты [15], что стало важной вехой в военной карьере. Новое продвижение Э. Алиева по службе происходит в связи с приказом от 14 августа 1908 г. о назначении его командиром 2-го Сибирского армейского корпуса (Иркутского военного округа, штаб в г. Чите) [2, с. 18]. В чине генерала от инфантерии состоял по одним данным с 6 декабря 1913 г. [13, л. 25 об.], а по другим – с 14 апреля 1913 г. [15]

Однако, имея после пяти лет службы на Дальнем Востоке право на перевод в Европейскую часть России, после двух неудачных попыток, 5 февраля 1914 г. генерал Э. Алиев пишет новый рапорт: «Я уже с 1904 года служу здесь. По закону прослуживший здесь пять лет имеет право на перевод в Европейскую Россию, каковой мне дважды был обещан, но как то не удастся. Как уроженцы Кавказа, я и моя семья с большим напряжением сил переносим суровый Забайкальский климат, и запас энергии уже начинает истощаться; вряд ли без ущерба для здоровья удастся выдержать еще одну пятимесячную здешнюю зиму. Кроме того, тяжелая здешняя служба, при частых переменах начальства (при мне уже переменялось четыре командующих войсками: Грядсков, Селиванов, Брилевин, Никитин) усугубляется и нервным и физическим расстройством здоровья». Он отмечает, что за годы службы стойко переносил все невзгоды и неприятности по службе «в предвидении ежегодно ожидаемой войны». Однако, если предстоящей весной «ничего не выйдет», просит, «как милости за свою службу», перевода в европейскую часть России [13, л. 1-1 об.]. На заседании высшей аттестационной комиссии, состоявшемся 15 января 1914 г. командующий войсками Виленского военного округа генерал-адъютант П. К. фон Раненкаммп просил «о предоставлении 4-го армейского округа (г. Минск), который должен освободиться в скором времени, если последует Высочайшее утверждение постановления высшей аттестационной комиссии о генерале Новосильцеве – генералу от инфантерии Алиеву». Подчеркивалось, что Э. Алиев лично ему известен «с лучшей стороны» [13, лл. 3-3об.]. 8 февраля 1914 г. последовало назначение его командующим 4-м Армейским корпусом Виленского военного округа. Штаб корпуса находился в г. Минске. 12 апреля 1914 г. Э. Алиев теле-

графировал Николаю II о вступлении в командование корпусом [13, лл. 1–1об., 25, 27, 34].

В состав корпуса входили 30-я (командующий – генерал-лейтенант Э. А. Коляновский) и 40-я (командующий – генерал-лейтенант Н. Н. Короткевич) пехотные дивизии. Позже ему была передана 2-я пехотная дивизия. При мобилизации корпус вошел в состав 1-й армии генерала П. К. Ренненкампа, бывшего начальника Э. Алиева. В конце сентября корпус передан во 2-ю армию генерала С. М. Шейдемана [2, с. 19]. Корпус принял на себя удары германской армии в годы Первой мировой войны. «IV армейский корпус, которым всю войну прокомандовал генерал Алиев, участвовал в самых тяжелых боях германского фронта (Восточная Пруссия, Лодзь, Пултуск и отход с Нарева) и выдержал затем на своих плечах отступление из Румынии, – пишет А. А. Керсновский. – Это относится и к двум коренным его дивизиям – 30-й и 40-й, – и к приданной корпусу 2-й пехотной дивизии» [16]. В боях к западу от Варшавы войска под командованием Э. Алиева сумели оттеснить противника, облегчив 2-й армии переход в наступление. За эту операцию 20 октября 1915 г. он награжден орденом Святого Георгия III степени [2, с. 19]. 6 декабря 1914 г. произведен в чин генерала от артиллерии (по другим сведениям – 19 марта 1914 г.) [15]. За боевые заслуги в Первой мировой войне Э. Алиев награжден орденами Святого Александра Невского с мечами и Белого Орла с мечами [17].

В 1917 г. Э. Алиев принимает участие в Первом горском съезде. В мае 1918 г. он выехал из Петрограда, где находился в распоряжении главнокомандующего, в Чечню. В ноябре 1918 г. был зачислен в распоряжение главнокомандующего Добровольческой армией. 13 марта 1919 г., после занятия Чечни частями генерала В. П. Ляхова, прибыл в г. Грозный. 11 апреля на съезде чеченского народа Э. Алиев избирается Верховным правителем Чечни. За время его правления оказались уничтоженными чеченские селения, не признавшие власть Добровольческой армии. В знак протеста против жесткости и насилия в отношении горцев со стороны генерала И. Г. Эрдели, командовавшего войсками на Северном Кавказе, также осуждения ответных действий горцев

Э. Алиев заявил о своей отставке. После отступления Добровольческой армии из Терской области его арестовали большевики и заключили в тюрьму Грозного. Предположительно, по приговору ревтрибунала расстрелян в 1920 г. [8, с. 774]. По другим сведениям, он успел эвакуироваться вместе с белыми войсками в Грузию, а оттуда ушел в Турцию [2, с. 19]. Следует отметить, что такая же трагичная участь постигла многих других офицеров, в том числе горцев, воевавших на фронтах Первой мировой войны, принявших участие в последующих революционных событиях и гражданской войне.

Э. Алиев оставался одним из немногих генералов русской армии, до конца сохранившим верность присяге и российскому императору. Можно по-разному относиться к отдельным фактам биографии генерала Э. Алиева, особенно касающимся периода гражданской войны. Однако нет сомнения в том, что благодаря своим личным качествам, преданности долгу и избранному делу Э. Алиев являлся одним из авторитетных в российской армии боевых генералов начала XX в. Все это подтверждается его послужным списком, наградами и воспоминаниями современников.

Использованные источники и литература

1. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР). Ф. 244. Оп. 1. Д. 1/15.

2. Кто был кто в Первой мировой войне: биографический энциклопедический словарь. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Артель», 2003. С. 18-19.

3. *Джабиров И.* Генерал Алиев. Грозный: ФУП ИПК «Грозненский рабочий», 2014. 698 с.

4. *Дзеранова Р. Ф.* Организационно-педагогическая деятельность российской и горской интеллигенции на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.: Дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2005. 145 с.

5. *Загурский Л. П.* Петр Карлович Услар и его деятельность на

Кавказе // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. X. Тифлис: Тип. Меликова, 1881. С. XLV11.

6. Кошев М. А. Ставропольская гимназия и просвещение горцев (70-90-е годы XIX века) // Культура и быт адыгов. Вып. VII. Майкоп, 1988. С. 177-189.

7. Ибрагимова З. Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX в. М., 2002. 448 с.

8. Офицеры русской гвардии в Белой борьбе / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. д-ра ист. наук В. С. Волкова. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2002. 816 с.

9. Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней: сайт. – URL: <http://www.pseudology.org/Abel/Batiushin/06.htm>
http://militera.lib.ru/science/batushin_ns/06.html.

10. Севенко А. 26-я артбригада в Русско-японской войне: сайт. – URL: <http://www.proza.ru/2009/06/16/1071>.

11. Деникин А. И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. – 300 с.: сайт. – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai/04.html

12. Телеграммы с Дальнего Востока (с фронтов Русско-японской войны), февраль 1905 года // «Проблемы местного самоуправления». 2011. № 43: сайт. – URL: <http://www.samoupravlenie.ru/43-16.php>.

13. Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904-1905: Итоги войны / под ред. Н. Л. Волконского. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. – 525 с.: сайт. – URL: <http://militera.lib.ru/h/kuropatkin/08.html>.

14. Список генеральских чинов российской императорской армии и флота: сайт. – URL: http://www.rusgeneral.ru/general_a1.html.

15. Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 10. Д. 1825.

16. Керсновский А. А. История Русской армии: сайт. – URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/17.html>].

17. Белая Россия. Алиев Эрис Хан Султан Гирей: сайт. – URL: <http://belrussia.ru/page-id-1558.html>.

Е. В. Брацун
(г. Кореновск, Россия)

ОФИЦЕРЫ КАВКАЗЦЫ НА СЛУЖБЕ В КАВКАЗСКИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСКАХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ

Изучение и преумножение исторических знаний о воинском служении народов Кавказа в Российской Императорской армии в дореволюционный период остается актуальным и малоисследованным вопросом. Это важная тема интеграции народов Кавказа в Российскую общность. И хотя за последние годы отечественное кавказоведение и краеведение сделало немало в изучении данной темы, всё же остается множество «белых пятен» в данном вопросе. Особый интерес по нашему мнению представляет тема службы кавказцев в полках Кавказских казачьих войск, Кубанского и Терского. В своей статье мы коснёмся темы службы офицеров из числа представителей адыгов и осетин в указанных казачьих войсках.

Татаршау Хаджибиевич Меретуков (1891-1920 гг.) – офицер адыг Хакуриновского аула Кубанской области. Будучи в гостях у адыгов Хакуриновского аула в 1914 г. – Кубанский казачий полковник Ф.И. Елисеев вспоминал о братьях Меретуковых: «На следующий день мы идем в дом братьев Меретуковых. Старший, Татаршау – друг по техническому училищу (Майкопскому). Оба отлично говорят по-русски и являются интеллигентными людьми. Их отец, аульный старшина, давно умер. У них мать и две сестры. У них чисто городской кирпичный дом. Два высоких тополя у входа в дом – словно парные часовые, говорили о красоте души их

отца» [1]. Упомянутый выше отец Т.Х. Меретукова – это Хаджибий Меретуков. В справочной книге Кубанской области за 1891 г. он упомянут как «аульный старшина Хакуриновского аула» [2]. На такую должность, как правило, выбирали адыгов из числа офицеров Российской армии, лиц знатного происхождения или пользовавшихся особым почётом и уважением в ауле. Небольшое отступление. Аул Хауриновский – ныне аул Хакуринохабль (адыг. Хьэкурынэхабл) – административный центр Шовгеновского района Республики Адыгеи и Хакуринохабльского сельского поселения. В нём жили и живут представители преимущественно абдзехского адыгского субэтноса.

О краткой, но яркой воинской службе Т.Х. Меретукова подробнее может рассказать его архивный послужной список, составленный 25 февраля 1918 г. в г. Екатеринодаре (нынешнем Краснодаре). Прапорщик Меретуков Татаршау Хаджибиевич, – тогда ему было 27 лет (1891 г.р.). Исповедовал магометанскую (мусульманскую) веру. «Происходил из горцев Кубанской области, Майкопского отдела аула Хакуриновского. Имел свидетельство об окончании в Майкопе механико-технического училища за № 59. В 1918 г. получил чин прапорщика». В годы Первой мировой войны, а именно 17 ноября 1915 г. Т.Х. Меретуков был зачислен на службу в Черноморский конный полк, а именно во 2-ю сотню полка «охотником», т.е. добровольцем. За это, в частности, говорит приказ по полку № 326. Скорее всего речь идёт о 1-м Черноморском полковника Бурсака 2-м конном полку ККВ. Не совсем понятно, почему Т.Х. Меретуков не поступил на службу в Черкесский конный полк знаменитой «Дикой» дивизии. Скорее всего, полк был полностью укомплектован личным составом за 1914 г.

За мужество и храбрость в боях против немцев и австрийцев Великим князем Георгием Михайловичем и от его имени Т.Х. Меретуков награждён Георгиевским крестом 4-й степени за № 908529, приказ по полку № 73 от 14 марта 1917 г. Получить Георгиевский крест от имени представителя правящей династии тогда было весьма почётным явлением и свидетельствовало о личной храбрости награждаемого. Также за отличие по службе Т.Х. Меретуков произведён в младшие урядники 1 апреля 1917 г.

11 октября 1917 г. он отправлен в Екатеринодарскую казачью школу прапорщиков для «прохождения курса обучения». Зачислен в списки Екатеринодарской школы подготовки прапорщиков в конную сотню, приказ школы № 311. Окончив 4-х месячный курс Екатеринодарской школы, был произведён в прапорщики конной сотни, приказ школы № 56 от 25 февраля 1918 г. К началу 1918 г. Т. Х. Меретуков был холост. Недвижимого имущества не имел. Наказаниям и взысканиям не подвергался [3]. В 1918 г. Т. Х. Меретуков стал участником 1-го Кубанского «Ледяного» похода генерала Л. Г. Корнилова в рядах Черкесского конного полка, полковника, а позднее генерала Султан Клыч-Гирея. В августе 1919 г. он уже корнет 2-го Черкесского полка Черкесской конной дивизии. Полковник Ф. И. Елисеев вспоминал о встрече с ним в 1919 г.: «Прошло свыше пяти лет. Белые войска были в апофеозе славы. Корпус генерала Кутепова занял Орел, а казачьи корпуса генералов Мамантова и Шкуро – Воронеж. Торопясь как можно скорее вернуться на фронт для участия во взятии Москвы, в августе 1919 года, на узловой станции Курганная, что между Армавиром и Майкопом, встречаю старшего Меретукова. Он корнет Черкесского конного полка. Радости нашей не было конца.

– Ка-ак хочешь Федя, но ты должен поехать со мной к нам в аул. Тебе приятно будет видеть тех, которых ты не видел около шести лет, – говорит Татаршау и добавляет – мы тебя считаем, словно нашим, черкесом.

Аул был недалеко. Соблазн был большой, и я дал согласие побывать только несколько часов в гостях. У Меретуковых во дворе полное запустение, т.к. хозяйничать некому: брат в армии, в доме сестра-подросток и старушка мать. В этом отношении наши кубанские черкесы переживали с нами, казаками, одно горе двух войн – внешней и гражданской. Комнаты обставлены у Меретуковых по-городскому. На стене висит шашка покойного отца, ножны которой отделаны кавказским галуном, как показатель большого щегольства и вкуса владельца ее. Мы трое обедаем. Старушка-мать приготовила курицу по-черкесски. Подает нам все к столу красавица сестренка лет 14-ти – тихая в движениях и абсолютно безмолвная, хотя она и хорошо говорит по-русски».

Далее Ф.И. Елисеев пишет про мать и младшую сестру Т.Х. Меретукова: «Видимо, она была очень красива в молодости. Ей лет под 50. Она также улыбается, но ничего не говорит, т.к. не знает русского языка. Я прощаюсь за ручку и с ее дочкой, которая при этом рдеет. И когда мы сели в линейку – дочка, оторвав веточку чернослива со спелыми сизо-синими плодами, быстро подбежала ко мне, сунула ее в руку и, словно дикая серна, так же быстро отскочила назад, улыбаясь. Расстались, и больше я уже никогда и никого не увидел из них» [4].

Судьба представителей этой семьи в дальнейшем сложилась трагично. Сам Т.Х. Меретуков, сражаясь во 2-м Черкесском конном полку, погиб в бою с красными в марте 1920 г. недалеко от г. Майкоп. Его младший брат Магаджери в 1920 г. при отступлении Белой армии постановлением стариков адыгов был оставлен в родном ауле Хакуринохабль как человек, знавший русский язык, и для защиты аульчан перед красной властью и новым порядком, но был расстрелян большевиками в числе первых жертв красного террора аула. Ф.И. Елисеев вспоминал о нём: «Младший Магаджери, высокий, стройный, с тонкими красивыми чертами лица, добрый и вежливый» [5].

За последнее время вышло немало научных и публицистических публикаций об осетинском генерале, офицере Терского казачьего войска Э.А. Мистулове. Об его младшем брате, хорунжем Давлет-Гирее Асланбековиче Мистулове известно меньше.

Хорунжий 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского Генерал-Фельдмаршала Князя Потёмкина Таврического полка, ККВ Давлет (Доллат) Гирей Асланбекович Мистулов. Должности по службе не имел, ордена и знаки отличия к августу 1917 г. отсутствовали. Родился 15 ноября 1889 г., исповедовал мусульманскую веру. Происходил из казачьего сословия Терского казачьего войска станицы Черноярской Моздокского отдела. Образование получил общее при доме родителей, военное при элитном Николаевском кавалерийском училище, в котором выдержал офицерский экзамен по 1-му разряду. Прибыл в 1-й Кавказский полк на Кавказском фронте (в Турции) в качестве добровольца и зачислен в списки 1 декабря 1916 г. Тогда этим полком командовал его старший брат,

полковник Э. А. Мистулов. Определён на службу в 1-ю сотню полка 10 декабря. 20 декабря 1916 г. командирован в город Петроград для подготовки и сдачи выпускного офицерского экзамена при Николаевском кавалерийском училище. За прилежание по службе переименован в младшие урядники. Приказом по армии и флоту от 18 июня 1917 г. произведён в хорунжие с назначением во 2-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска со старшинством от 12 июля 1916 г. Исключён из списков 1-го Кавказского полка 5 июля 1917 г. Прибыл ко 2-му Запорожскому полку и назначен младшим офицером 1-й сотни полка. 2-й Запорожский полк входил в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии, тогда им командовал полковник ККВ С. Г. Улагай. К моменту составления краткого послужного списка 3 августа 1917 г. вышеуказанный офицер был холостым. В графе «недвижимое имущество за ним и за родителями, за женой» значилось – не имеет, взысканиям и наказаниям – не подвергался [6].

Одним из выдающихся, но забытых офицеров осетин на службе в Кубанском казачьем войске является генерал-майор Уджуко (Валентин) Захарович Хоранов. Родом У.З. Хоранов был из Ардона. Он родился 6 марта 1872 г. [7]. «Происходил из дворян». Общее образование получил в Ярославском Демидовском юридическом лицее, где окончил полный курс [8]. Военное образование получил в Киевском пехотном юнкерском училище, которое окончил по 1-му разряду. Исповедовал православную веру, супруга также [9]. Нижним чином служил с 9 сентября 1896 г., хорунжим – с 12 августа 1897 г., сотником – с 1 июня 1901 г., подьесаулом – с 1 июня 1905 г. [10]. В 1909 г. был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени. В 1-м Кавказском полку служил с 11 апреля 1907 г. В 1909 г. аттестовался как «хороший». 6 января 1908 г. был командирован в распоряжение военного прокурора Кавказского военно-окружного суда. Младший офицер 6-й сотни, затем 5-й сотни. Был женат, у него был сын 1911 года рождения. Служа в полку, У.З. Хоранов характеризовался как: «Вполне развитый и сознательный офицер. Выдающийся» [11]. В годы Гражданской войны в России У.З. Хоранов был произведён в генерал-майоры. Уже цитировавшийся Ф.И. Елисеев описывает свою службу с

У.З. Хорановым в г. Мерв, в Закаспийской области (нынешняя Туркмения), накануне и в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. и Гражданской войны в России: «Он православный, Валентин Захарович, из осетинского селения Ардонского, что рядом со станцией Ардонской Сунженско-Владикавказского отдела Терского Войска. По-осетински он – Уджукко Джанхотович. После гимназии хотел стать юристом и окончил Ярославский Демидовский лицей. Потом окончил в Москве Александровское военное училище и вышел хорунжим в один из пластунских батальонов Кубанского Войска. За несколько лет до Великой войны 1914 года перевелся в наш 1-й Кавказский полк, раскинутый сотнями по персидской и афганской границам, в селениях Тахта-Базар, Пуль-и-Хатум и крепости Кушка. Две сотни со всеми командами и штаб полка квартировали в городе Мерв Закаспийской области. В 1913 году, когда я прибыл в полк молодым хорунжим, по окончании Оренбургского казачьего училища, он был в чине подьесаула и имел 38 лет от рождения, будучи младшим офицером, вначале 2-й, а потом 3-й сотни. Последняя стояла в Мерве. Старшие офицеры были с ним все на «ты» и называли его только по имени – Уджукко. Мы же, молодежь, называли его по православному – Валентин Захарович. Отличный полковой товарищ. Веселый, добрый, беззаботный. Любитель пошутить и критиковать высшее начальство, начиная со своего командира сотни, есаула Захария Зиновьевича Котляра. Дамский кавалер. С женой был в трагической разлуке из-за своего друга, офицера-осетина Лазаря Бичерахова. Скучал, почему по субботам посещал балы в гарнизонном собрании – единственное культурное развлечение в Мерве. Отлично танцевал все бальные танцы, а свою кавказскую лезгинку – исключительно тонно, стильно, с полным пониманием этого классического танца кавказских горцев. Был спортивен и силен. И несмотря на свою слегка мясистую фигуру, приходя в нашу учебную команду, отлично делал «скобку» и на параллельных брусьях, и на турнике. А прыжками в длину никто не был сильнее его. К казакам был очень добр, службой их не напрягал. Конный строй он мало знал, не интересовался им и даже не имел собственной лошади, выезжая на разные учения на казачьей лошади. По мобилизации 1914 года

командир полка, полковник Д. А. Мигузов, терский казак, с удовольствием откомандировал его в Войско для формирования 2-го Кавказского полка, так как не любил его, как не любил командира и Хоранов. На войну он вышел командиром сотни и вернулся по ее окончании в чине полковника. В Гражданской войне некоторое время командовал 2-м Кубанским полком в корпусе генерала Улагая за Царицыном в 1919 году, но не поладил с ним, и Улагай уволил его – так он [Хоранов] мне сам рассказывал потом. С ним мы дружили еще с Мерва, как «два мушкетера» в танцах» [12]. После поражения Белого движения на Юге России генерал У. В. Хоранов прошел через советские лагеря в 1920-х гг. В 1929 г. был вторично арестован, о дальнейшей его судьбе данных найти не удалось.

Представители офицерской семьи Улагаевых происходили из влиятельного шапсугского рода узденей. Выдающийся этнограф и знаток истории причерноморских адыгов Л. Я. Люлье указывал Улагаев как одну из главных дворянских фамилий шапсугов [13]. Улагаи были вынуждены покинуть земли шапсугов после крестьянских выступлений против шапсугской знати в конце XVIII – начале XIX вв. Род обосновался частью у соседних адыгских народов, в большинстве своём у натухайцев. Уже во время службы в России представители этого рода жили в Анапе и на правом берегу Кубани, в станицах Суворово-Черкесской и Гривенско-Черкесской. Коснёмся судеб малоизвестных офицеров этого адыгского рода.

Товшук Пшемафович Улагай (он же в самых разных документах Товшук, Тавшук, Тохшук) родился в 1828 г., являлся офицером, родоначальником одной из ветвей рода Улагаевых. Он дослужился на военной службе до звания штабс-ротмистра к 18 апреля 1880 г. [14]. В службу вступил всадником Анапского Горского полуэскадрона с 14 февраля 1846 г. [15]. Всадником 1-го разряда за отличия в военных действиях Т. П. Улагай стал к 01 июня 1852 г. [16]. Затем он проходил службу в лейб-гвардии Кавказко-Горского полуэскадрона. После выслуги лет в конвое в приказе по войскам Правого крыла Кавказской линии № 53 от 30 ноября 1856 г. объявлялось о производстве Т. П. Улагая в корнеты с зачислением по армейской кавалерии [17]. После он принимал активное уча-

стие в завершающем этапе Кавказской войны 1817-1864 гг. на Северо-Западном Кавказе в составе Адагумского отряда. Служил офицером в Анапском горском полуэскадроне и в Кубанском конно-иррегулярном эскадроне [18]. К 1864 г. дослужился до чина поручика. После окончания Кавказской войны проживал в станице Суворово-Черкесской. В 1873-1876 гг. Т.П. Улагай являлся атаманом этой станицы [19]. В ней же он владел земельным участком в 240 десятин, данным ему за службу на Кавказе [20].

В годы Русско-турецкой войны (1877-1878) Т.П. Улагай в чине поручика служил в Конно-иррегулярной сотне Кубанской области [21], укомплектованной из адыгов-казаков станиц Гривенско-Черкесской и Суворовско-Черкесской, и командовал как атаман станицы Суворовско-Черкесской той частью всадников, что набиралась из его станицы. Сотня несла службу в Темрюкском уезде и охраняла побережье Таманского полуострова от возможной турецкой десантной высадки с апреля по декабрь 1877 г. За военную службу в Российской армии он был награждён следующими наградами: золотой медалью – 6 мая 1857 г., орденом святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом – 23 апреля 1863 г., орденом святой Анны 3-й степени с мечами и бантом – 24 марта 1865 г. Высочайшим приказом от 18 апреля 1880 г. произведён в чин штаб-ротмистра [22]. После службы Т.П. Улагай продолжал проживать в ауле Суворовско-Черкесском и умер там же 26 ноября 1890 г. [23].

Другим отличившимся офицером данного рода, но уже из другой ветви, был Исмаил Шехимович Улагай. Родился в 1827 г., происходил «из шапсугских первостепенных узденей аула Богатар» [24]. Обучение проходил в «частном учебном заведении». В службу поступил всадником Анапской горской команды с 06 мая 1842 г. [25]. В этот период службы И.Ш. Улагай участвовал практически во всех боевых действиях в составе Анапской горской команды и Анапского горского полуэскадрона, входивших в состав войск Черноморской береговой линии. За отличие в боях с враждебными горцами всемилоостивейше был награждён единовременно 20 руб. серебром 20 сентября 1846 г. [26]. Затем И.Ш. Улагай переведён на службу в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон собственного Его Императорского Величества конвоя,

где состоял оруженосцем с 01 октября 1848 г., а юнкером с 1850 г. Служа в конвое, И. Ш. Улагай с 10 мая по 29 сентября 1849 г. участвовал в Венгерском походе Российской армии [27]. Приказом от 9 августа 1852 г. проходил службу в чине корнета. После службы в конвое с 1853 г. служил в Донском № 29-м казачьем полку, был субалтерн-офицером в 1-й сотне [28]. А с 1855 г. в Донском 75-м полку. Весной 1863 г. И. Ш. Улагай состоял в Адагумском отряде, в котором возглавлял команду Гривенских всадников, состоявшую из адыгов-казаков станицы Гривенско-Черкесской. За отличие в командовании этим соединением приказом по ККВ от 23 апреля 1863 г. он награжден орденом святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, установленным «для нехристиан» [29].

В 1864 г. И. Ш. Улагай был произведен в штаб-ротмистры приказом от 10 января 1864 г. Весной 1865 г., находясь на Черноморском побережье, участвовал в наблюдении за порядком при отправлении горцев мухаджиров, входя в особую комиссию от Адагумского полка под председательством майора Неймана [30]. После окончания боевых действий на Северо-Западном Кавказе И. Ш. Улагай проживал в станице Суворовско-Черкесской. За службу на Кавказе в станице ему был пожалован земельный участок в 200 десятин. К январю 1870 г. И. Ш. Улагай являлся атаманом Суворово-Черкесской станицы, получая жалование 118 руб. 40 коп. в год [31]. Приказом № 14 по ККВ от января 1871 г. объявлялся приказ по Кавказскому военному округу от 22 декабря 1870 г. за № 329 об увольнении в отпуск: «Прикомандированный к Адагумскому полку, состоящий по Армейской кавалерии штабе-ротмистр Исмаил Заходжоков – Улогай, за границу в г.г. Мекку и Медину на шесть месяцев» [32]. За годы своей службы И. Ш. Улагай был награжден следующими орденами и наградами: орденами святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость» и святой Анны 3-й степени, святого Станислава 3-й степени для мусульман установленным, бронзовой медалью за Крымскую войну 1853-1856 гг., серебряной медалью «за покорение западного Кавказа 1859-1864 гг.» и крестом за службу на Кавказе [33]. В 1871 г. этот офицер прекращает свою службу в Российской армии.

Представители адыгского рода Улагаевых оставили заметный

след в военной истории Кубанского казачьего войска. Они служили командирами отдельных сотен и команд, были атаманами станичного уровня.

Подводя итоги, отметим. Офицеры-кавказцы оставили заметный след в воинской службе Кавказских казачьих войск, Кубанского и Терского. Жизнь, судьба и служба таких офицеров, на наш взгляд, – яркий пример интеграции народов Кавказа в Российскую империю посредством военной службы, своеобразной социальной лестницы того времени. С другой стороны, казачество очень часто воспринимают только лишь как чисто «славянское», «православное» явление военной истории России, но не учитывают фактор службы представителей других народов в казачьих войсках. На примере офицеров из адыгов и осетин мы показали, что и представители других народов играли важную роль в жизни и службе Кубанского и Терского казачьих войск на рубеже XIX-XX вв.

Использованные источники и литература

1. *Елисеев Ф. И.* Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005. С.76.
2. Кубанская справочная книжка. 1891. Екатеринодар, 1891. С.92.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.434. Оп.1. Д.52. ЛЛ.135 об – 138.
4. *Елисеев Ф. И.* Указ. соч. С.80-82.
5. Там же. С.76.
6. ГАКК. Ф.396. Оп.5. Д.630. Л. 37 об. – 38.
7. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.907. Л.30 об.
8. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.809. Л.61 об.
9. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.773. Л.218.
10. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.753. Л.297 об.
11. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.841. Л.85 об.
12. *Елисеев Ф. И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С.105-106.
13. *Люлье Л. Я.* Черкесия (историко-этнографические статьи)

// Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 66.

14. ГАКК. Ф.418. Оп.1. Д.59. Л.3 об.

15. ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.1079. Л.167 об.

16. ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.1303. Л.86 об.

17. Приказы по войскам Кавказской линии и Черномории за 1856 г.

18. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.14257. Оп.3. Д.485. Л.14 об.

19. Кубанский календарь на 1875 г. Екатеринодар, 1875. С.71.

20. Сборник сведений о Кавказе. Списки населённых мест Кубанской области. Тифлис, 1885.

21. ГАКК. Ф.349. Оп.1. Д.10. Л.6.

22. ГАКК. Ф.418. Оп.1. Д.59. Л.3 об.–4.

23. ГАКК. Ф.418. Оп.1. Л.1218. Л.126 об.

24. ГАКК. Ф.322. Оп.1. Д.141. Л.3 об. – 4.

25. ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.177. Л.58.

26. ГАКК. Ф.322. Оп.1. Д.141. Л.3 об. – 4.

27. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.246. Л.33.

28. ГАКК. Ф.322. Оп.1. Д.141. Л.3 об. – 4.

29. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1863 г.

30. *Кияшко И. И.* 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска. Исторический очерк // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1909. Т.14. С.422.

31. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.246. Л.27.

32. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1871 г.

33. ГАКК. Ф.396. Оп.2. Д.246. Л.27.

Э. М. Далгат
(г. Махачкала, Россия)

ОНА БЫЛА ПЕРВОЙ. К 130-ЛЕТИЮ ПИАНИСТКИ, КОМПОЗИТОРА ДЖЕННЕТ МАГОМЕДОВНЫ ДАЛГАТ (1885-1938)

Человеческое общество не может развиваться гармонично, если в нём принижена роль женщины. Её положение как лакмусовая бумага показывает степень цивилизованности общества.

Судьба дагестанской женщины никогда не была легкой. До революции её уделом были многочисленные трудовые обязанности в семье, в полеводстве и животноводстве. Она не была допущена к участию в сельском управлении. У неё не было возможностей раскрыть свои таланты и способности. Родители девушки, как только появлялась выгодная партия, старались выдать её замуж, и она полностью оказывалась во власти мужа.

Но в этом правиле бывали и счастливые исключения. Таким исключением стала судьба Дженнет Магомедовны Далгат. Говоря о ней, часто употребляют слово «первая». Она была первой из дагестанок, в 1909 г. получившей высшее образование. Она была первым профессиональным композитором Северного Кавказа. Она была музыкантом-просветителем, педагогом. В этом году Дженнет Далгат исполнилось бы 130 лет. Она родилась в 1885 г. в городе Владикавказ в культурной, просвещенной семье. Известно, что только благодаря семье женщина может чего-то добиться. Отец Дженнет – Магомед Магомедович Далгат – был родом из селения

Урахи Даргинского округа Дагестанской области. Он был первым дагестанцем, который стал профессиональным врачом, закончив в 70-е годы XIX в. университет в Германии. После окончания учёбы кавказская администрация направила его работать врачом во Владикавказ. Он стал известным общественно-политическим деятелем Северного Кавказа. Его избирали депутатом Владикавказской городской думы, он издавал газеты «Весь Кавказ» и «Голос Кавказа» либерально-демократического направления [1]. В 1912 г. его избрали депутатом от Дагестана в IV Государственную думу, где при его активном участии был принят закон, освободивший 70 тыс. дагестанских крестьян от зависимости бекам [2].

Мать Дженнет – Хаси Ханум Шах-Саварова – родственница персидского вице-консула во Владикавказе, широко занималась благотворительной деятельностью [3].

Тётя Дженнет – жена персидского вице-консула, была известна своими прогрессивными взглядами, вела переписку с великим русским писателем Львом Толстым [4].

Владикавказ, в котором родилась и выросла Дженнет Далгат, был экономическим и культурным центром Северного Кавказа. В городе был сосредоточен цвет северокавказской интеллигенции, действовало много культурно-просветительских, профессиональных обществ. Осетинская интеллигенция была европейски образована и привержена гуманистическим идеалам. Она была близка к народу, среди неё распространялись народнические настроения.

В доме доктора Далгат часто собирались представители интеллигенции, и Дженнет внимательно слушала их споры о судьбах горцев, о том, как, с одной стороны, сохранить самобытную культуру горских народов, а с другой – приобщить их к достижениям европейской культуры, как облегчить тяжёлое положение народов Кавказа.

Частыми гостями в большом двухэтажном доме отца Дженнет были горцы из Дагестана, приехавшие поправить здоровье к своему знаменитому земляку – доктору. В доме были специальные комнаты, отведенные для гостей из Дагестана. Доктор Далгат бесплатно лечил их, а неимущим давал денег на обратную дорогу.

В такой обстановке росла, так формировалась, вместе с двумя младшими братьями Сераж-этдином и Джемал-этдином, Дженнет.

Уже в детстве у неё проявились музыкальные способности. Отец поощрял её занятия музыкой, её желание стать музыкантом. В 1904 г. Дженнет Далгат едет, как когда-то её отец, в Германию и поступает в консерваторию города Лейпциг. Это определило её дальнейшую судьбу.

Богатой и разнообразной была музыкальная жизнь Германии в начале XX в., а Лейпциг, куда приехала молодая горянка, считался признанной столицей немецкой музыкальной культуры.

Шум и блеск большого европейского города вначале ослепили Дженнет. Но, целеустремленная и настойчивая, она увлеченно начала занятия музыкой в консерватории. Ей повезло, её педагогом стал известный музыкант, ученик великого Ференца Листа, профессор А. Рейзенауэр. Молодая горянка с восточной внешностью выделялась из массы немецких студентов и привлекала их внимание. Мусульманка с далёкого Кавказа занимается музыкой в европейском городе – действительно было чему удивляться! Но времена меняются, и то, что было невозможно раньше, становилось реальностью. Став частью России, Дагестан активно вовлекался в её экономическое и культурное пространство. Перед горцами открылись широкие перспективы приобщения к русской, а через неё к европейской культуре.

Во время учёбы Дженнет в Лейпцигской консерватории проявилось её необыкновенное музыкальное дарование. Строгие немецкие профессора отмечали её большие успехи как пианистки.

Напряжённая учёба, посещение концертов симфонической музыки, оперных спектаклей, знакомство с немецкой культурой – вот чем были заняты дни молодой горянки.

Пять лет учёбы пролетели незаметно, и в 1909 г. Дженнет Далгат блестяще закончила консерваторию по классу фортепиано. За выдающиеся исполнительские достижения дирекция присудила ей золотую медаль [5].

Дженнет вернулась домой. Она стала выступать с концертами в городах Северного Кавказа, знакомила слушателей с европей-

ской музыкой. Её концерты получали высокую оценку у слушателей, в местной прессе. Так, в одной из рецензий было сказано: «Отметим ещё раз игру выдающейся пианистки – лауреатки Лейпцигской консерватории госпожи Д.М. Далгат. Внешняя манера игры у неё – чисто мужская: смелый отчетливый удар ..., масса эффектов неожиданности, очаровательности..., высокая музыкальная образованность. Невероятная музыкальная память» [6].

На концертах она исполняла музыку великих европейских композиторов Бетховена, Шопена, Шумана, Баха, Моцарта, Листа, Чайковского.

Но Дженнет Далгат не ограничивалась только концертной деятельностью. Воспитанная отцом в традициях служения своему народу, она хотела обучить музыке дагестанских детей. Такие возможности открылись в Дагестане после Октябрьской революции. Новая власть своей первоочередной задачей считала народное образование, поднятие культурного уровня горцев. С этой целью в общеобразовательных школах создавались музыкальные кружки, вводились уроки пения. В 1926 г. в Буйнакске было открыто Дагестанское музыкальное училище, в том же году его перевели в Махачкалу. Дженнет Далгат принимает активное участие в организации и становлении первого в Дагестане специального училища.

Педагогический состав училища в первые годы его существования был очень сильным. Были приглашены музыканты из Москвы и Ленинграда. Класс фортепиано вела Дженнет Далгат. Возглавил училище выпускник Ленинградской консерватории Готфрид Гасанов.

В училище учились в основном дагестанские дети. На отделении национальной музыки в 1926 г. занимались 30 мальчиков и девочек из коренных народов Дагестана.

Педагоги музыкального училища многое сделали для создания национальной профессиональной музыки. Свой вклад в это внесла и Дженнет Далгат. Она создавала музыкальные сочинения на национальной основе, делала обработку народных мелодий.

Для того чтобы повысить своё композиторское мастерство,

Дженнет Далгат в 1925 году по направлению Народного комиссариата просвещения Дагестана, подписанного Алибеком Тахо-Годи, вновь едет в Лейпциг. Там она учится у известного немецкого композитора и педагога Фрица Рейтера, у других профессоров [6, 73].

Особая страница в биографии Дженнет Далгат – это пропаганда дагестанской народной музыки в Германии. В 1927 г. во время её учёбы в Лейпциге из Дагестана ей прислали два сборника дагестанских мелодий в обработке Г. Гасанова, Джамалова и Е. Юдиной. Дженнет показала их немецким профессорам консерватории и композиторам [7]. Они заинтересовались музыкой дагестанских горцев. На основе дагестанских мелодий и на их темы было создано несколько музыкальных сочинений. Самым крупным и интересным было произведение композитора Фрица Рейтера «Дагестанская сюита» – написанное для симфонического оркестра. Это произведение в 1930 г. исполнялось в нескольких городах Германии и имело большой успех. Немецкая публика высоко оценила дагестанскую народную музыку. Так, в «Силезской газете» появился отзыв на исполнение «Дагестанской сюиты». Её автор указывал, что она вся пропитана народными мелодиями, глубоко-серьёзного героического характера, родиной которой истари является горная страна на Кавказе – Дагестан. Далее автор рецензии пишет: «ценность таких народных мелодий для искусства не подлежит никакому сомнению. Они были во все времена, эпохи стимулами к созданию значительных национальных сочинений» [7, 117].

В «Дрезденских известиях» писали: «В заключении услышали в первый раз «Дагестанскую сюиту» для оркестра Фрица Рейтера. В основу своего произведения композитор кладет (подлинные оригинальные) мелодии из Дагестана (южно-русская область на Кавказе) ... Благодаря тому, что эти красивые, подчас очень меланхоличные мелодии почти оставлены нетронутыми в смысле своеобразности, сюита производит впечатление очень интересного, правдивого и цельного сочинения» [7, 117].

В «Народной газете» отмечалось, что после исполнения «Да-

гестанской сюиты» «композитор должен был, вполне заслужено, неоднократно выходить на вызовы» [7, 117].

Помимо «Дагестанской сюиты» композитор Ф. Рейтер написал концерт для виолончели с оркестром, среднюю часть которого заключали в себе две дагестанские темы, пленившие композитора красотой своей мелодики. Кроме того, Ф. Рейтер издал сборник художественных пьес в стиле новейшей музыки, из которых 4 представляли собой обработки дагестанских мелодий. Этот сборник разошелся кроме самой Германии по многим странам Европы и применялся в лучших музыкальных школах при консерваториях Запада [7, 118].

Таким образом, Дженнет Далгат способствовала знакомству немецких композиторов, а затем и европейской публики с дагестанской народной музыкой.

Д. Далгат вспоминала, что во время её учёбы в Лейпциге существовал союз советских студентов, который устраивал митинги-концерты, художественные вечера, собиравшие тысячи немецких рабочих и студентов, приходивших послушать музыку и стихи советских композиторов и поэтов, видела, какое воздействие оказывают музыка и стихи на немцев. Она мечтала о том, чтобы и в городах и аулах Дагестана искусство, а именно музыка и драма, поднимали уровень культуры дагестанцев, помогали вести пропаганду нового образа жизни, который утверждался после победы революции [7, 117].

По возвращении в Дагестан она начинает реализовывать свою мечту. С 1927-1928 учебного года Дженнет Далгат работает в Махачкалинском музыкальном училище, ведет класс фортепиано, обучает детей горцев музыке. Она много выступает с концертами, сочиняет музыку, активно участвует в культурной жизни Дагестана.

В 20-е годы Дженнет Далгат была одной из наиболее видных фигур музыкальной жизни республики.

В её творчестве всё большее место занимает национальная тематика. Дженнет использует в своих музыкальных произведениях мелодии дагестанских песен и танцев.

Народные мелодии она широко использовала при создании

миниатюр для своей «Школы игры на фортепиано» – первой в Дагестане работы такого рода, а также в других сочинениях. Так, даргинские и кумыкские мелодии Дженнет Далгат включила в сочинение номер 6 – произведение, посвященное памяти её отца доктора Магомед Далгата.

Дженнет Магомедовне принадлежит первый опыт создания большого произведения на основе дагестанского музыкального фольклора – «Рапсодии».

Музыковед Манашир Якубов назвал это произведение сочинением эпического размаха, в котором имелись и героические песни горцев, и народные мелодии на свирели и дудке.

Среди сочинений Дженнет Далгат выделяется «Лезгинка» для струнного квартета. Эта пьеса, целиком основанная на народных танцевальных мотивах, была первым в Дагестане сочинением для квартета. Другое сочинение композитора – дуэт «Цветы на льду» («Грёзы») – было написано на слова прекрасного стихотворения на аварском языке в переводе Э. Капиева.

Заслуги Дженнет Далгат в создании национальной и профессиональной музыки дали основание Мураду Кажлаеву считать её первым профессиональным композитором Дагестана.

В начале 30-х годов у Дженнет Далгат ухудшилось состояние здоровья, и врачи посоветовали ей поменять климат. Она переехала в Нальчик. Там она прожила несколько лет. По некоторым сведениям, она является инициатором открытия в Нальчике первой детской музыкальной школы, которая с 2006 г. носит имя Юрия Темирканова.

Жизнь Дженнет Далгат была недолгой, заболев, она умирает в 1938 г. в возрасте 53 лет. Её короткий творческий путь был ярким и плодотворным. Пианистка и педагог, музыкально-общественный деятель и автор первых музыкальных произведений, она внесла большой вклад в развитие дагестанской музыкальной культуры.

Имя Дженнет Далгат в наши дни не забыто. В 2003 г. Дагестанская госфилармония провела детский музыкальный фестиваль, посвященный Дженнет Далгат. Её именем названа одна из улиц Махачкалы. Весной 2015 г. Историко-культурное общество

Дагестана организовало в городах и районах республики лекции, посвященные 130-летию Дженнет Далгат.

Потомки Дженнет Далгат продолжили заложенные ею традиции. Её сын – Джемал, как и мать, стал музыкантом. Блестяще закончив композиторское отделение Московской и дирижерское отделение Ленинградской консерваторий, он долгие годы работал дирижером в театре оперы и балета им. Кирова в Ленинграде. Джемал Далгат много гастролировал и ставил спектакли в США, Германии, Индии, Японии, Великобритании и т.д. Он был постановщиком и дирижером первого дагестанского балета «Горянка» на музыку Мурада Кажлаева по поэме Расула Гамзатова.

За заслуги перед дагестанской и российской культурой ему присвоили звание «Заслуженного деятеля культуры Дагестана» и «Заслуженного деятеля культуры Российской Федерации». Последние годы своей жизни Джемал Далгат возглавлял созданный им «Санкт-Петербург оркестр».

Дочь Джемала – Дженнет Далгат-младшая – известная петербургская художница. У неё два сына: Дмитрий тоже является художником, младший Михаил Татарников продолжил музыкальные традиции семьи и закончил Санкт-Петербургскую консерваторию. Как когда-то дедушка, он работал в Мариинском театре оперы и балета (бывший Кировский театр оперы и балета). С 2012 г. он является главным дирижером Михайловского театра оперы и балета в Санкт-Петербурге.

Дженнет Далгат, 130-летний юбилей которой республика отмечает в этом году, является одним из ярких представителей дагестанской национальной культуры – пианистка, музыкант-просветитель и педагог, первый профессиональный композитор Северного Кавказа.

Использованные источники и литература

1. Далгат Э. М., Магомедова С. А. Магомед Магомедович Далгат. Личность и общественно-политическая деятельность. Махачкала, 2013. С. 70-95.

2. *Далгат Э.М.* Род Далгатов // *Возрождение*. № 4. 1998. С. 73.
3. *Тахо-Годи Аза.* Жизнь и судьба: воспоминания. М., 2009. С. 23.
4. Из воспоминаний Уздият Башировны Далгат. (Архив авт.).
5. *Якубов М.* Творчество композиторов Дагестана. Махачкала, 1961. С. 77.
6. *Якубов Манашир.* Очерки истории дагестанской советской музыки. Махачкала, 1974. С. 72, 73, 77.
7. *Далгат Дженнет.* О перспективах художественного народного творчества Дагестана // *Строительство социализма Дагестана*. № 1-2. 1931. С. 116, 117, 118.

БИБЛИОГРАФИЯ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Р.М. Абрамян
(г. Москва, Россия)

БИБЛИОГРАФИЯ АБХАЗСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

1. АБРАМЯН А.А. Из родословной одной многонациональной семьи // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1995. Вып. 2. С. 45. [Абрамян, Эшба, Шаликовы]

2. АБРАМЯН А.А. Родословная семьи Абрамян-Эшба (фрагменты из ее истории). М., 1996. 54 с., 2 л. вкл.

Рец.: S. // Летопись Историко-родословного общества. М., 1997. Вып. 4-5. С. 181.

3. АБРАМЯН А.А. Люди многонациональной семьи // Эльбрус. Нальчик, 2000. № 1 (12). С. 50-54. [Абрамян, Эшба, Шаликовы].

4. АБРАМЯН Р.М. У генеалогов Абхазии // ГСК. Нальчик, 2003. № 5. С. 166-169.

5. АГАБАБЯН А.Г. Моление фамилии Ампар // Археология и этнография понтийско-кавказского региона: Сб. науч. тр. Краснодар, 2014. Вып. 2. С. 43-88.

6. АГУАЖБА А.Х. История рода Ачба // Матер. н. конф., посв. 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012. С. 156-182.

7. АМИЧБА Г.А. К антропонимии абхазских царей // Сб. н. трудов Абхазского гос. у-та. Сухум, 2000. С. 81-84.

8. АНЧАБАДЗЕ Г. К проблеме происхождения княжеского рода Шервашидзе-Чачба // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 36-44.

9. АНЧАБАДЗЕ Г. К проблеме происхождения княжеского рода Шервашидзе-Чачба // Вопросы грузино-абхазских отношений (статьи, обращения, интервью). Кн. 2. Тбилиси, 2011. С. 21-28.

10. АНЧАБАДЗЕ Г. Князья Мачабели // Вопросы грузино-абхазских отношений: (статьи, обращения, интервью). Кн. 2. Тбилиси, 2011. С. 165-176.

11. АНЧАБАДЗЕ Г. Массовый террор в СССР: История одной семьи // Вопросы грузино-абхазских отношений (статьи, обращения, интервью). Кн. 2. Тбилиси, 2011. С. 190-197. [Анчабадзе]

12. АРГУН Ю. Г., ПАВЛЕНКО А.П. Фамильно-родовая система и брачные ареалы // Абхазское долгожительство. М., 1987. С. 67-80.

13. АЧБА А.О. Аубла (из истории владетелей Сочи) // ДС. М., 2012. Вып.1. С. 183-184.

14. БАРАЗБИЕВ М.И. Карачаево-балкарские фамилии адыго-абхазского происхождения // Эльбрус. Нальчик, 1999. №1 (10). С. 135-141.

15. БАХИА С.И. Абхазская «абипара» – патронимия (грузино-абхазские этнографические параллели). Тбилиси, 1986. 83 с. [см. Окруашвили-Бахиа С.И.]

16. БГАНБА-ГОРАНГУР В.Р. Генетическое древо жизни (в схемах). Сухум, 2000. 40 с. 500 экз.

17. БГАНБА-ГОРАНГУР В.Р. Генетическое древо жизни (в схемах). Сухум, 2000. 37 с. 500 экз.

18. БЖАНИЯ В.В. Корень слова Чач в абхазской великокняжеской фамилии Чачба – тюркского происхождения // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум, 2013. Вып. 8-9. С. 77-80.

19. ГВАНЦЕЛАДЗЕ Т. Картвельские фамилии среди абхазов // Лингвистические основы этнической истории Абхазии: Основные проблемы. Тбилиси, 2009. С. 71-95.

20. ГВАРАМИА А. Родом из села Гуп. Сухум, 1999. 50 с. 500 экз. [Гварамия]
21. ГИЦБА А. Время... События... Люди... История фамилии Гицба. Сухум, 2003.
22. ГОЖБА Р.Х. Знаки, уходящие в глубь веков // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум, 2007. Вып. 4. С. 75-81. [абхазские, абазинские и убыхские тамги]
23. ГУБЛИА Р.К. К этимологии некоторых социальных терминов в абхазском языке // Кавказские научные записки. М., 2011. № 3 (8). С. 188-201. [Чачба, Ачба]
24. ГУМБА М.В. Женитьба владетельного князя Михаила Чачба (по материалам АКАК) // Матер. 2-х иналиповских чт. Сухум, 2011.
25. ДАСАНИЯ Д.Н. Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно) // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум, 2003. Вып. 2. С. 199-209.
26. ДАСАНИЯ Д.М. Некоторые вопросы изучения абхазских фамилий // ГСК. Нальчик, 2004. № 12. С. 160-164.
27. ДАСАНИЯ Д. Съезд абхазо-абазинских фамилий // ГСК. Нальчик, 2004. № 12. С. 7-9.
28. ДАСАНИЯ Д.М. Генеалогические связи между абхазскими и карачаево-балкарскими фамилиями // XVIII итоговая н. сессия [Абхазского института гуманитарных исследований АН Абхазии] (3-5 мая). Тез. док. Сухум, 2005. С. 31-32.
29. ДАСАНИЯ Д.М. К вопросу о происхождении абхазских фамилий Ачба и Чачба // ГСК. Нальчик, 2005. № 13. С. 143-145.
30. ДАСАНИЯ Д.М. К вопросу о происхождении абхазских фамилий Ачба и Чачба // 50-я итоговая н. сессия [Абхазского института гуманитарных исследований АН Абхазии] (25-27 апреля). Тез. док. Сухум, 2006. С. 32-33.
31. ДАСАНИЯ Д.М. Из истории изучения абхазских фамилий 60-80-х гг. XX в. // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум, 2007. Вып. 4. С. 165-181.
32. ДАСАНИЯ Д.М. Апсуара и социальный статус абхазских фамилий // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум, 2011. Вып. 5-6. С. 300-319.

33. ДАСАНИЯ Д. М. Генеалогические взаимосвязи абхазов с народами Кавказа // ГНК. Вып. III. Владикавказ, 2011. С. 127-144.
34. ДЖАВАХИШВИЛИ Н. Г. Из истории происхождения рода князей Абхазии // Междунар. научная конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси. 25-27 июня 2009. Тбилиси, 2011. С. 375-376.
35. ДЖАНАШИЯ С. Н. Генеалогия рода Бараташвили // Этнографическое обозрение. М., 1999. № 1. С. 125-136.
36. ДЖОНДЖУА Д. По следам предков... Тбилиси, 2001. 87 с. [Надарейшвили, Шервашидзе]
37. ДОЛГОРУКОВ П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. Ч. 3. СПб., 1856.
Из содержания: КНЯЗЬЯ Шервашидзе. С. 56-57.
38. ДОЛГОРУКОЙ Ф. С. Родословная книга владетельных домов. СПб., 1913.
Из содержания: ДОМ Абхазский. С. 7.
39. ДУМИН С. В. Шервашидзе (Шарвашидзе, Чачба) // ДРРИ. Т.4. С. 21-34.
40. ДУМИН С. В., ЧИКОВАНИ Ю. К. Князья Абхазовы (Абхазии) // ДРРИ. Т.4. С. 99-101.
41. ДУМИН С. В. Князья Абхазовы (Абхазии-Анчабадзе) // ДРРИ. Т.4. С. 101.
42. ДУМИН С. В. Князья Эристовы (Эристави-Гурийские) // ДРРИ. Т.4. С. 265-267.
43. ЗУХБА С. Л., МАЛИЯ Е. М. Генеалогические предания абхазов // Проблемы рег. ономастики. Матер. межвуз. н.-практ. конф. Майкоп, 1998. С. 56-58.
44. ИНАЛ-ИПА (ХОТЕЛАШВИЛИ) М. К. К истории рода сочинских князей Аублаа // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 143-159.
45. ИНАЛ-ИПА Ш. Д. О структуре рода в Абхазии // Тез. док. V н. сессии Абхазского института языка, литературы и искусства. Сухуми, 1951. С. 8-9.
46. ИНАЛ-ИПА Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. 381 с. 1000 экз.
47. ИОНОВА С. Х. Абазинские фамилии и имена. Черкесск, 2006. 480 с. 200 экз.

48. КВИЦИНИЯ А. М. Очаг большой семьи. М., 1999. 64 с. 500 экз. [Квициния, Чачба]
49. КЕЦБА В. Братья Аргун – потомки цабальцев // Абаза. Сухум, 1995. № 1. С. 14-15.
50. КИШМАХОВ М. Х-Б. Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2004. 194 с.
51. КРУПНИК М. И. Структурно-генеалогическое изучение абхазского долгожительства // Феномен долгожительства. М., 1982. С. 50-69.
52. КРУПНИК М. И., ЧЛЕНОВ М. А. Генеалогия в изучении абхазского долгожительства // Абхазское долгожительство. М., 1987. С. 80-93.
53. КСЕНОФОНТОВ В. Л. О княжеском роде Гечба // Сочинский краевед. Сочи, 2000. Вып. 9. С. 31-33.
54. КУПРАВА А. Э. К истории преобразований абхазских фамильных имен: На примере исторического Самурзакана XIX-XX вв. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Междунар. н. конф. 28-31 мая 2001 г. Сухум, 2004. С. 47-56.
55. КУПРАВА А. Э. Из истории абхазской антропониимии: к вопросу преобразований фамильных имен. Сочи, 2003. 187 с.
то же: // КУПРАВА А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2008. С. 308-552.
56. КУПРАВА А. Э. Влияние русского языка на антропониимику абхазов (XIX-XX вв.) // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум, 2009. Вып. 3. С. 198-207.
57. КУПРАВА А. Э. Джигетские фамилии в Грузии // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 160-165.
58. ЛООВ И. Р. О привилегированных сословиях у абхазо-адыгских народов // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Матер. рег. н.-практ. конф. Краснодар, 2002. С. 116-118.
59. ЛУКИН А. Л. Праздник рода Леаа (Лейбовых) // Известия Абхазского института языка, литературы и искусства. Тбилиси, 1981. Т. X. С. 74-92.

60. МААН О. В. Семейные сходства у абхазов // Полевые исследования. Новая серия. Том 1. Вып. 2. М., 1993. С. 68-76.

то же: Проблемы этнического развития и традиционной культуры абхазов. Сухум, 2014. С. 184-193.

61. МААН О. В. Из истории фамильных имен абхазов // Абхазоведение. История, археология, этнология. Сухум, 2003. Вып. 2. С. 189-198.

62. МААН О. В. К антропонимии населения Юго-Восточной Абхазии // Этнографическое обозрение. М., 2009. № 5. С. 42-51.

то же: Проблемы этнического развития и традиционной культуры абхазов. Сухум, 2014. С. 151-168.

63. МАТЕРИАЛЫ и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. Венден, 1913. 107 с. 100 экз.

64. МЕМУАРЫ фрейлины императрицы. Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений. М., 2012. 350 с. 3000 экз. [Шервашидзе, Дадияни]

65. НЮШКОВ В. А. Правители Аписии в первой половине VIII века (по сведениям Феофана Хронографа) // Аква-Сухум. Сухум, 2012. № 2. С. 323-330.

66. ОКРУАШВИЛИ-БАХИЯ С. И. Абхазская «абипара» – патронимия (историко-этнографическое исследование). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983. 193 с.

67. ПАПАСКИРИ З. К вопросу о национально-государственной и культурной самоидентификации Абхазского владетельского дома Шарвашидзе // Моя Абхазия. Воспоминания и размышления. Тбилиси, 2012. С. 399-411.

68. ПАПБА М. А. О потомках селения Ахчипсоу, проживающих ныне в Турции // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 114-123.

69. ПАХОМОВ А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Тбилиси, 1957. С. 231-307.

70. ПАЧУЛИА В. П. О Г. Д. Гулия и его отце Д. И. Гулия // Тверской А. Георгий Гулия как он есть. Сухуми, 1985. С. 246-248.

71. ПИЛИЯ В. Т. Церковные книги как источник по истории Абхазии // Тез. док. н. конф., посв. 80-летию со дня рождения вы-

дающего историка-кавказоведа Зураба Вианоровича Анчабадзе. Сухум, 2000. С. 20-21.

72. ПИЛИЯ В. Т. Личные имена по церковным книгам метрических сел Абхазии (1890-1910 гг.) // Труды Абхазского у-та. Сухум, 2003. Ч. 2. С. 108-112.

73. САМАНБА Л. Наша родословная // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 13-22.

74. СМЫР Г. В. Об основных особенностях этнически абхазского происхождения фамилий // Проблемы рег. ономастики. Матер. 2-й межвуз. н.-практ. конф. Майкоп, 2000. С. 236-238.

75. СМЫР Г. В. Основные особенности абхазских фамилий. Сухум, 2000.

76. СМЫР Г. В. Об основных лингвистических особенностях и критериях определения исконно абхазского происхождения фамилий // Рег. кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Матер. межвуз. н. конф. Карачаевск, 2001. С. 237-239.

77. СМЫР Г. В. Об абхазской патримонии и фамилиях патримонического происхождения // Проблемы рег. ономастики. Матер. 3-й межвуз. н.-практ. конф. Майкоп, 2002. С. 180-181.

78. СМЫР Г. В. Социально-культурный портрет однофамильцев Смыр и Сымсым. Очерки и материалы // Алиевские чтения. Н. сессия преподавателей и аспирантов КЧГУ. Матер. н. сессии. Карачаевск, 2003. С. 315-317.

79. СМЫР Г. В. История и социально-культурный портрет однофамильцев Смыр и Сымсым. Очерки и материалы. Карачаевск, Сухум, 2011. 555 с.

80. ТХАЙЦУКОВ М. С. Генеалогия абазинских фамилий как историко-этнографический источник // Известия Абхазского института языка, литературы и искусства. Тбилиси, 1989. Т. XV. С. 105-119.

81. ХОТЕЛАШВИЛИ-ИНАЛ-ИПА М. К. Абхазские тамги // ИНАЛ-ИПА Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 344-371.

82. ХОТЕЛАШВИЛИ-ИНАЛ-ИПА М. К. Гербы княжеских родов Абхазии // ИНАЛ-ИПА Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002. С. 372-375.

83. ХОТКО (АГРБА) Б.С. Ажырныха – культ поклонения богу кузни (на примере моления в роду Цвижба) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII-XXI вв.): Матер. Всерос. н.-практ. конф. Краснодар, 2013.

84. ЦВИЖБА Л.И. Джигетские князья Гечь в XIX в. // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 177-182.

85. ЧАЧХАЛИА Д. О княжеском роде Гечба // Хроника абхазских царей. Статьи. Заметки. Дополнения. М., 2000. С. 70-84.

86. ЧАЧХАЛИА Д. Историческая топонимика большого Сочи середины XIX века (фамильно-родовая номенклатура) // Э. Мартель. Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии. М., 2004. С. 164-181.

87. ЧАЧХАЛИА Д. Историческая топонимика Большого Сочи середины XIX века (фамильно-родовая номенклатура) // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 192-208.

88. ЧАЧХАЛИА Д.К. К вопросу о национальном самосознании сочинских владетелей Аубла // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 259-260.

89. ЧАЧХАЛИА Д.К. О владетелях Сочи – князьях Аублаа // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 175-176.

90. ЧАЧХАЛИА Д.К. О княжеском роде Гечба // ДС. М., 2012. Вып. 1. С. 166-174.

91. ЧИКОВАНИ Ю. Род Абхазских князей Шервашидзе (историко-генеалогическое исследование). Тбилиси, 2007. 175 с.

92. ЧИКОВАНИ Ю. Род Князей Мачабели (историко-генеалогическое исследование). Тбилиси, 2009. 181 с.

93. ШАМБА И.В. Моление рода Лейба (современность) // Труды Абхазского гос. музея. Сухум, 2008. Вып. VI. С. 175-186.

94. ШАМБА Т. М., НЕПРОШИН А. Ю. Статус и герб владетельных князей Абхазии // Кавказские научные записки. М., 2011. № 3 (8). С. 59-67.

95. ШАМБА Т. М., НЕПРОШИН А. Ю. История абхазских князей Шервашидзе. М., 2013. 428 с.

96. ШЕРВАШИДЗЕ Н.Г. О зарубежных Шервашидзе. Ставрополь, 2012. 68 с., илл.

Условные обозначения

- АН – Академия наук.
бюлл. – бюллетень.
всесоюз. – всесоюзная.
всерос. – всероссийская.
вып. – выпуск.
г. – город, год.
ГНК – Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Сборник статей.
ГСК – Генеалогия Северного Кавказа.
гос. – государственный (-ая).
ДРРИ. Т.3. Дворянские роды Российской Империи. Т.3. Князя/Руководители авторского коллектива П. Х. Гребельский и С. В. Думин. Научный редактор С. В. Думин. СПб., 1996. 278 с., илл. 6000 экз.
ДРРИ. Т.4. Дворянские роды Российской Империи. Т.4. Князя Царства Грузинского/Руководители авторского коллектива П. Х. Гребельский и С. В. Думин / Под ред. С. В. Думина. М., 1998. 278 с., илл. 6000 экз.
ДС – Джигетский сборник. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии.
док. – доклад (-ов, -ы).
изд. – издание.
илл. – иллюстрации.
конф. – конференция (-ии).
М. – Москва.
матер. – материалы (-ов).
междунар. – международный (-ая)
н. – научный (-ая)
н.-практ. – научно-практическая.
общ. – общественных.
отт. – оттиск.
пам. – памяти.
посв. – посвященный (-ая)
практ. – практическая.

РАН – Российская Академия наук.

рег. – региональный (-ая)

ред. – редактор.

рец. – рецензия.

с. – страница.

сб. – сборник.

сер. – серия.

сообщ. – сообщения.

сост. – составитель.

СПб. – Санкт-Петербург.

студенч. – студенческой.

т. – том.

тез. – тезисы (-ов).

ун-т – университет (-та).

ч. – часть.

экз. – экземпляров.

яз. – язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамян Рафаэл Михайлович – кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества (г. Москва, Россия).

Арсанукаева Малика Султановна – доктор юридических, кандидат экономических наук, профессор Российской правовой академии Минюста России, доцент (г. Москва, Россия).

Атабекян Вреж – член Союза Армянских Дворян и Арцахского Меликского Союза (г. Ереван, Армения).

Батаева Раиса Бибертовна – зам. начальника отдела Архивного управления Правительства Чеченской Республики (АУП ЧР) (г. Грозный, Россия).

Брацун Егор Васильевич – аспирант кафедры Дореволюционной отечественной истории ФИСМО КубГУ (г. Кореновск, Россия).

Гарсаев Лейчий Магамедович – доктор исторических наук, профессор ЧГУ, зав. отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики (ИГИ АН ЧР), ГНС лаборатории археологии и этнографии КНИИ РАН им. Х. И. Ибрагимова (г. Грозный, Россия).

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия).

Далгат Эльмира Муртузалиевна – доктор исторических

наук, профессор, зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (г. Махачкала, Россия).

Дасания Давид Мканович – историк-этнолог, автор и руководитель международного проекта «Кавказ – наш общий дом» (г. Сухум, Абхазия).

Джавахишвили Николай Георгиевич – доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили (ТГУ), главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили (г. Тбилиси, Грузия).

Кармов Руслан Корнетович – начальник отдела Архивной службы КБР (г. Нальчик, Россия).

Киреев Феликс Сергеевич – научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ, Россия).

Кулиев Муса Рагимоглу – доктор философии по истории, действительный член Азербайджанского историко-родословного общества, старший научный сотрудник Института истории, этнографии и археологии Нахичеванского отделения Национальной Академии наук Азербайджана (г. Нахичевань, Азербайджан).

Магальян Артак Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Республики Армения (г. Ереван, Армения).

Малкарова Натэлла Отаровна – зав. специальной научной библиотекой Художественного музея им. М. С. Туганова (г. Владикавказ, Россия).

Марзоев Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В.И. Абаева, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Россия).

Мусаева Салихат Ибрагимовна – доктор исторических наук, профессор факультета Востоковедения Дагестанского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Дагестан. (г. Махачкала, Россия).

Тезиева Мадина Хазбиевна – член Союза кинематографистов РФ, член Союза журналистов РФ, член гильдии кинорежиссеров РФ, член Ассоциации документального кино СК РФ (г. Владикавказ, Россия).

Хасбулатова Зулай Имрановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории культуры и музееведения Чеченского государственного университета (г. Грозный, Россия).

Хатламаджиян Акоп Срабионович – генеалог (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Шумков Андрей Александрович – русский генеалог, действительный член Историко-родословного общества в Москве, член Русского генеалогического общества, член Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов (г. Санкт-Петербург, Россия).

Научное издание

**ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КAVKAZA
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Выпуск VII

Материалы публикуются в авторской редакции

*Корректор И.Г. Дзуцева
Технический редактор Е.Н. Маслов
Оформление обложки Е.Н. Макарова
Компьютерная верстка С.А. Булацева*

Подписано в печать 10.06.2015.
Бум. офс. Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times». Усл. п.л. 16.3.
Тираж 100 экз. Заказ № 47.

ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-Алания
362040, г. Владикавказ, пр.Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

